Автор-составитель Т. Ф. Курдюмова

ЛИТЕРАТУРА

Часть II

и сочные иглы. Стоило чуть нажать их, и в лицо брызгал зеленый сок.

Бабушкин сад и все эти цветы с необыкновенной силой действовали на мое воображение. Должно быть, в этом саду и родилось мое пристрастие к путешествиям. В детстве я представлял себе далекую страну, куда непременно поеду, как холмистую равнину, заросшую до горизонта травой и ш
В них тонули деревни и города. Когда ск
да пересекали эту равнину, на стенках
стым слоем налипала пыльца.

Я рассказал об этом братьям, сес
никто меня не хотел понять. В от

6

ДРОФА
ВЕРТИКАЛЬ
Электронное приложение
www.drofa.ru

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Учебник-хрестоматия для учащихся 6 класса входит в учебно-методический комплекс по литературе для 5—11 классов, созданный по единой программе литературного образования, составленной Т. Ф. Курдюмовой.

Учебник-хрестоматия «Литература. 6 класс» продолжает процесс литературного образования школьников. Автор обращает внимание учащихся на образ их ровесника в художественной литературе.

Учебник-хрестоматия соответствует Федеральному государственному образовательному стандарту основного общего образования.

- Литература. 6 класс. В двух частях. Часть II
  - Мир путешествий и приключений
    -
    - Герои и события
    - Теренс Хэнбери Уайт
      -
      - Свеча на ветру. Рыцарь, совершивший проступок. В сокращении
    - Марк Твен (Сэмюэль Ленгхорн Клеменс)
      -
      - Приключения Гекльберри Финна. Фрагменты
    - Жюль Верн
      -
      - Таинственный остров. В сокращении
        - Часть первая. Крушение в воздухе
    - Оскар Уайльд (Оскар Фингал О’Флаерти Уилс Уайльд)
      -
      - Кентервильское привидение. Материально-идеалистическая история
    - Антуан де Сент-Экзюпери
      -
      - Маленький принц. Фрагменты
    - Герой среди героев
  - Литература XX века
  - Читателям XXI века
    -
    - Аркадий Тимофеевич Аверченко

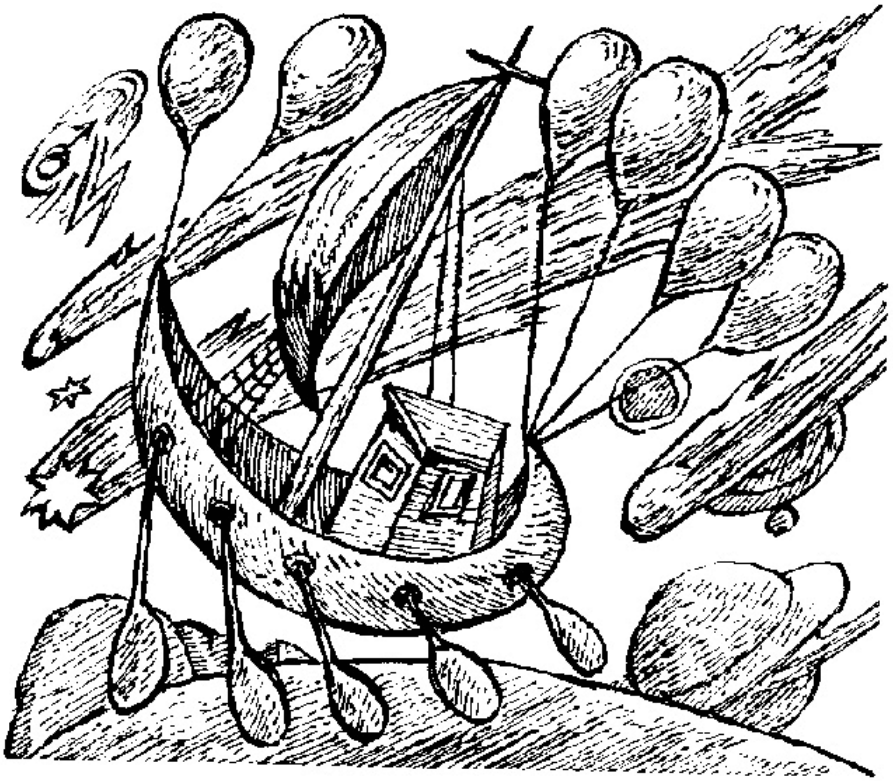
- Смерть африканского охотника
- Максим Горький
- Детство. Фрагменты
- Александр Степанович Грин
- Гнев отца
- Константин Георгиевич Паустовский
- Повесть о жизни. Фрагменты
- Читатель-подросток и мир вокруг. Ещё раз о герое произведения – читателе
- Фазиль Абдулович Искандер
- Детство Чика. В сокращении
- Немного о школьных инсценировках
- Родная природа в стихах русских поэтов XX века
- Иван Алексеевич Бунин
- Детство
- Первый соловей
- Александр Александрович Блок
- Ветер принёс издалёка…
- Полный месяц встал над лугом…
- Константин Дмитриевич Бальмонт
- Золотая рыбка
- Борис Леонидович Пастернак
- Июль
- Великая Отечественная война в литературе
- Константин Михайлович Симонов
- Сын артиллериста
- Моя Москва
- Герой художественного произведения и автор
- Природа и человек
- Подведём итоги
- Рекомендуемые интернет-ресурсы
- Краткий словарь литературоведческих терминов
- Иллюстрации

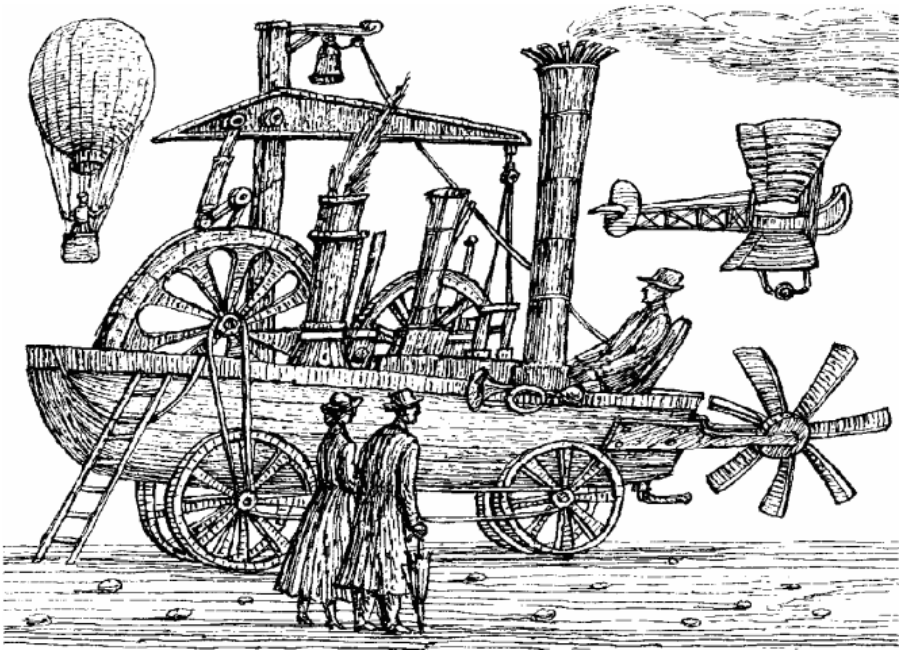
- notes
- 1
- 2
- 3
- 4
- 5

- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39

Литература. 6 класс. В двух частях. Часть II (Автор-составитель Т. Ф. Курдюмова)

Мир путешествий и приключений





Герои и события

Как читатели вы давно освоились в мире приключений и стали активными участниками путешествий, сражений и неожиданностей, которые поджидали ваших героев. Конечно, пока это были приключения и путешествия, которые случались на страницах книг, в вашей фантазии. Их вам подсказали сами авторы, которым вы, наверное, благодарны за радость от встречи со смелыми и благородными людьми. В 6 классе ваши приключения приобрели ещё больше сходства с реальными событиями: ведь в книгах этого раздела главные участники – ваши ровесники.

Но вам следует запомнить и ещё одну важную вещь: вы видите перед собой книги, которые написаны для ваших ровесников. Ведь «Робинзон Крузо», например, хотя и был написан для взрослых читателей, но потом его обработали для чтения подростков.

В XIX веке появилась детская и юношеская литература, встреча с которой и ждёт вас в этом классе.

Теренс Хэнбери Уайт (1906–1964)

Английский писатель Теренс Хэнбери Уайт – автор тетралогии[1], которая имеет общее название «Король былого и грядущего»: том первый – «Меч в камне» (книги 1-я и 2-я), том второй – «Свеча на ветру» (книги 3-я и 4-я). Это произведение фантастической литературы нашего века столь же популярно, как «Хоббит» и «Властелин Колец» Толкиена.

Книга создана на основе британских легенд и мифов и представляет собой сочетание фантастической сказки и реальной истории, живого юмора и трагических событий.

Старые предания, подсказавшие современному автору сюжеты и характеры, обстоятельства и события, образы героев и сведения об эпохе, вводят нас в мир, в котором рождались и утверждались требования кодекса чести рыцарей Круглого стола. Герои романов, созданных уже в нашем веке, совершают благородные поступки и свято соблюдают систему правил рыцарского поведения.

Небольшие фрагменты из второго тома тетралогии помогут вам познакомиться со знаменитым сэром Ланселотом – образцом чести, достоинства и доблести, галантности и способности спокойно идти на подвиг. В начале повествования он ещё подросток, затем восемнадцатилетний юноша.

Читатель всегда представляет рыцаря прекрасным внешне. Но Ланселот, образец рыцарской доблести, оказывается, был безобразен. Однако это не помешало ему воспитать в себе самые лучшие качества. Зеркал ещё не было, и первое представление о своём облике он составил по отражениям на выпуклостях шлема. Знакомясь с Ланселотом, мы вместе проследим, как подросток вызвал на бой всё то, что его не устраивало в самом себе. Внимательно понаблюдайте, как писатель, изображая далёкую и легендарную судьбу, затрагивает сегодняшние проблемы.

Свеча на ветру. *Рыцарь, совершивший проступок. В сокращении*

1

В замке Бенвика мальчик-француз разглядывал своё лицо, отражённое полированной поверхностью шлема. Шлем отливал

на солнце упрямым металлическим блеском. В сущности, он мало чем отличался от касок, какие и поныне носят солдаты, – зеркало из него было плохое, но лучшего мальчику раздобыть не удалось. Он вертел его так и этак, надеясь получить общее представление о своём лице по различным искажениям, создаваемым выпуклостями шлема. Он хотел уяснить, что он собой представляет, и страшился того, что ему предстояло узнать.

Мальчику казалось, что в нём есть какой-то изъян. Всю свою жизнь, – даже став великим человеком и увидев мир лежащим у своих ног, – он ощущал этот недостаток: нечто, таившееся в самой глубине души, осознаваемое, постыдное, но так и не понятое. Не стоит и нам пытаться это понять. Не нужно из праздного любопытства ломиться в дверь, которую он предпочёл оставить закрытой.

Стены Оружейной, посреди которой стоял мальчик, украшали орудия войны. Последние два часа он без остановки крутил в воздухе пару гантелей (он называл их «грузиками») и пел сам себе песню без слов – равно как и без мотива. Ему было пятнадцать лет. Он только что вернулся из Англии, где отец его, Король Бан Бенвикский, помогал Английскому Королю в подавлении мятежа. Если вы помните, Артур намеревался созвать для Круглого стола именно юных рыцарей и приметил на пиру Ланселота, победившего в большинстве игр.

Ланселот, размахивая в воздухе гантелями и издавая бессловесный шум, напряжённо размышлял о Короле Артуре. Он был влюблён в Короля. Потому-то он и размахивал своими «грузиками». Он помнил каждое слово того единственного разговора, который состоялся между ним и его героем.

Когда они грузились на корабль, чтобы отплыть во Францию, Артур, поцеловав на прощание Короля Бана, окликнул Ланселота, и они вдвоем отошли в один из тихих уголков судна. Фоном для их разговора служили украшенные гербами паруса Банова флота, матросы на корабельных снастях, орудийные башни, лучники и чайки, похожие на хлопья свинцовых белил.

– Ланс, – сказал Король, – отойдём на минутку, ладно?

– Сэр.

– Я присматривался к тебе во время игр на пиру.

– Сэр.

– Похоже, ты победил в большинстве из них.

Ланселот скосил глаза к кончику носа.

– Мне нужны люди, искусные в играх, и побольше, чтобы помочь в осуществлении одной идеи. Не сейчас – после, когда я действительно стану Королем и в моем королевстве наступит покой. Вот я и подумал, может быть, ты согласишься помочь мне, когда подрастёшь?

Мальчик словно бы поёжился и вдруг поднял на собеседника вспыхнувшие глаза.

– Это касается рыцарей, – продолжал Артур. – Я собираюсь основать рыцарский орден – что-то вроде Ордена Подвязки, – который может противостоять Силе. Ты бы хотел присоединиться к нему?

– Да.

Король вглядывался в мальчика, затрудняясь понять, польщён ли тот, напуган или просто не хочет показаться невеждой.

– Ты понимаешь, о чём я говорю?

И тут Ланселот совершенно обескуражил Артура.

– У нас во Франции это называется «Fort Mayne» – «Сильная Рука», – пояснил он. – Самый сильный человек в клане добивается положения главы, а после этого творит, что захочет. Поэтому мы и зовём это Сильной Рукой. Ты хочешь положить конец

правлению Сильной Руки, собрав воедино рыцарей, которые больше верят в правоту, чем в Силу. Да, мне бы очень хотелось стать одним из них. Но сначала мне нужно вырасти. Спасибо. Теперь же – прощай.

И они отплыли из Англии – мальчик стоял на носу корабля, не оглядываясь, ибо не желал выказывать того, что чувствовал. В ночь свадебного пиршества он уже влюбился в Артура и увозил с собою во Францию запечатлённый в душе образ блестящего северного короля, сидевшего за вечерней трапезой в блеске и славе своих военных побед.

За чёрными глазами, которые усиленно вглядывались в шлем, таился сон, виденный Ланселотом прошлой ночью. Семь столетий назад – или пятнадцать, если принять хронологию Мэлори[2], – человек относился к снам так же серьёзно, как нынешний психиатр, а сон Ланселота был сном тревожным. Не потому, что он означал что-либо, – ибо, что этот сон означает, мальчик и представить не мог, – потому, что он оставил после себя чувство утраты. Вот что ему приснилось.

Сначала Ланселот и его младший брат, Эктор Окраинный, сидели в креслах. Затем они поднялись и вскочили на коней, и Ланселот сказал: «Едем разыскивать то, чего не найдём». Так они и поступили. Но Муж Силы напал на Ланселота, и побил его, и сорвал с него облачение, и нарядил его в другие одежды, все в узлах, и заставил его ехать верхом на осле вместо коня. И так Ланселот выехал к источнику, которого прекраснее никогда не видывал в жизни, и сошёл с осла, чтобы напиться. И казалось ему, что нет ничего лучше на свете, как испить из того источника. Но едва только он потянулся губами к воде, она отступила. Она уходила вниз, и он не мог до неё дотянуться. Это бегство воды оставило в нём ощущение покинутости.

Артур, и источник, и гантели, которым предстояло сделать его достойным Артура, и боль в руках, уставших вращать гантели, – всё это смутно теснилось в сознании мальчика, пока он так и этак клонил шлем, держа его в ладонях, но голову мальчика занимала иная мысль – мысль о лице, отражённом в металле, и о чём-то, что, свихнувшись в глубине его духа, породило такое лицо. Он не был склонен к самообману. Он знал, что, как ни верти в руках морион[3], нового тот ничего не расскажет. Он давно уже решил, что, повзрослев и став настоящим рыцарем, изберёт себе прозвание, полное грусти. Его, как старшего сына, непременно положат в рыцари, но он не примет имени «сэр Ланселот». Нет, он назовёт себя Кавалером Мальфет – Рыцарем, Совершившим Проступок.

Насколько мальчик мог различить, – и, конечно, думал он,

тому должна иметься причина, – лицо его было столь же уродливо, сколь у чудища из зверинца Артура. Более всего он походил на африканскую обезьяну…

3

Была одна общая черта у славных семейств, центром притяжения которых стала судьба Артура. Во всех трёх имелся свой постоянно живущий рядом с семьёй гений-хранитель – нечто среднее между наставником и наперсником, – определивший характер детей каждого из семейств. В замке сэра Эктора им был Мерлин, оказавший решающее влияние на жизнь Артура. В далёком и одиноком Лоутеане имелся святой Тойрделбах, чья воинственная философия, надо думать, во многом определила клановую обособленность Гавейна и его братьев. В замке Короля Бана проживал Ланселотов дядюшка, которого звали Гвенборс. На самом-то деле, мы уже встречали этого старика, известного каждому как дядюшка Скок, но его наречённое имя было Гвенборс…

Однажды ясным днём в конце лета Ланселот с дядей сидели в Оружейной. В солнечных лучах, заливавших просторную комнату, плясала пыль, которую сами они подняли минуту назад, вдоль стен стояли начищенные доспехи и висели на колышках копья, шлемы и морионы. Кинжалы, коими добивают врага, латы, штандарты и вымпелы с гербами Бана теснились вокруг. Бойцы присели отдохнуть и отдышаться после схватки, дядюшка Скок пыхтел. Ланселоту уже минуло восемнадцать. Фехтовал он теперь лучше, чем его маэстро, – впрочем, дядюшка Скок не желал в этом признаться, а потому и его ученик из вежливости делал вид, что это не так.

Они ещё не передохнули, когда появился паж и сказал, что матушка Ланселота призывает его к себе.

– Зачем?

Паж ответил, что приехал джентльмен, желающий видеть его, и Королева просила, чтобы он пришёл, не задерживаясь.

Королева Элейна сидела в башенном покое, там, где она обычно ткала гобелены, а по сторонам от неё расположились двое её гостей…

Трое взрослых сидели в темноватой комнате за длинным столом, словно экзаменаторы. Помимо Элейны, это были пожилой господин, белобородый и в остроконечной шляпе, и приятного вида бойкая девица с оливковой кожей и выщипанными бровями. Все трое уставились на Ланселота, но

первым открыл рот пожилой господин.

– Хм!

Прочие молча ждали.

– Вы назвали его Галахадом, – сказал пожилой господин. – То есть Галахад – его прежнее имя, – добавил он, – а теперь, после конфирмации[4], его зовут Ланселотом.

– Как вы об этом узнали?

– Тут уж ничего не поделаешь, – ответил Мерлин. – Это из тех вещей, которые знаешь – и всё, и говорить больше не о чем. Так, постойте-ка, что ещё я вам собирался сказать?

Дамочка с выщипанными бровями поднесла ладошку ко рту и зевнула, изящно, как кошка.

– Через тридцать лет, считая от сегодняшнего дня, исполнится заветнейшее из его сердечных желаний, а кроме того, он станет первым среди рыцарей мира.

– А я доживу до этого? – спросила Королева Элейна.

Мерлин поскрёб голову, стукнул по маковке костяшками пальцев и ответствовал:

– Да.

– Ну что же, – сказала Королева, – должна сказать, всё это просто чудесно. Ты слышал, Ланс? Тебе предстоит стать лучшим в мире рыцарем!

Юноша спросил:

– Вы прибыли сюда от двора Короля Артура?

– Да.

– Там всё в порядке?

– Да. Он посылает тебе привет.

– Король счастлив?

– Очень. И Гвиневера тебе тоже кланялась.

– Какая Гвиневера?

– Милость Господня! – воскликнул волшебник. – Ты её разве не знаешь? Впрочем, конечно, нет. У меня в голове всё перепуталось.

Тут он взглянул на миловидную девицу так, словно это её вина, – как оно, в сущности, и было. Девицу звали Нимуя, он наконец влюбился в неё.

– Гвиневера, – пояснила Нимуя, – это молодая Королева. Они с Артуром уже несколько времени, как женаты.

– Она дочь Короля Леодегранса, – пояснил Мерлин. – К свадьбе он подарил Артуру круглый стол и сотню рыцарей в придачу. Но за столом достанет места для ста пятидесяти.

– О! – произнёс Ланселот.

– Король собирался тебя известить, – сказал Мерлин. – Быть может, вестник утонул по дороге. Наверное, шторм приключился.

Нет, правда, он хотел тебя известить.

– О! – во второй раз произнёс юноша.

Мерлин заговорил торопливо, ибо понимал, что положение сложилось не из самых ловких. Глядя на Ланселота, он не мог уяснить, обижен ли тот или просто у него всегда такое лицо.

– Пока он успел заполнить лишь двадцать девять сидений, – рассказывал Мерлин. – Двадцать одно осталось незанятым. Свободных мест полно. И на них золотом начертаны имена рыцарей.

Последовала пауза, никто не знал, что сказать. Затем Ланселот откашлялся.

– Когда я был в Англии, – сказал он, – там был один мальчик. Его звали Гавейн. Он тоже стал рыцарем Стола?

Мерлин с виноватым видом кивнул головой.

– Его посвятили в день свадьбы Артура.

– Понятно.

Последовала ещё одна долгая пауза.

– А эту даму, – сказал Мерлин, чувствуя, что паузу следует чем-то заполнить, – зовут Нимуя. Я влюбился в неё. У нас что-то вроде свадебного путешествия, только волшебного, и теперь нам самое время отправиться в Корнуолл. Простите, что не смогу погостить у вас подольше.

– Но, Мерлин, дорогой, – воскликнула Королева, – вы ведь останетесь на ночь?

– Нет-нет. Спасибо. Огромное вам спасибо. Именно сейчас мы страшно спешим.

– Но, может быть, хоть выпьете стаканчик чего-нибудь на дорожку?

– Спасибо, нет. Вы очень добры, но, право же, нам пора. Мы должны заняться в Корнуолле кое-каким волшебством.

– Вы так ненадолго заглянули… – начала Королева.

Мерлин прервал её, поднявшись и взяв Нимую за руку.

– Ну, до свидания, – решительно вымолвил он, и оба, пару раз крутанувшись, исчезли.

Исчезли тела, но голос волшебника ещё помедлил в воздухе.

– Что ж, вот и дело с концом, – произнёс он с облегчением. – А теперь, ангел мой, как насчёт того местечка в Корнуолле, про которое я тебе рассказывал, помнишь, с волшебной пещерой?

Медленно Ланселот вернулся в Оружейную к дядюшке Скоку. Он встал прямо перед дядюшкой и закусил губу.

– Я собираюсь в Англию, – сообщил он.

Дядюшка Скок изумлённо взглянул на него, но ничего не сказал.

– Уезжаю сегодня.

– Как-то ты неожиданно, – сказал дядюшка Скок. – Твоя матушка обыкновенно не принимает решений с такой быстротой.

– Она ничего об этом не знает.

– Ты что, намерен сбежать?

– Если я скажу матери и отцу, ничего кроме шума не получится, – пояснил Ланселот. – Я не собираюсь убегать. Я вернусь. Но я должен попасть в Англию как можно скорее.

– И ты рассчитываешь, что я ничего не сообщу твоей матери?

– Да, рассчитываю.

Дядюшка Скок подёргал себя за усы и скрестил руки.

– Если они проведают, что я мог тебе помешать, – заметил он, – Бан мне голову снимет.

– Не проведают, – безразлично сказал мальчик и пошёл собираться в дорогу.

Спустя неделю Ланселот с дядюшкой Скоком на странном корабле пересекали Ла-Манш. На носу и на корме судна размещались некие подобия крепостей. Ещё одна крепость находилась посередке единственной мачты, придавая ей сходство с голубятней. Из неё во все стороны торчали флаги. Нарядный парус нёс изображение Святого Креста, а с верхушки мачты свисал громадных размеров вымпел. Судно было о восьми вёслах. Обоих пассажиров тошнило.

4

С горестным чувством скакал в Камелот пылкий поклонник Артура. В восемнадцать лет отдать Королю всю свою жизнь и лишь для того, чтобы тебя забыли, – тяжко; тяжко провести столь многие часы в пыли и унынии Оружейной, размахивая тяжёлым мечом, – лишь для того, чтобы узнать, что Гавейна посвятили в рыцари первым; а тяжелее всего – день за днём ломать своё тело ради идеала, исповедуемого человеком, который превосходит тебя годами, и, почти достигнув идеала, обнаружить, что под самый конец откуда ни возьмись появилась какая-то ветреница и без особых усилий отняла у тебя любовь этого человека. Ланселот ревновал к Гвиневере и сам стыдился того.

Дядюшка Скок молча трусил следом за горестным молодым человеком. Ему было ведомо нечто, о чём этот зелёный юнец ещё не догадывался по молодости лет, – он знал, что его ученик – лучший рыцарь Европы. Дядюшка Скок, трепеща, поспевал за своим вундеркиндом, напоминая синицу, воспитавшую кукушонка. На своём скакуне он вёз боевые доспехи, стянутые ремнями в аккуратный тюк, – в согласии с его хитроумными

соображениями, ибо отныне он был оруженосцем Ланселота.

Они выехали на лесную прогалину с небольшим потоком посередине. Тут находился брод, и поток бежал, позванивая, по чистым камням, лежавшим на глубине всего в несколько дюймов. Солнце заливало прогалину, ворковали сонные вяхири, а по другую сторону певучего потока возвышался огромный рыцарь в чёрных доспехах и низко надвинутом турнирном шлеме. Щит его обтягивала парусина, он неподвижно восседал на чёрном коне. Прочитать его герб никакой возможности не было. Неподвижный, осанистый в своей железной оболочке, с огромным слепым шлемом на голове, лишавшим его лица, он выглядел очень грозно. Невозможно было понять, о чём он думает и что собирается предпринять. Он казался воплощением опасности.

Ланселот остановился, дядюшка Скок тоже. Конь чёрного рыцаря перешёл неглубокую воду, и рыцарь, оказавшись перед путниками, натянул поводья. Он поднял в приветственном жесте копьё и ткнул им куда-то за спину Ланселота. Он то ли требовал, чтобы тот воротился домой, то ли указывал удобное место, с которого они могли бы атаковать друг друга. Как бы там ни было, Ланселот отсалютовал ему рукой в латной рукавице и развернулся, чтобы занять исходную позицию. Он взял у дядюшки Скока одно из копий, натянул на голову висевший за спиной на цепочке шлем, поднял стальное забрало и закрепил его. Теперь и он стал человеком без лица.

Двое рыцарей взирали один на другого с противоположных концов небольшой поляны. Затем, хотя ни один из них так и не произнёс до сих пор ни слова, они упёрли копья в седельные упоры, пришпорили коней и двинулись друг на друга. Дядюшка Скок, выбравший безопасное место за одним из ближних деревьев, едва сдерживал охвативший его восторг. Он знал, что сейчас случится с чёрным рыцарем (хотя сам Ланселот не ведал того), и уже начал прищёлкивать пальцами.

Когда делаешь нечто впервые, оно, как правило, очень волнует. Скажем, в первый раз самостоятельно управляя аэропланом, буквально не можешь дышать от волнения. Ланселот никогда до того не участвовал в настоящем поединке, и, хоть он сотни раз атаковал кольца и чучела, всерьёз рисковать своей жизнью ему еще не приходилось. В первый миг он подумал: «Ну вот, дошло и до дела. Теперь мне никто не поможет». Во второй – его действия стали автоматическими, словно перед ним было всё то же чучело или кольцо.

Остриё копья ударило чёрного рыцаря под обод оплечья, точно в нужное место. Конь Ланселота шёл полным галопом, к которому конь чёрного рыцаря ещё только готовился. Чёрного

рыцаря вместе с конём резко развернуло справа налево, они взлетели в воздух и после небольшого полёта по красивой параболе с лязгом грохнулись оземь. Проносясь мимо, Ланселот видел обоих распластавшимися по земле, сломанное копьё рыцаря застряло между ног коня, одна из сверкающих подков сдирала парусину с упавшего щита. Всадник и конь сплелись воедино. Каждый из них боялся другого и наносил другому удары, пытаясь освободиться. Наконец конь сумел приподняться, опершись на передние ноги, круп его вздыбился, и рыцарь сел, подняв одну стальную рукавицу так, словно хотел почесать голову. Ланселот натянул поводья и поскакал обратно к рыцарю.

Обыкновенно, если один рыцарь сбрасывал другого с коня, упавший страшно сердился, обвинял в падении своего скакуна и требовал продолжения боя – пешими и на мечах. В виде оправдания, как правило, говорилось: «Хоть сын кобылы меня и подвёл, но клянусь, что меч отца моего не подведёт никогда».

Однако чёрный рыцарь поступил необычно. Похоже, он принадлежал к разряду людей гораздо более весёлых, чем то подразумевалось цветом его доспехов, ибо, усевшись, он присвистнул сквозь щель шлема в удивлении и восторге. После чего стянул шлем и вытер лоб. Щит, с которого копыто коня сорвало парусину, нёс изображение «на золотом поле дракона червлёного стоящего».

Ланселот, закинув копьё в кусты, со всей поспешностью слез с коня и преклонил близ рыцаря колено. Любовь снова вспыхнула в нём. Как это похоже на Артура – слетев с коня, не гневаться, но сидеть на земле, издавая восторженные звуки.

– Сэр, – произнёс Ланселот, смиренно снимая шлем и склоняя голову на французский манер.

Король в крайнем возбуждении кое-как поднялся на ноги.

– Ланселот! – воскликнул он. – Господи, да это же мальчик Ланселот! Ты сын короля из Бенвика. Я тебя помню, мы виделись, когда король приезжал сюда, чтобы биться под Бедегрейном. Как ты меня спешил! Отроду такого не видел! Где ты этому выучился? Потрясающе! Ты не к моему двору направляешься? А как Король Бан? Как твоя очаровательная матушка? Нет, правда, милый ты мой, ты просто великолепно это проделал.

Ланселот поднял взгляд на запыхавшегося Короля, протянувшего обе руки, чтобы помочь ему встать, и горе его и ревность исчезли.

Они взобрались на коней и рысцой поскакали к замку, забыв про дядюшку Скока. Им столько нужно было сказать друг другу, что по дороге оба говорили не умолкая. Ланселот пересказывал выдуманные послания от Короля Бана и Королевы Элейны, а

Артур рассказывал про Гавейна, убившего некую даму. Он говорил о Короле Пеллиноре, столь расхрабрившемся после женитьбы, что он ненароком убил в поединке Короля Лота Оркнейского, и о Круглом столе, с коим дела шли хорошо – настолько, насколько этого можно было ожидать, только очень медленно, – и о том, что теперь, с появлением Ланселота, всё наладится, они и глазом моргнуть не успеют.

Его произвели в рыцари в первый же день…

Вопросы и задания

▸**1.** Как удалось писателю уже в начале книги поставить два очень важных вопроса: вопрос о роли внешности в судьбе человека и вопрос о роли Силы и Справедливости? Видит ли автор связь между этими понятиями? Чтобы ответить на эти вопросы, попробуйте составить план первой главы, проследить абзац за абзацем, что же думал, что вспоминал и о чём мечтал Ланселот.

2. В главе четвёртой происходит неожиданный поединок с безымянным рыцарем. Кем был этот безымянный рыцарь? Как описан момент, когда и Ланселот, и читатели узнают его? Не чувствуете ли вы и тут шутки автора?

▸▸**1.** Глава первая начинается и заканчивается попыткой Ланселота увидеть своё отражение в начищенной меди доспехов. Прочитайте эти краткие описания. Дают ли они только представление о внешности героя или помогают нам начать очень активно переживать, сочувствовать ему?

2. Какую роль играет портрет в рассказе о Ланселоте?

▸▸▸**1.** Почему Король увидел противоречие между Сильной Рукой и правотой?

2. Почему Ланселот сразу же после «экзамена» стремится уехать к Королю Артуру? Как вы объясните его решение? Не слышатся ли вам в этом повествовании шутливые нотки?

3. Как связать воедино имя – поступок – характер, рассказывая о Ланселоте?

Марк Твен (Сэмюэль Ленгхорн Клеменс) (1835–1910)

О детстве Сэмюэля Клеменса, проходившем в маленьком городке Ганнибал на берегу реки Миссисипи, вы уже знаете. «Приключения Тома Сойера» познакомили и подружили каждого читателя со щедрым на выдумки героем, во многом близком автору.

Подростки Том и Гек в повести «Приключения Гекльберри Финна» стали старше, да и растут они по-разному. Трудная жизнь Гека делает его более ответственным и более рассудительным. Неуёмная фантазия Тома, пожалуй, задерживает его в детстве, и он несколько меньше осознаёт свою ответственность за поступок, не умеет рассчитывать и предвидеть.

Книги Марка Твена «Автобиография», «Старые времена на Миссисипи» и «Жизнь на Миссисипи», воспроизводящие события реальной жизни писателя, говорят нам о том, что творческий вымысел в двух знаменитых повестях опирается на реальные факты жизни автора.

Обе повести с любовью рисуют богатый духовный мир главных героев и активно противопоставляют его нравственной нищете обывателей, полностью подчинённых мертвящей рутине правил и приличий.

Особенно ярко в повестях показана роль богатства. Мы видим, как преклоняются жители городка перед богатством и как оно тем не менее вовсе не гарантирует счастья, а Геку, например, приносит лишь огорчения и неприятности.

Вам стоит разглядеть своим юным и критическим взглядом и предрассудки, и бессмысленную жестокость, и откровенную глупость, которые вновь и вновь встречает Гек в своём путешествии по Миссисипи. Однако одерживают верх бескорыстные дружеские чувства и здравый смысл.

Серьёзные мысли и чувства автор облекает в такую увлекательную и забавную форму, что, наверное, нет человека, который бы не улыбался, читая о приключениях отважных подростков. Стоит вспомнить юмористические произведения, в которых звучал дружелюбный смех.

Юмористическое изображение героя – это изображение сочувственное. Автор видит в нём качества, которые вызывают смех или улыбку, но сам герой ему нравится.

Среди книг, которые помнятся потом всю жизнь, обычно сохраняются две замечательные повести Марка Твена.

Приключения Гекльберри Финна. *Фрагменты*

Глава четырнадцатая. Приятное препровождение времени. Книги. Французский язык

Проснувшись, мы стали разбирать добычу, захваченную нами у мошенников с разбитого судна, и нашли много всякого добра: сапоги, одеяло, платье, кипу книг, подзорную трубу и целых три ящика сигар. Во всю жизнь свою мы никогда не были такими богачами. Сигары оказались первый сорт. Весь день после обеда мы провалялись в лесу, болтая и покуривая; я почитывал книги, и вообще мы провели время очень приятно. Я рассказал Джиму всё, что произошло на плоскодонке и на разбитом судне. «Вот так интересные приключения!» – заметил я, но он отвечал, что Бог с ними, с приключениями… надоели ему тревоги! Он признался, что, когда я залез в каюту, а он пополз назад к плоту и не нашёл его, он чуть не умер со страху, он уже думал, что пропал, погиб. В самом деле, как ни верти, все плохо: останешься на пароходе – утонешь, а если не останешься, то тебя препроводят тотчас же домой, чтобы получить награду, и уж тогда мисс Ватсон непременно продаст тебя. И в самом деле, он был прав: Джим почти всегда был прав – удивительно умная голова была у этого негра.

Я много читал Джиму про разных королей, герцогов, графов и прочих важных господ, про то, какие они все гордые и как великолепно наряжаются, и как величают друг друга – «ваше величество», «ваша светлость», «ваша милость», а не то что просто «мистер». Джима всё это ужасно интересовало. Он таращил глаза от удивления и всё приговаривал:

– Господи, да кто бы мог подумать, что их такое множество, этих королей да графов! Я и не слыхивал ни про кого из них, разве вот только про царя Соллермуна[5], да ещё про карточных королей! Послушай, Гек, а какое же жалованье получают короли?

– Жалованье? Короли? – переспросил я. – Тысячу долларов в месяц, а то и больше. Сколько им захочется, столько и берут себе. Ведь всё им принадлежит.

– Вот это здорово! А что же они делают, Гек?

– Что они делают? Да ничего. Короли ничего не делают – сидят себе да глазеют по сторонам.

– Ну, Гек, это ты просто выдумываешь. Этого не может быть.

– А я тебе говорю, что это сущая правда. Они просто сидят, развалившись, на своём троне. Ну, понятно, если война случится, тогда другое дело – на войну-то всякий король должен идти. А вот в мирное время нет больших лодырей, чем короли. Иной раз со скуки они прикажут, пожалуй, разогнать парламент или там отрубить пару голов, но главным образом они слоняются без всякого дела да суют нос в чужие… Тише! Ты ничего не слышишь?

Мы вскочили и начали всматриваться в даль. Какой-то пароход обогнул мыс и исчез за поворотом реки, а шум его колеса замер вдали. Мы успокоились и вернулись на свои места.

Я рассказал Джиму про Людовика Шестнадцатого, короля французов, которому сами французы отрубили голову много-много лет тому назад, а также про его маленького сына, дофина[6]. Французы посадили его в тюрьму, и там он и умер.

– Бедный малютка! – вздохнул Джим.

– А знаешь, Джим, многие говорят, что он вовсе не умер, а убежал к нам в Америку, – поспешил я утешить сердобольного негра.

– Вот это хорошо! – обрадовался Джим. – Ах, Гек, да только каким же одиноким он должен чувствовать себя в Америке – ведь здесь он, пожалуй, и короля-то ни одного не встретит!

– Да уж чего-чего, а королей у нас в Америке не водится!

– Ну вот видишь! А жить-то на что он будет? Ведь он, чего доброго, и работы себе никакой не найдёт?

– Вот этого я тебе не скажу, Джим. Кое-кто из них поступает на службу в полицию, а другие дают уроки французского языка.

– Какого языка, Гек? Разве французы говорят не так, как мы с тобой, не так, как все порядочные люди?

– Ну нет, Джим! Ты бы ни слова не понял по-французски, так-таки ни единого словечка.

– Господи, помилуй! Да отчего же это?

– Не знаю, отчего это, но только это так. Я даже научился говорить немножко по-ихнему – в книжке одной вычитал. Ну, что бы ты сделал, Джим, если б к тебе подошёл француз и спросил: «Полли-во-франци»? Как бы тебе это понравилось?

– Совсем бы не понравилось. Попробуй кто-нибудь мне так сказать – уж я ему шею накостыляю. Другой раз не будет обзывать меня такими словами!

– Глупый, да никто тебя и не обзывает никакими словами. Это просто значит: умеете ли вы говорить по-французски?

– Так почему же он так просто и не скажет по-человечески?

– Он же и говорит, да только по-французски.

– Ну это глупости, я и слушать больше не хочу. Ты просто смеёшься над бедным Джимом!

– Послушай-ка, Джим, а кошка умеет говорить по-человечески?

– Ну, конечно, не умеет.

– А корова?

– И корова не умеет.

– А кошка разговаривает по-коровьи или корова по-кошачьи?

– Нет.

– Ну и что же, тебя не удивляет, что каждое животное говорит на своём собственном языке?

– Нисколько не удивляет!

– И не удивляет, что они не говорят по-нашему, по-человечески?

– Ах, Господи, Гек, да чему же тут удивляться?

– Так почему же ты не веришь, что француз может тоже говорить на своём собственном языке?

– А скажи мне, Гек, кошка – человек?

– Нет.

– Ну и незачем кошке разговаривать по-человечески. Ну а корова, по-твоему, человек или кошка?

– Да нет же! Корова это просто корова и больше ничего.

– А раз она просто корова, так и разговаривать она должна

по-коровьи, а не по-кошачьи и по-человечески. А теперь скажи, француз – человек?

– Конечно.

– *Человек*! Ну а раз он человек, так почему он не говорит на честном человеческом языке, а лопочет невесть что? Нет, ты ответь мне, почему?

Отвечать Джиму я не стал, – что пользы спорить с Джимом? Всё равно не переспоришь!

Вопросы и задания

1. Согласны ли вы с тем, что в главе описано «приятное препровождение времени»?

2. Кто рассказчик в повести? Как вы это объясните?

3. Как отличаются друг от друга обращения: «ваше величество», «ваша светлость», «ваша милость»? Знал ли сам Гек, к кому так нужно обращаться? А знаете ли и вы об этом? Где об этом можно узнать?

4. Опишите занятия королей, как их представляет Гек. Откуда, как вы думаете, почерпнул он эти сведения?

5. Как возник разговор об иностранных языках?

Попробуйте помочь Геку в объяснении того, что такое иностранный язык. В чём ошибка в логике его объяснений? Предложите свой вариант.

Глава девятнадцатая. Жизнь на плоту. Астрономия. Новое знакомство. Лекции о трезвости. Герцог Бриджуотер. Заботы королевского сана

Прошло двое суток, можно сказать, они проплыли мимо, проскользнули для нас тихо, ровно, приятно. Река в этом месте была чудовищно широка – иногда в полторы мили[7] шириной. По ночам мы плыли, а днём прятались на берегу. Чуть время близилось к рассвету, мы прекращали плавание, причаливали – почти всегда у какого-нибудь островка, поросшего кустарником, – и, нарезав веток, прикрывали ими плот. Потом забрасывали удочки. А сами соскакивали в воду и купались, чтобы освежиться и придать себе бодрости; затем, присев на песчаном берегу, где вода по колено, мы наблюдали рассвет. Кругом тишина – ни звука, словно всё вымерло, разве кое-где квакают лягушки. Сперва, если глядеть на воду, видна только какая-то тёмная линия – это леса на той стороне реки, – ничего больше и не

разберёшь. Потом появляется на сене светлое пятно: мало-помалу оно расплывается, растёт, река тоже светлеет, из чёрной превращается в сероватую. Вдали виднеются движущиеся тёмные точки – это торговые барки-плоскодонки и тому подобные суда, или длинные чёрные полоски – это плоты. Порою слышны оттуда скрип метлы или голоса – в такой тишине звуки доносятся издалека. Туман клубится над водой, восток алеет и бросает розоватый отблеск на реку. Вот там, вдалеке, на другом берегу, у самой опушки леса виднеется бревенчатая избушка, должно быть, дровяной склад… А вот и поднимается лёгкий утренний ветерок, такой свежий, прохладный, и тихо обвевает вас с ног до головы, ветерок благоуханный, душистый: от него веет лесом и цветами. Наконец настаёт день, всё улыбается при ярком сиянии солнца, птички певчие встрепенулись и подняли гомон…

В такую пору никто не заметит лёгкий дымок, и вот мы снимали рыбу с крючков и начинали стряпать горячий завтрак. После завтрака мы опять принимались наблюдать тихую, безмятежную реку до того, что нами овладевала дремота. Иногда мимо проползает пароход, да так далеко, вдоль того берега, что ничего на нём не разберёшь, даже не узнаешь, какой он – колёсный или винтовой; а потом пройдёт целый час, и ничего не видно и не слышно. Тишь да гладь. Вот опять скользит мимо плот, а на нём тешут доски – это почти всегда делают на плотах, – видно, как сверкает топор и опускается; в этот момент не слышно никакого звука, но вот топор поднимается снова, и когда он уже над головой человека, тогда только отчётливо слышен удар: чек! Так-то мы проводили весь день, лениво слоняясь по лесу.

Однажды был густой туман. На всех плотах и судах, идущих мимо, били в жестяные сковороды, чтобы избежать столкновения с пароходами. Барка или плот проходили от нас очень близко, и мы могли слышать, как люди разговаривали, чертыхались или смеялись. Мы отчётливо слышали каждое слово, как будто призраки или духи какие снуют по воздуху. Джим уверял, что это непременно духи.

– Нет, – возражал я, – духи не стали бы так выражаться: «Чёрт побери проклятый туман».

Как только наступала ночь, мы собирались в путь и, забравшись на середину реки, пускали плот по течению, а сами, закурив трубки и спустив ноги в воду, разговаривали между собой про всякую всячину. Мы всегда были голые, и днём, и ночью, когда только не мучили нас москиты; новое платье, которое сшили мне родители Бека, было слишком нарядно и стесняло меня, да и вообще я не нуждался в одежде.

Иногда вся река была в нашем полном распоряжении. Вдали

виднелись мели и острова, только порою мелькнёт огонёк – это свеча в избушке, или на самой воде загорится искорка – огонёк на плоту или на барке, и донесётся свист или песня матроса… Славно жить на плоту! Вверху расстилается небо, всё усеянное звёздами. Мы любили лежать на спине, любоваться небом и рассуждать о звёздах – что, они сделаны кем-нибудь или так, явились сами собой? Джим уверял, будто они сделаны, а я говорил, что они явились сами, потому что слишком было бы долго делать их поштучно – ведь такое их множество! Джим предполагал ещё, что, может быть, луна их народила, – ну, это ещё похоже на истину, я против этого не стал спорить, потому что сам видел, как одна лягушка вывела множество детёнышей. Особенно любили мы наблюдать падающие звезды. Джим утверждал, что они тухлые и поэтому их выбрасывают вон из гнезда.

Раз или два в течение ночи мы видели пароход, скользящий мимо в потёмках; порой он выбрасывал из трубы целые снопы искр, они сыпались дождём в реку, – очень красивое зрелище!

После полуночи береговые жители укладывались спать, и тогда часа на два, на три берега становились совсем чёрными – не видно было ни одного огонька в избушках. Эти-то огоньки и служили нам вместо часов: первый огонёк, что покажется снова, означал, что скоро утро, и тогда мы спешили отыскать себе местечко, где бы спрятаться и причалить к берегу.

Однажды утром, на рассвете, я нашёл лодку, сел в неё и переправился на берег, который был в ста ярдах[8] от нашего острова, причалил к маленькой бухте, окаймлённой кипарисовой рощей, и хотел набрать немного ягод. Вдруг невдалеке от полянки, по которой извивалась тропинка, протоптанная скотом, я увидел двух людей, бежавших со всех ног. Я испугался, так как был убеждён, что если кто бежит, так уж не иначе, как за мной или за Джимом. Я хотел поскорее убраться оттуда, но беглецы были уже совсем близко и стали умолять меня спасти им жизнь, уверяя, что они ничего не сделали худого, но их преследуют, за ними гонятся люди с собаками. Они хотели вскочить в мою лодку.

– Не делайте этого! – закричал я. – Пока ещё не слышно ни собак, ни лошадиного топота, погодите, ещё успеете пройти несколько шагов кустарником вниз по течению, потом войдите в воду и вброд подойдите к лодке – так, по крайней мере, собьёте собак со следа.

Незнакомцы послушались меня; как только они вошли в лодку, я быстро поплыл к нашему островку. Через несколько минут послышался лай собак, людские голоса и выстрелы. Мы

слышали, что они направляются к бухте, но не видели их. Очевидно, они остановились и долго шарили в кустах, а мы тем временем успели отплыть на целую милю и выехать на середину реки. Кругом всё затихло, тогда мы преспокойно направились к островку и спрятались в густом кустарнике.

Один из незнакомцев был старик лет семидесяти, если не больше, лысый, с длинной белой бородой. На нём была продавленная поярковая шляпа, засаленная синяя шерстяная рубаха, изодранные жёлтые штаны, заправленные в сапоги, и подтяжки домашнего вязания, – вернее, только одна подтяжка. Старый синий камзол с длинными фалдами и вытертыми медными пуговицами болтался у него на руке.

Другой незнакомец был лет тридцати и одет был также неприглядно.

У обоих были большие, битком набитые чемоданы. После завтрака мы все прилегли отдохнуть; завязалась беседа, и тут выяснилось, что люди эти даже не знают друг друга.

– Как же ты попал в беду? – спросил лысый молодого.

– А вот как: я продавал тут одно снадобье для уничтожения винного камня на зубах. Оно действительно уничтожало винный камень, а заодно и зубную эмаль… Мне следовало бы раньше удрать, днём раньше, и только что я собрался в путь, встретил тебя. Ты мне сказал, что за тобой гонятся, и просил помочь тебе спастись, и я ответил, что сам жду неприятностей и, пожалуй, согласен бежать вместе. Вот и вся история. А с тобой что приключилось?

– Видишь ли, я говорил здесь проповеди против пьянства. Целую неделю дела шли прекрасно. Все женщины были от меня без ума; уж и досталось же от меня пьяницам, доложу вам! Я собирал до шести долларов в вечер – по десяти центов с души, дети и негры допускались бесплатно. Дело так и кипело; вдруг вчера вечером пронесся слух, будто я сам втихомолку тяну водку. Один негр, спасибо ему, предупредил меня сегодня рано утром, что мужчины собираются поймать меня с собаками, потом вымазать дёгтем, вывалять в перьях и в таком виде провезти верхом на шесте. Мне оставалось только полчаса времени. Ну, конечно, я не стал дожидаться завтрака – у меня сразу аппетит пропал.

– А что, старик, – сказал младший, – кажется, мы с тобой столкуемся, как ты полагаешь?

– Я не прочь, пожалуй. Ты чем же, собственно, занимаешься?

– По ремеслу я наборщик; маракую кое-что и в медицине; могу быть и актёром, – знаешь ли, трагиком; при случае показываю фокусы. Иногда для перемены даю уроки пения или

географии, читаю лекции. Одним словом, я мастер на все руки – всё умею, что мне вздумается, лишь бы не было похоже на работу. А твои занятия?

– Я много практиковал в своё время в качестве медика. Лечил от рака, от паралича и других болезней. Я умею также предсказывать будущее, когда у меня есть под рукой кто-нибудь, кто бы выведал всю подноготную об окружающих. Но главная моя специальность – говорить проповеди. Был я и священником…

Оба замолчали на минуту; потом молодой глубоко вздохнул и проговорил: «Увы!»

– Ну, чего ты сокрушаешься! – спросил лысый.

– Горько мне подумать, до чего я дожил! Принуждён вести такую жизнь! Унизиться до такого общества!.. – Он принялся утирать глаза какой-то тряпкой.

– Чтоб тебе провалиться! Чем тебе не по нутру наше общество? – крикнул лысый запальчиво.

– Положим, оно достаточно хорошо, лучшего я и не заслужил; спрашивается, кто меня довёл до такого падения, когда я стоял так высоко? Я же сам. Я не виню вас, джентльмены, нет! Никого я не виню. Я всё это заслужил сам. Пусть холодный свет карает меня; одно я знаю – где-нибудь найдётся для меня могила! Свет может поступать со мной по-прежнему, может отнять у меня всё – любимых людей, богатство, счастье, – но этого уже не отнимет! В один прекрасный день я лягу в эту могилу, позабуду всё, и моё бедное, разбитое сердце наконец успокоится!

Говоря это, он продолжал вытирать себе тряпкой глаза.

– Чёрт побери твоё бедное, разбитое сердце! – отвечал лысый. – Чего ты с ним носишься, какая нам нужда до твоего бедного сердца? Мы ведь ни в чём не повинны!

– Знаю, что не повинны. Я и не виню вас, джентльмены. Я сам упал так низко. По справедливости я должен страдать, – я и не ропщу.

– Откуда ты упал, с чего упал?

– Ах, вы мне не поверите! Свет никогда не верит. Бог с ним! Тайна моего рождения…

– Тайна твоего рождения? Ты хочешь сказать, что…

– Джентльмены, – начал молодой торжественно, – я открою вам эту тайну. Я чувствую, что могу довериться вам… Я по рождению – герцог!

Джим вытаращил глаза, да и я тоже. Но лысый возразил:

– Полно, какие враки!

– Нет, это сущая правда! Мой дед, старший сын герцога Бриджуотерского, бежал в Америку в конце прошлого столетия, чтобы подышать чистым воздухом свободы! Здесь он женился,

потом вскоре умер, оставив сына. Около того времени умер его собственный отец в Англии, и второй сын герцога завладел титулом и поместьями, а малолетний настоящий законный наследник остался в неизвестности. Я – прямой наследник этого ребёнка, я, по праву рождения, – герцог Бриджуотер! И вот я здесь, покинутый, брошенный, оторванный от своих поместий, гонимый людьми, презираемый холодным светом, оборванный, усталый, с истощённым сердцем, униженный до того, что попал в общество мошенников на каком-то плоту…

Джим очень жалел его, и я тоже. Мы старались как-нибудь утешить бедняжку, но он отвечал, что это бесполезно, – ничто уже не утешит его! А вот если бы мы согласились признать его титул, то это было бы ему приятнее всего. Мы отвечали, что готовы признать, если он нам скажет, как это сделать. Он объяснил, что мы должны ему кланяться, когда он заговорит с нами, называть его «ваша светлость», «милорд»; он не прочь даже, чтобы его называли просто «Бриджуотер», – это уже есть титул, а не имя. Один из нас должен служить ему за обедом и делать для него всё, что он прикажет.

Ну что же, все это было не трудно, и мы в точности исполняли, что он просил. Во время обеда Джим стоял возле, прислуживая ему, и говорил: «Ваша милость, не угодно ли того, или этого?..» и тому подобное, а он был очень доволен.

Но старик совсем притих, не говорил ни слова и, казалось, был не очень-то доволен ухаживанием за герцогом. Он как будто что-то обдумывал. И вот после обеда он начал так:

– А знаешь ли, Бриджуотер, я очень скорблю о тебе, но не ты один имеешь такое горе на душе…

– В самом деле?

– Нет, не одного тебя свергли незаконно и лишили высокого положения.

– Увы!..

– Не у тебя одного есть тайна… – При этом старик принялся горько плакать.

– Постой! Что ты хочешь сказать?

– Бриджуотер, могу я довериться тебе? – продолжал старик, всхлипывая.

– До самой могилы! – Герцог схватил его за руку и стал трясти её. – Открой мне тайну своего рождения, говори!

– Бриджуотер… я сын короля.

На этот раз Джим и я ещё пуще вытаращили глаза.

– Кто такой?! – переспросил герцог.

– Да, друг мой, это святая истина, – ты видишь перед собой в эту минуту бедного, пропавшего дофина, Людовика

Семнадцатого, сына Людовика Шестнадцатого и Марии-Антуанетты![9]

– Ты! В твои-то годы! Ну уж нет, извини! Скорее, может быть, ты покойный Карл Великий, тебе шестьсот или семьсот лет, по меньшей мере!

– А всё горе сделало, Бриджуотер, горе! От горя поседели эти волосы, от горя образовалась эта преждевременная лысина! Да, джентльмены, вы видите перед собой, в лохмотьях и в нищете, странствующего, изгнанного, оскорблённого и страдающего, но законного короля Франции!

Ну и пошёл так реветь и убиваться, что мы с Джимом не знали, что и делать, до того он нас разжалобил, – вместе с тем мы были рады и гордились тем, что он попал к нам. Мы начали за ним ухаживать, точь-в-точь как раньше за герцогом, и старались всячески утешить его. Но он говорил, что всё это напрасно, одна смерть может успокоить его, хотя, прибавил он, временно он чувствует себя как будто легче и лучше, если видит, что люди оказывают ему почтение, сообразно с его высоким саном: например, преклоняют колено, говоря с ним, называют его «ваше величество», прислуживают ему за столом и не садятся в его присутствии, пока он не разрешит.

И вот мы с Джимом принялись величать его, всячески угождать ему и стояли перед ним навытяжку, пока он не пригласит сесть. Всё это доставляло ему громадное удовольствие, он опять повеселел и ободрился. Но герцог дулся на него и, по-видимому, был вовсе не доволен тем, как всё устроилось. А король обращался с ним по-дружески и уверял, что прадед герцога и все вообще герцоги Бриджуотеры всегда пользовались благоволением его отца и он частенько допускал их к себе во дворец. Несмотря на это, герцог продолжал сидеть насупившись.

Наконец король сказал:

– Весьма вероятно, что нам придётся чёрт знает как долго сидеть на этом плоту, Бриджуотер, так какая польза тебе строить кислые рожи? Это только тоску наводит. Ведь не моя вина, что я родился королём, а ты – герцогом, чего же тут дуться? Надо всегда стараться примениться к данному положению – такое у меня правило! Право, недурно, что мы очутились здесь: пищи вдоволь, ешь себе да спи. Ну-ка, давай руку, герцог, будем друзьями.

Герцог протянул ему руку, а мы с Джимом от души порадовались, глядя на их примирение. Неловкость сразу пропала, хорошо, что всё так устроилось, а то ведь каково было бы, если б на плоту загорелась вражда! На плоту важнее всего, чтобы все были довольны, дружны и чтобы никто не чувствовал

себя обиженным.

Впрочем, я скоро догадался, что эти лгуны вовсе не герцоги и не короли, а просто-напросто прогоревшие шарлатаны и мошенники. Но я не сказал ни слова, скрыл свои мысли: это самое лучшее – по крайней мере, избегнешь ссор и хлопот. Если им хочется, чтобы мы величали их королями и герцогами, – пусть! Я не стану спорить, лишь бы не нарушать мира в семье, да и Джиму не стоит об этом говорить, и я ничего ему не сказал. Если я не научился добру от отца, по крайней мере, я научился одному правилу: с людьми такого сорта самое лучшее – дать им волю, пусть делают как знают, бесполезно противоречить им.

Вопросы и задания

▸**1.** Оцените рассуждение Гека и Джима о звёздах. Как они при этом решали вопросы мироздания?

2. Охарактеризуйте новых знакомых Гека. Опишите их внешность и их образ жизни.

3. Подумайте, в какой момент и почему мошенники решили заявить о своем «знатном» происхождении.

4. Как отнёсся к этой новости Гек? Оцените разумность его реакции.

▸▸**1.** Что помогло Геку понять, что перед ним просто шарлатаны и мошенники?

2. Почему ссорились и затем мирились спутники Гека и Джима?

▸▸▸**1.** Как получилось, что Гек и Джим стали спутниками сына Людовика XVII? Что вы знаете об этом короле?

2. Как вы думаете, почему несуществующий король стал отцом мошенника? Какой приём тут использует автор?

Глава сорок вторая. Том ранен. Доктор заступается за Джима. Исповедь Тома. Тетя Полли

Перед завтраком старик опять ходил в город, но безуспешно: Тома нет как нет! За столом муж и жена сидели молча, понурые, с грустными, убитыми лицами, – кофе у них давно простыл. Они ни до чего не дотронулись.

– Ах да, отдал я тебе письмо? – спохватился вдруг старик.

– Какое письмо?

– То, что я взял вчера в почтовой конторе.

– Ты не давал мне никакого письма!

– Должно быть, позабыл.

Он стал шарить в карманах, потом пошёл куда-то отыскивать письмо, наконец принёс его и отдал жене.

– Это из Санкт-Петербурга, – сказал он, – от сестрицы.

Услыхав это, я хотел бежать, но от страха не мог двинуться с места. Однако не успела тётя распечатать письмо, как выронила его из рук и бросилась вон, увидев что-то в окне. Тут и я увидел нечто ужасное: Тома Сойера несли на матраце, позади шёл старик доктор, потом Джим в тётушкином ситцевом платье, со связанными за спиной руками, за ними целая толпа народу. Я спрятал письмо в карман и выбежал вон. Тётя Салли с плачем кинулась к Тому:

– Ах! Он умер, он умер, я знаю, что умер!

Том слегка повернул голову и пробормотал что-то несвязное, – вероятно, он был в бреду. Тетушка всплеснула руками, восклицая:

– Слава тебе, Господи, жив! С меня и того довольно!

Она порывисто поцеловала его и полетела в дом приготовить постель, а по дороге проворно раздавала приказания направо и налево неграм и всем прочим домашним.

Я пошёл за толпой посмотреть, что будут делать с Джимом, а старый доктор с дядей Сайласом последовали за Томом в комнаты. Фермеры очень горячились; некоторые хотели даже повесить Джима, для примера прочим неграм, – чтобы те никогда не пробовали убегать, не смели поднимать кутерьмы и держать целую семью в смертельном страхе несколько суток. Но другие отсоветовали вешать: вовсе это не годится, негр – чужой, его владелец вступится и заставит заплатить за него. Это немного охладило их пыл – обыкновенно так бывает: кто больше всего желал бы повесить провинившегося негра, тот именно менее всего расположен платить за него, натешившись над ним вдоволь.

Джима осыпали бранью, угостили его двумя-тремя тумаками по затылку, но бедняга не говорил ни слова и не показывал даже вида, что знает меня. Его отвели в тот же сарай, где он жил прежде, переодели в его собственное платье и опять посадили на цепь, только цепь прикрепили не к ножке кровати, а к большому столбу. Руки и ноги у него были тоже закованы в цепи. Кроме того, решили проморить его на хлебе и на воде после такой проделки до тех пор, покуда не явится его владелец или покуда он не будет продан с аукциона. Яму нашу зарыли и пообещали, что каждую ночь вокруг сарая будут караулить два фермера с ружьями, а днём у двери будет привязан бульдог. Затем, распорядившись, эти господа на прощанье опять принялись ругать Джима, как вдруг явился старик доктор.

– Не будьте к нему слишком суровы, – сказал он, – Джим не дурной негр. Придя к больному мальчику, я убедился, что не в состоянии вынуть пулю без посторонней помощи, а он был в таком положении, что я не мог отлучиться и позвать кого-нибудь на помощь; между тем мальчугану становилось всё хуже да хуже, скоро он совсем потерял сознание, не подпускал меня близко, говоря, что если я срисую его плот, то он убьёт меня, и тому подобные глупости, – я увидел, что мне ничего с ним не поделать одному, и хотел пойти за помощью. Вдруг откуда ни возьмись является этот негр и предлагает помочь мне. И помог прекрасно. Разумеется, я сейчас же догадался, что это беглый негр. Каково положение! Мне пришлось сидеть там, не трогаясь с места, весь остаток дня и всю ночь. Приятно, доложу вам! У меня в городе несколько пациентов, больных лихорадкой, и мне, конечно, надо было навестить их, но я не решался, потому что негр мог убежать, и тогда меня стали бы обвинять, что я помог негру убежать, а между тем ни одной лодки не подплывало настолько близко, чтобы я мог окликнуть кого-нибудь. Так я и просидел на месте до самого рассвета, и, скажу прямо, я ещё не видывал негра такого верного, такого преданного, хотя ради этого он рисковал своей свободой, да и, кроме того, измучен был ужасно: вероятно, много работал за последнее время. За это я полюбил негра: скажу вам, джентльмены, такой негр стоит тысячи долларов – и ласкового обхождения вдобавок. Я захватил с собой всё необходимое: мальчику было хорошо на плоту, как дома, может быть, даже лучше, потому что там тихо, спокойно. Таким образом, я застрял на реке с двумя пациентами на руках, пришлось мне просидеть вплоть до утренней зари. Тут проплыл мимо ялик[10]… к счастью, негр сидел в это время на краю плота, опустив голову, и крепко спал. Я окликнул людей: они тихонько подкрались, схватили его и связали, прежде чем он успел опомниться, так что всё обошлось без хлопот. А мальчик был в забытьи. Мы обернули весла тряпками, привязали плот к ялику и тихонько, бесшумно подтащили его к берегу. Негр не противился, не произнёс ни единого слова. Он не дурной негр, джентльмены! Вот моё мнение о нём…

– Признаюсь, всё это очень похвально, доктор, – проговорил кто-то.

Остальные тоже смягчились немного; я был от души благодарен старику доктору за то, что он вступился за Джима. С первого же раза, как я его увидел, я понял, что у него сердце доброе и что он хороший человек. Тут все согласились, что Джим поступил хорошо, что он заслуживает внимания и награды. Все обещали прямодушно и искренне больше не бранить его.

Потом фермеры ушли и заперли его. Я надеялся, что они велят снять с него две-три лишние цепи, потому что цепи были чертовски тяжелы, или что ему дадут, по крайней мере, мяса и овощей вместо сухого хлеба с водой, но никто об этом не подумал, а я рассудил, что мне не годится вмешиваться: лучше всего кто-нибудь передаст тёте Салли рассказ доктора, лишь только минует буря, нависшая над моей буйной головой. От меня, вероятно, потребуется объяснение – почему, рассказывая о том, как мы блуждали всю ночь, разыскивая беглого негра, я скрыл, что Сид ранен? Но времени у меня было вдоволь. Тётя Салли день и ночь сидела в комнате больного, а от дяди Сайласа я каждый раз ловко увёртывался.

На следующее утро я услыхал, что Тому гораздо лучше и что тётя Салли пошла отдохнуть немножко. Я прокрался в комнату больного, рассчитывая, что если он не спит, то мы можем потолковать, вместе сочинить какую-нибудь небылицу и преподнести её семейству. Но он спал мирным сном, бледный такой, а не с пылающим лицом, как в первые дни болезни. Я присел, дожидаясь его пробуждения. Через полчаса тётя Салли вошла в комнату на цыпочках. Она велела мне не шуметь, сесть с ней рядом и шепнула мне, что теперь, слава Богу, мы все можем порадоваться: симптомы самые утешительные, больной уж так давно спит, ему, видимо, лучше, он гораздо спокойнее сегодня: можно пари держать, что он проснётся уже в полной памяти.

Немного погодя больной пошевелился, приоткрыл глаза, оглянулся совершенно осмысленно и проговорил:

– Что это? Я дома? Как это случилось? Где плот?

– Всё благополучно, не беспокойся, – отвечал я.

– А Джим?

– То же самое, – сказал я, но не мог придать своему голосу бодрого, весёлого выражения. Он этого не заметил.

– Прекрасно! Великолепно! Теперь мы можем успокоиться! Ты рассказал тётушке?

Я хотел было сказать «да», но она вмешалась:

– О чём, Сид?

– Ну, конечно, о том, как мы всё это дельце состряпали!..

– Какое дельце?

– Да ведь одно только и было: как мы выпустили на волю беглого негра – я и Том.

– Батюшки святы! Выпустили на волю! О чём это он толкует? Господи, опять бредить начал, опять потерял сознание?

– Нет, я и не думаю бредить, я понимаю всё, о чём говорю. Мы выпустили его на волю – Том и я. Мы задумали это сделать и сделали. Молодецки орудовали, надо сознаться…

И пошёл, и пошёл… Тётушка уже не перебивала его, а только слушала, выпуча глаза; я понял, что мне бесполезно впутываться.

– Правда, тётя, это стоило нам пропасть труда! – продолжал Том. – Целые недели подряд мы возились днём и ночью, пока вы все спали. Нам приходилось воровать свечи, и рубаху, и простыню, и ваше платье, и ложки, и жестяные тарелки, и кухонные ножи, и сковороду, и жернов, и муку, и ещё пропасть разной разности, – вы не можете себе представить, сколько было хлопот наделать перьев, пилу, продолбить надписи и всё такое! А как это было забавно, вы не можете представить себе! Мы же рисовали гробы и всякие ужасы, сочиняли анонимные письма, спускались вниз по громоотводу, делали подкоп под чуланом, смастерили лестницу из тряпок, запекли её в пирог и посылали Джиму ложки и прочие вещи через вас, в кармане вашего передника…

– Ах вы, негодные!

– …Наполняли сарай крысами, змеями и разными гадюками для компании Джиму. Но вы так долго задержали здесь Тома с маслом в его шляпе, что чуть-чуть не испортили всего дела, потому что люди пришли, пока мы ещё не успели выбраться из сарая. Нам пришлось выскочить, нас услышали, погнались за нами – тогда-то меня и подстрелили, – но мы, к счастью, свернули с тропинки, пропустили погоню вперёд, а когда подоспели собаки, они не обратили на нас внимания, а помчались дальше, где больше шуму. Мы же сели в свою лодку, поплыли к плоту, вывернулись благополучно, и Джим теперь свободный человек… Всё это мы сделали сами… Не правда ли ловко, тётя?

– Ей-ей, в жизни своей я не слыхивала ничего подобного! Так это вы, маленькие негодяи, наделали столько хлопот, что чуть с ума всех не свели и напугали нас до смерти? У меня руки чешутся сию же минуту хорошенько проучить вас. Подумаешь, как я-то целые ночи мучилась… Ну, погоди же, негодный, когда выздоровеешь, я обоим задам такую трёпку, что только держись!

Но Том был так счастлив и горд своим подвигом, что не мог удержаться от болтовни, а тётушка бранила нас на все корки, – словом, оба тараторили зараз без умолку.

– Ну ладно, – закончила она, – наслаждайся теперь своими проказами, только помни, что если я когда-нибудь ещё поймаю тебя, что ты опять водишься с этим негром…

– С кем? – проговорил Том с удивлением, улыбка мгновенно сбежала с его лица.

– Как с кем? Разумеется, с беглым негром. А то с кем же, ты думал?

Том тревожно взглянул на меня и сказал:

– Том, не говорил ли ты мне только что, будто всё благополучно? Разве он не сбежал?

– Он-то? – вмешалась тётя Салли. – Беглый негр? Конечно, нет. Его вернули назад, он опять сидит в сарае, на хлебе и воде, весь в цепях, покуда его не потребуют или не продадут с аукциона.

Том привскочил на постели, глаза его пылали, ноздри раздувались, как жабры.

– Они не имели права запирать его! – крикнул он мне. – Ступай скорей, не теряй ни минуты… Освободи его! Он больше не невольник: он свободен, как и мы все!

– Дитя, что это значит?

– Это значит именно то, что я говорю, тётя Салли, и если никто не пойдёт к нему сию минуту, я сам побегу! Я знал его всю жизнь, да и Том тоже. Старая мисс Ватсон умерла два месяца тому назад; она устыдилась, что хотела продать его на Юг, и дала ему вольную, по своему завещанию!

– Так зачем же, скажи на милость, тебе понадобилось освобождать его, коли он уже свободен?

– Ах, какой вопрос, – так и видно женщину! Разумеется, затем, что мне нравилось приключение. Я готов был бы купаться в крови, только бы… Ах, Боже мой, тётя Полли!..

Батюшки! Да никак это сама тётя Полли собственной персоной стоит в дверях, милая, кроткая, ласковая!

Тётя Салли как кинется к ней, как начнёт её обнимать, целовать, плакать от радости, чуть не задушила её в объятиях! А я нашёл себе довольно удобное местечко под кроватью, сообразив, что мне придётся ответ держать. Изредка я выглядывал оттуда украдкой: тётя Полли высвободилась из объятий и стояла, глядя в упор на Тома поверх очков, – так глядела, что он, кажется, с радостью провалился бы сквозь землю.

– Да, – проговорила она, – ты хорошо делаешь, что отворачиваешься, на твоём месте мне совестно было бы смотреть в глаза людям. Том!

– Боже мой! – молвила тётя Салли. – Разве он до такой степени переменился? Ведь это не Том, а Сид. Том… Том был здесь сию минуту. Куда это он девался?

– Ты хочешь сказать, вероятно, куда девался Гек Финн? Надеюсь, я сама вырастила этого шалуна, Тома, так мне ли не узнать его! Выходи из-под кровати, Гек Финн.

Я вышел, но чувствовал себя не особенно бодро. Тётя Салли была в страшном недоумении, но дядя Сайлас, тот ещё больше растерялся, когда он пришёл и ему всё рассказали. Он словно пьяный ходил и целый день не мог опомниться, а вечером

произнёс на собрании речь, доставившую ему громкую славу, потому что никто, даже самые старые старики, не поняли из неё ни единого слова. Тётя Полли рассказала всем, кто я такой и какова моя история, а я, в свою очередь, должен был открыть, в каком находился безвыходном положении, когда миссис Фелпс приняла меня за Тома Сойера. Тут миссис Фелпс вмешалась сама: «Пожалуйста, продолжай называть меня тётя Салли: я так к этому привыкла», – и вот, когда тётя Салли приняла меня за Тома, я должен был поддакнуть – другого средства не оставалось, да я и знал, что он не рассердится, ему это даже на руку будет, так как это тайна, он сочинит целое приключение и будет очень доволен. Так это и вышло: он сам назвался Сидом, и дело уладилось как нельзя лучше.

Тётя Полли подтвердила, что старая миссис Ватсон в самом деле дала вольную Джиму. Таким образом, выходило ясно и несомненно, что Том Сойер затеял всю эту возню и хлопоты для того только, чтобы освободить уже свободного негра!

Тётя Полли рассказывала, что, когда тётя Салли написала ей, будто Сид и Том прибыли благополучно, она никак не могла понять, что это значит? Ей сейчас пришло в голову – уж не сыграл ли этот сорванец какую-нибудь новую шутку? Вот и пришлось ей тащиться в путь самой, шутка ли сказать, за тысячу миль, потому что никто не отвечал на её письма.

– Но мы и от тебя не получали ни словечка, – возразила тётя Салли.

– Удивляюсь! Ведь я писала два раза, прося у вас объяснений.

– Мы ничего не получали, сестрица!

Тётя Полли повернулась к Тому и произнесла грозным голосом:

– Том!

– Ну что ещё? – сердито отозвался Том.

– Не смей так говорить со мной, бесстыдник!.. Подай сюда письма!

– Какие такие письма?

– Подай письма! Погоди, вот я примусь за тебя…

– Они там в чемодане. Ну, довольны теперь? Будьте покойны: они целы, я с ними ничего не сделал, даже не заглядывал в них. Но я знал, что они наделают нам хлопот, и подумал, что если вам не к спеху, то…

– Ну, молодец, я вижу, ты нуждаешься в розге, в этом не может быть сомнения. А ещё одно письмо я написала, чтобы предупредить вас, что я приезжаю. Полагаю, что и это…

– Нет, – сказала тётя Салли, – то письмо пришло вчера; правда, я ещё не читала его, но оно цело у меня.

Я хотел было предложить ей побиться об заклад на два доллара, что и этого письма у неё не окажется, да побоялся – промолчал.

Вопросы и задания

▸**1.** Почему был ранен Том?

2. Попробуйте прокомментировать исповедь Тома.

▸▸**1.** Как характер мальчиков проявил себя в эти тяжёлые дни?

2. Охарактеризуйте южное гостеприимство в описании Твена.

▸▸▸**1.** Подготовьте рассказ о судьбе Джима.

2. Подготовьте исполнение сцены встречи тёти Салли и тёти Полли в лицах.

3. Можно ли считать главу развязкой повести или это уже её эпилог, послесловие?

Для тех, кто прочитал всю повесть «Приключения Гекльберри Финна»

▸**1.** Какие главы вы считаете особенно важными для судьбы героев?

2. Как вы считаете, почему в повести так поздно появляется Том?

▸▸**1.** Расскажите о поведении Джима на плоту. Что помогает нам понять, как трудна судьба беглого негра?

2. Какие события повести произошли на водах Миссисипи, а какие – на её берегах?

▸▸▸**1.** Подготовьте рассказ «Путешествие Джима по великой Миссисипи».

2. Подготовьте сообщение о путешествии Гека по Миссисипи как школе жизни подростка.

3. Расскажите о самом смелом поступке Гека в этой повести.

Для тех, кто прочитал повести «Приключения Тома Сойера» и «Приключения Гекльберри Финна»

▸**1.** Подготовьте план рассказа о самых интересных приключениях друзей.

2. Что отличает героев повестей – Тома и Гека?

3. Кто из тех, с кем связаны их приключения, заслуживает вашего специального рассказа?

⏩**1.** Опишите жизнь реки Миссисипи и её прибрежных городков.

2. Расскажите о совместных приключениях друзей.

3. Какие суждения или поступки Гека убеждают в том, что он не получил никакого образования?

⏩⏩**1.** Какое из приключений друзей вы считаете самым главным: в первой повести; во второй повести?

2. Кого из друзей вы считаете лучшим другом? Почему?

3. Создайте словарик путешественника по Миссисипи.

4. Попробуйте объяснить, почему великий юморист создал такие трогательные повести о своём детстве.

5. Как доказать, что Марк Твен и в этих повестях для детей и юношества часто использует юмор и даже сатиру?

6. Запомните, как американский писатель Эрнест Хемингуэй оценил эту книгу: «…вся американская литература вышла из одной книги Марка Твена, которая называется „Гекльберри Финн“… Ничего равного ей не создано с тех пор». Можете ли вы подтвердить это суждение?

Жюль Верн (1828–1905)

Творчество Жюля Верна – это эпоха в истории детской и юношеской литературы. Писатель посвятил свои произведения юным читателям и создал целую библиотеку увлекательных приключенческих романов, наполненных познавательными сведениями из разных областей знаний. Жюль Верн – создатель научно-фантастического романа как жанра художественной литературы.

С детства Жюль Верн мечтал о литературном творчестве, со временем его мечты начали осуществляться при поддержке Александра Дюма. Увлечение естественными науками, интерес к новинкам как в области естественных наук, так и в области техники, знакомство с учёными, изобретателями, инженерами, посещение научных диспутов, докладов – залог успеха произведений Жюля Верна. «Пять недель на воздушном шаре» – первый из шестидесяти пяти романов, объединённых общим названием: «Необыкновенные путешествия». В этих произведениях рассказывается об освоении Арктики и о завоевании обоих полюсов, о подводной навигации, об авиации и воздухоплавании, об использовании электрической энергии, о межпланетных путешествиях.

Начиная с 1863 года (создание первого романа) читатели ежегодно знакомились с одним или двумя новыми романами Жюля Верна, и это на протяжении четырёх с лишним десятилетий. Кроме романов он писал повести и рассказы, драматические произведения, научно-популярные труды по географии.

За всю жизнь Жюль Верн создал более ста томов книг. В его романах появился новый герой – рыцарь науки, бескорыстный учёный, готовый ради осуществления творческой мечты на любой подвиг и на любые лишения.

Жюль Верн много путешествовал. Он плавал на яхте вдоль берегов Франции, по Средиземному морю, Атлантике… Побывал и в Америке. Это давало много впечатлений. Но более всего в создании романов помогали писателю труды учёных и путешественников. Жюль Верн не только читал их, он создал большую картотеку заинтересовавших его сведений, которая к концу его жизни насчитывала более двадцати тысяч тетрадок, распределённых по темам.

Эпиграфом к творчеству писателя-фантаста могут служить

его собственные слова: «Что бы я ни сочинял, что бы я ни выдумывал, – всё это будет уступать истине, ибо настанет время, когда достижения науки превзойдут силу воображения». Эти слова говорят нам и о Жюле Верне – человеке. Многие его фантазии давно стали реальностью нашей жизни, многие устарели, но, перестав быть фантастическими в научном смысле, они остаются по-прежнему интересны и вызывают уважение к силе человеческой мысли.

Таинственный остров. *В сокращении*

Часть первая. Крушение в воздухе

Глава первая

Ураган 1865 года. Возгласы над морской пучиной. Воздушный шар, унесённый бурей. Разорванная оболочка. Кругом только море. Пять путников. Что произошло в гондоле. Земля на горизонте. Развязка драмы.

– Поднимаемся?
– Какое там! Книзу идём!
– Хуже, мистер Сайрес! Падаем!
– Боже мой! Балласт за борт!
– Последний мешок сбросили!
– Как теперь? Поднимаемся?
– Нет!
– Что это? Как будто волны плещут?
– Под нами море!
– Совсем близко, футов пятьсот.

Заглушая вой бури, прозвучал властный голос:

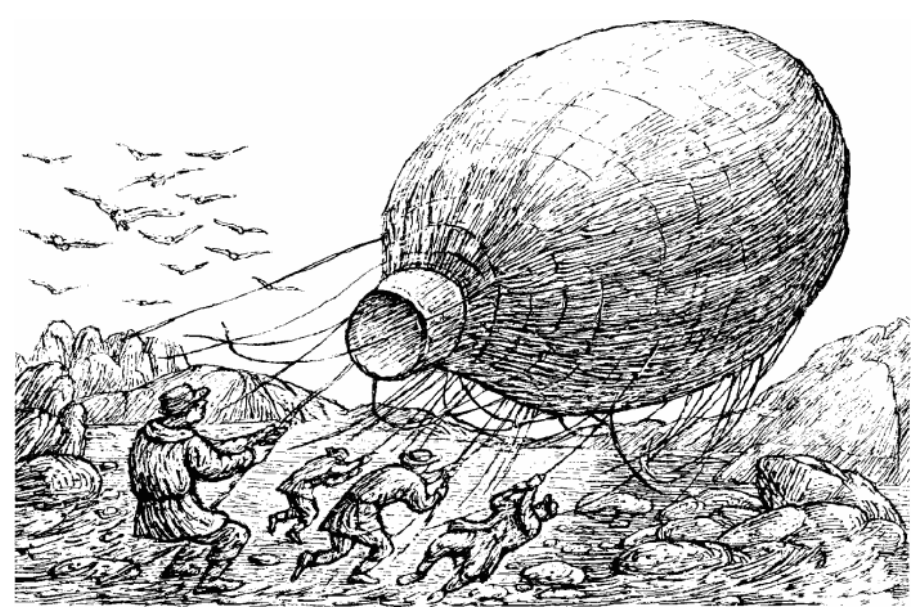
– Всё тяжёлое за борт!.. Всё бросай! Господи, спаси нас!

Слова эти раздались над пустынной ширью Тихого океана около четырёх часов дня 23 марта 1865 года.

Наверно, всем ещё памятна ужасная буря, разыгравшаяся в 1865 году, в пору весеннего равноденствия, когда с северо-востока налетел ураган и барометр упал до семисот десяти миллиметров. Ураган свирепствовал без передышки с 18 по 26 марта и произвёл огромные опустошения в Америке, в Европе и в Азии, захватив зону шириною в тысячу восемьсот миль, протянувшуюся к экватору наискось от тридцать пятой северной параллели до сороковой южной параллели. Разрушенные города, леса, вырванные с корнем, побережья, опустошённые морскими

валами величиною с гору, выброшенные на берег корабли, исчислявшиеся сотнями по сводкам бюро *Веритас*, целые края, превращённые в пустыни губительной силой смерчей, всё сокрушавших на своём пути, многие тысячи людей, погибших на суше или погребённых в пучине морской, – таковы были последствия этого грозного урагана. Разрушительной силой он превзошёл даже бури, принесшие ужасные опустошения в Гаване и в Гваделупе, 25 октября 1810 года и 26 июля 1825 года.

Но в мартовские дни 1865 года, когда на суше и на море творились такие бедствия, не менее страшная драма разыгралась в воздухе, сотрясаемом бурей.



В самом деле, ураган подхватил воздушный шар, подбросил его, как мяч, на вершину смерча и, завертев вместе со столбом воздуха, помчал со скоростью девяносто миль[11] в час; шар волчком вращался вокруг собственной оси, как будто попал в некий воздушный мальстрим.

Под нижним обручем сетки воздушного шара колыхалась плетёная гондола, где находились пять человек, – их едва можно было различить в густом тумане, смешанном с водяной пылью и спускавшемся до самой поверхности океана.

Откуда же нёсся этот аэростат, жалкая игрушка неумолимой бури? Из какого уголка земного шара ринулся он в небеса? Несомненно, он не мог пуститься в путь во время урагана. А ведь ураган бушевал уже пять дней, – его первые признаки дали о себе знать 18 марта. Были все основания предположить, что этот воздушный шар примчался издалека, ибо он, вероятно, пролетал

не менее двух тысяч миль в сутки.

Путники, находившиеся в гондоле, не имели возможности установить, далёкий ли путь они совершили и куда занесло аэростат, – для этого не было у них ни единой вехи. Вероятно, они испытывали на себе чрезвычайно любопытное явление: несясь на крыльях свирепой бури, они её не чувствовали. Шар уносило всё дальше, а пассажиры не ощущали ни его вращательного движения, ни бешеного перемещения по горизонтали. Глаза их ничего не различали сквозь облака, клубившиеся под гондолой. Вокруг них всё застилала пелена тумана, такого плотного, что они не могли бы сказать – день это или ночь. Ни единого отблеска небесных светил, ни малейшего отзвука земных шумов, ни хотя бы слабого гула ревущего океана не доходило до них среди безмерной тьмы, пока они летели на большой высоте. И лишь когда шар стремительно понёсся вниз, они узнали, что летят над бушующими волнами, – и поняли, какая опасность грозит им.

Но как только сбросили весь груз, имевшийся в гондоле, – запас патронов, оружие и провиант, шар вновь поднялся и полетел на высоте четырёх тысяч пятисот футов. Услышав, как плещет под гондолой море, путники сочли, что вверху для них меньше опасности, и без колебаний выбросили за борт даже самые нужные вещи, ибо старались всячески сберечь газ – эту душу своего воздушного корабля, нёсшего их над безднами океана.

Ночь прошла в тревогах, которые были бы смертельны для людей менее мужественных. Наконец, занялась заря, и лишь только забрезжил свет, ураган как будто стал стихать. 24 марта с самого раннего утра появились признаки затишья. На рассвете нависшие над морем грозовые тучи поднялись высоко. За несколько часов воронка смерча расширилась, и столб его разорвался. Ураган превратился в «очень свежий ветер», то есть скорость перемещения слоёв воздуха уменьшилась вдвое. Всё ещё, как говорят моряки, дул «ветер на три рифа», но разбушевавшиеся стихии почти успокоились.

К одиннадцати часам утра небо почти очистилось от туч, во влажном воздухе появилась та особая прозрачность, которую не только видишь, но и чувствуешь после того, как пронесётся сильная буря. Казалось, ураган не умчался далеко, на запад, а прекратился сам собою. Может быть, когда разорвался столб смерча, буря разрешилась электрическими разрядами, как это бывает иной раз с тайфунами в Индийском океане.

Но в тот же самый час пассажиры воздушного шара вновь заметили, что они медленно, но непрерывно спускаются.

Оболочка шара постепенно съеживалась, вытягивалась, и вместо сферической формы аэростат принял яйцеобразную форму.

К полудню он уже летел над морем на высоте двух тысяч футов. Объём шара равнялся пятидесяти тысячам кубических футов; благодаря таким размерам он и мог так долго продержаться в воздухе, то поднимаясь вверх, то плывя по горизонтали.

Чтоб облегчить вес гондолы, путники уже выкинули за борт последние сколько-нибудь тяжёлые предметы, выбросили оставленный было малый запас пищи и даже всё, что лежало у них в карманах; затем один из пассажиров взобрался на нижний обруч, к которому была прикреплена верёвочная сетка, защищающая оболочку шара, и попробовал плотнее привязать нижний клапан аэростата.

Стало ясно, что удержать шар в высоте уже невозможно, – для этого не хватало газа.

Итак, всех ожидала гибель!

Внизу был не материк, не остров, а ширь морская. Нигде не было хотя бы клочка суши, полоски твёрдой земли, за которую мог бы зацепиться якорь аэростата.

Кругом только море, всё ещё с непостижимой яростью перекатывавшее волны. Куда ни кинешь взгляд – везде только беспредельный океан; несчастные аэронавты, хотя и смотрели с большой высоты и могли охватить взором пространство на сорок миль вокруг, не видели берега. Перед глазами у них простиралась только водная пустыня, безжалостно исхлестанная ураганом, изрытая волнами, – они неслись, словно дикие кони с разметавшейся гривой; мелькавшие гребни свирепых валов казались сверху огромной белой сеткой. Не было в виду ни земли, ни единого судна!

Остановить, во что бы то ни стало остановить падение аэростата, иначе его поглотит пучина! Люди, находившиеся в гондоле, употребляли все усилия, чтобы поскорее добиться этого. Но старания их оставались бесплодными – шар опускался всё ниже, вместе с тем ветер нёс его с чрезвычайной быстротой в направлении с северо-востока на юго-запад.

Путники оказались в ужасном положении. Сомнений не было – они утратили всякую власть над аэростатом. Все их попытки ни к чему не приводили. Оболочка воздушного шара съёживалась всё больше. Газ выходил из неё, и не было никакой возможности удержать его. Спуск заметно ускорялся, к часу дня гондолу отделяло от поверхности океана расстояние только в шестьсот футов. А газа становилось всё меньше. Он свободно улетучивался сквозь разрыв, появившийся в оболочке шара.

Выбросив из гондолы всё, что там находилось, путникам удалось продержаться в воздухе несколько лишних часов. Но это было лишь отсрочкой неизбежной катастрофы: если до ночи не появится в виду земля, – и шар, и гондола канут в бездну океана.

Оставалось испробовать только одно средство, и путники прибегли к нему, показав себя людьми энергичными и отважными, которым не раз приходилось смотреть смерти в глаза. Ни малейшего ропота не сорвалось с их уст. Они решили бороться до последней минуты и всеми мерами пытаться замедлить падение шара. Гондола представляла собой нечто вроде плетёной корзины и, конечно, не могла плавать: стоило ей упасть в воду, она сразу бы затонула.

К двум часам дня аэростат оказался уже на расстоянии четырёхсот футов от поверхности океана.

И тогда раздался мужественный голос – голос человека смелого, чьё сердце не ведает страха. На оклик его ответили голоса не менее решительные.

– Всё выбросили?

– Нет! Осталось золото – десять тысяч франков!

И тотчас тяжёлый мешок полетел в океан.

– Поднялся шар?

– Чуть-чуть. Сейчас опять упадёт!

– Что ещё можно выбросить?

– Ничего!

– Ничего? А гондола?

– Цепляйтесь все за сетку. А гондолу в воду!

Действительно, оставалось только это единственное и последнее средство облегчить шар. Верёвки, которыми гондола была привязана к обручу сетки, перерезали, и лишь только гондола оторвалась, аэростат поднялся на высоту в две тысячи футов.

Пятеро путников вскарабкались выше обруча и теперь держались в ячейках сетки, уцепившись за верёвки. Все пятеро смотрели вниз, туда, где ревел океан.

Известно, какой необыкновенной чувствительностью отличается любой аэростат. Уменьшите хоть немного его груз, и шар сразу поднимется ввысь. Аэростат, парящий в воздухе, своей чувствительностью подобен математически точным весам. И вполне понятно, что, если шар избавится от довольно тяжёлой гондолы, он тотчас взлетит на значительную высоту. Так и произошло в данном случае.

Но, продержавшись одно мгновенье вверху, аэростат опять стал спускаться. Газ утекал сквозь дыру в оболочке, и повреждение невозможно было исправить.

Путники сделали всё, что могли, и теперь уж никакие силы человеческие не спасли бы их. Надежда была только на чудо.

В четыре часа дня шар оказался всего лишь на высоте пятисот футов от поверхности океана.

Вдруг послышался громкий лай. Путники взяли с собой собаку, и теперь она находилась в сетке аэростата рядом со своим хозяином.

– Топ что-то увидал! – воскликнул один из пассажиров.

И тотчас раздался громкий возглас:

– Земля! Земля!

Шар по-прежнему несло ветром к юго-западу; с рассвета он уже пролетел сотни миль, и действительно перед путниками возник довольно высокий берег.

Но земля эта находилась на расстоянии тридцати миль. Достигнуть её аэростат мог по меньшей мере через час, да и то при условии, что ветер не переменится. Через час! А что, если до этого срока утечёт весь оставшийся газ?

Вопрос ужасный! Несчастные воздухоплаватели ясно различали сушу. Они не знали, остров это или материк, едва ли представляли себе, в какую часть света их занесло бурей. Но пусть даже вместо гостеприимной земли перед ними был необитаемый остров, до него необходимо было добраться любой ценой.

Однако в четыре часа дня стало совершенно очевидно, что шар больше держаться в воздухе не может. Он летел, касаясь поверхности воды. Гребни огромных валов не раз лизали нижние ячейки сетки, она намокла, отяжелела, и аэростат едва приподнимался, как птица с перебитым крылом.

Полчаса спустя до берега оставалось не больше мили, но в аэростате газ уже почти весь иссяк и держался только в верхней части дряблой, сплющенной оболочки, свисавшей крупными складками. Пассажиры, ухватившиеся за сетку, стали для шара непосильной ношей, – вскоре он наполовину погрузился в воду, и разъярённые волны принялись стегать по нему. Оболочку выгнуло горбом, и ветер, надув её, помчал по воде, словно парусную лодку. Казалось, вот-вот он достигнет суши.

И действительно, он был уже в двух кабельтовых от берега, как вдруг у четырёх путников вырвался крик ужаса. Взметнулся грозный вал, и шар, как будто уже лишившийся подъёмной силы, неожиданно взлетел вверх. Словно избавившись от какой-то части своего груза, он поднялся на тысячу пятьсот футов, но тут попал в воздушную воронку, его закрутило ветром и понесло уже не к суше, а почти параллельно ей. Но минуты через две ветер переменился и швырнул, наконец, шар на песчаный берег, где он

оказался недосягаемым для волн.

Путники помогли друг другу выбраться из опутавшей их сетки. Шар, освободившись от отягчающего бремени, взлетел при первом порыве ветра и, словно раненая птица, на миг вернувшаяся к жизни, взмыл вверх и исчез в небесном просторе.

В гондоле аэростата было пятеро путников и собака, но на берег выбросило только четыре человека.

Тот, кого не хватало, очевидно, был смыт волной, что облегчило груз аэростата, позволило ему подняться в последний раз и несколько мгновений спустя достигнуть суши.

Но лишь только потерпевшие крушение (их вполне можно назвать так) ступили на землю, – все четверо, не видя пятого спутника, воскликнули:

– Может быть, он пытается добраться вплавь… Спасём его! Спасём!

Глава вторая

Эпизод гражданской войны в США. Инженер Сайрес Смит. Гедеон Спилет. Негр Наб. Моряк Пенкроф. Юный Герберт. Неожиданное предложение. Свидание в десять часов вечера. Отлёт в бурю.

Люди, которых ураган выбросил на какой-то далёкий берег, не были аэронавтами-профессионалами или любителями воздушных путешествий. Их держали в заключении как военнопленных, и прирождённая отвага побудила их бежать из плена при обстоятельствах весьма необычайных! Сто раз они могли погибнуть! Сто раз аэростат с разорвавшейся оболочкой мог сбросить их в бездну. Но небо уготовило им удивительную участь. 20 марта путники уже находились в семи тысячах миль от Ричмонда, осаждённого войсками генерала Улисса Гранта, – они бежали из этой столицы штата Виргиния – главной крепости сепаратистов[12] в дни ужасной гражданской войны. Воздушное их путешествие продлилось пять дней.

Вот при каких любопытных обстоятельствах произошло бегство пленников, закончившееся катастрофой…

Глава седьмая

Наб всё не возвращается. Размышления Гедеона Спилета. Ужин. Тревожная ночь. Буря. Поиски в ночную пору. Борьба с

дождём и ветром. В восьми милях от первого убежища.

…Буря бушевала с неистовой яростью и, вероятно, достигла наибольшей своей силы. В ту ночь было новолуние, молодой месяц узким серпом поднимался в небе, но бледное его сияние не могло пробиться сквозь тучи. Идти становилось всё труднее. Самое лучшее было положиться на инстинкт Топа. Путники так и поступили. Гедеон Спилет и Герберт шли вслед за собакой, моряк замыкал шествие. Невозможно было перемолвиться ни единым словом. Дождь уже не обрушивался водопадом, так как дыхание урагана развеивало его водяной пылью, но сам ураган был ужасен.

Было, однако, обстоятельство, благоприятное для Пенкрофа и его товарищей. Ветер нёсся с юго-востока и, следовательно, дул им в спину. Он забрасывал их сзади целыми тучами песку, но не мешал идти вперёд – стоило только не оборачиваться. Порою наши путники даже двигались быстрее, чем хотели, и поневоле ускоряли шаг, для того чтобы ветер не сбил их с ног, но окрепшая надежда придавала им силы. Ведь они шли теперь не наугад, – они уже не сомневались, что Наб нашёл своего хозяина и послал за ними верную собаку. Но жив ли был Сайрес Смит? Быть может, Наб звал их лишь затем, чтобы отдать последний долг умершему?

Миновав острую грань гранитного кряжа, который они благоразумно обошли сторонкой, путники остановились: всем троим надо было передохнуть. Выступ скалы защищал их от ветра; запыхавшись от быстрой ходьбы, вернее от пятнадцатиминутного бега, они с жадностью глотали воздух. Очутившись за этим прикрытием, они могли слышать друг друга, и вдруг, когда Герберт произнёс имя Сайреса Смита, Топ затявкал, будто хотел сказать, что хозяин его жив.

– Он жив! Ведь правда, Топ? Правда? – взволнованно твердил Герберт. – Он спасся!

Собака тихонько взвизгивала, словно подтверждала его слова.

Наконец двинулись дальше. Было около половины третьего. В море начинался прилив, а в такие сильные штормы прилив, да ещё прилив в новолуние, отличается грозной силой. У гряды рифов ревели высокие валы, бросались на них с неистовой яростью; должно быть, эти водяные горы перекатывались и через невидимый в густом мраке островок…

Лишь только моряк и его спутники вышли из-за выступа скалы, ветер снова, как бешеный, налетел на них. Низко согнувшись, подставляя спину его свирепым толчкам, они быстро шагали вслед за Топом, уверенно бежавшим впереди. Они

двигались на север; справа от них горами вздымались и оглушительно ревели пенные волны, а слева была невидимая, незримая во тьме земля…

К четырём часам утра они, вероятно, прошли около пяти миль. Тучи уже не ползли над самой землёй, а поднялись выше. Дождь почти перестал, ветер стал менее влажным, зато пронизывал холодом. И Пенкроф, и Герберт, и Гедеон Спилет продрогли до костей, но у них не вырвалось ни единого слова жалобы. Они твердо решили идти за Топом туда, куда ведёт их умная собака.

Около пяти часов утра забрезжил рассвет. Сначала посветлело в вышине неба, где тучи лежали не такой густой пеленой; края их приняли жемчужно-серые тона, а вскоре ниже их, под тёмной плотной полосой тумана, более светлой чертой обозначился морской горизонт. По воде пробежали тусклые блики, и гребни волн опять стали белыми. С левой стороны, ещё очень смутно, серыми силуэтами на чёрном фоне, выступили неровные очертания берега.

В шесть часов утра совсем рассвело. Высоко в небе торопливо бежали облака. Пенкроф и его спутники прошли уже около шести миль от своего убежища. Теперь они двигались по песчаному плоскому берегу, вдалеке от него в море пролегала гряда подводных скал, едва видневшихся над волнами, так как уже была полная вода. Слева простиралась широкая пустынная равнина, занесённая песками, и на ней возвышались дюны, поросшие колючим чертополохом. Слабо изрезанный берег защищала от океанских ветров лишь прерывистая цепь невысоких холмов. Кое-где, в одиночку или купами, разбросаны были кривые, уродливые деревья, изгибавшие к западу и ствол и ветви. Далеко позади, на юго-западе, темнела опушка леса.

Вдруг собака заметалась: то она мчалась вперёд, то возвращалась и подбегала к Пенкрофу, как будто молила его ускорить шаг. Потом она свернула с берега на равнину и, движимая поразительным своим чутьём, без малейшего колебания побежала между дюнами.

Путники двинулись вслед за нею. Кругом была глушь, ни одного живого существа. Широкая полоса дюн состояла из прихотливо разбросанных бугров, пригорков и даже холмов. Это была настоящая песчаная Швейцария, и лишь благодаря своему поразительному инстинкту собака не заблудилась.

Минут через пять после того как свернули с берега, журналист и его спутники очутились перед неглубокой пещерой, образовавшейся во внутреннем склоне высокой дюны. Топ остановился и звонко залаял. Спилет, Герберт и Пенкроф вошли в

пещеру.

Там стоял на коленях Наб, склонившись над безжизненным телом, распростёртым на ложе из травы.

В недвижно лежавшем человеке они узнали Сайреса Смита.

Глава восьмая

Жив ли Сайрес Смит? Рассказ Наба. Следы на песке. Неразрешимая загадка. Первые слова Сайреса Смита. Изучение следов. Обратно в Трущобы. Ужас Пенкрофа.

Наб не шелохнулся. Моряк бросил ему только одно слово:

– Жив?

Наб ничего не ответил. Гедеон Спилет и Пенкроф побледнели. Герберт замер, крепко стиснув руки. Ясно было, что бедный негр так подавлен горем, что не заметил своих товарищей, не слышал вопроса Пенкрофа.

Журналист опустился на колени у распростёртого тела, расстегнул на Сайресе одежду и приложил ухо к его груди. Прошла минута – целая вечность, – пока он уловил еле слышное биение сердца.

Наб приподнял голову и посмотрел вокруг невидящим взглядом. На нём лица не было – так он исстрадался. Разбитый усталостью, истерзанный душевной мукой, он изменился до неузнаваемости. Ведь он думал, что Сайрес Смит умер.

Гедеон Спилет долгим, внимательным взглядом всмотрелся в Смита и, поднявшись, сказал:

– Жив!

Тогда на колени опустился Пенкроф. Прильнул ухом к груди Сайреса Смита и тоже услышал слабое биение его сердца и даже почувствовал едва заметное его дыхание.

– Воды! – коротко сказал журналист, и Герберт бросился искать воды. Шагах в ста от пещеры он нашёл струившийся в песчаном ложе прозрачный ручеёк, сильно вздувшийся от вчерашнего ливня. Но чем зачерпнуть воды? В дюнах не было ни единой раковины! Тогда юноша намочил в ручье носовой платок и помчался к пещере.

К счастью, оказалось достаточным и мокрого платка: Гедеон Спилет хотел только смочить Сайресу губы. Несколько капель холодной воды оказали чудесное действие. Сайрес Смит глубоко вздохнул, казалось даже, он пытается что-то сказать.

– Мы спасём его! – воскликнул журналист.

Слова эти вновь пробудили в сердце Наба надежду. Он раздел

своего хозяина, осмотрел, нет ли ран на его теле. Но нигде не было ни ран, ни ушибов, ни ссадин, что очень всех удивило, так как волны, несомненно, пронесли его через подводные скалы; даже на руках не оказалось ни одной царапины, и было просто непостижимо, как на теле утопавшего не осталось никаких следов его борьбы со слепой стихией, его усилий пробиться через линию рифов.

Но объяснения такого удивительного обстоятельства приходилось ждать до тех пор, пока Сайрес Смит в силах будет говорить и расскажет обо всём, что с ним произошло. А сейчас нужно вернуть его к жизни. Может быть, для этого необходимы растирания? Моряк скинул с себя куртку и принялся изо всех сил растирать ею закоченевшее тело Сайреса Смита. Согревшись от этого энергичного массажа, тот слегка пошевелил руками, дыхание его стало ровнее. Он умирал от истощения, и если б Гедеон Спилет с товарищами не подоспели вовремя, инженеру Смиту пришёл бы конец.

– Так вы думали, что умер ваш хозяин? – спросил Наба моряк.

– Да, – ответил Наб. – И если бы Топ не нашёл нас и вы не пришли бы сюда, я бы похоронил мистера Смита и сам помер бы у его могилы!

Как видите, жизнь Сайреса Смита висела на волоске!

Тут Наб рассказал, как он нашёл хозяина. Накануне, выйдя на рассвете из Трущоб, он опять пошёл на поиски, двинулся по берегу на север и дошёл до того места, где уже был накануне.

И опять, – хотя и без всякой надежды, как он сам признался, – Наб принялся искать: заглядывал в каждую впадину между скал, всматривался в поверхность песчаной террасы – нет ли там какого-нибудь следа, который поможет его поискам. Осматривал он главным образом ту часть берега, которую не затопляла вода, потому что у кромки моря прилив и отлив, чередуясь, несомненно, стёрли все следы. Наб больше не чаял найти своего хозяина живым. Он искал тело Сайреса Смита, чтобы своими руками предать его земле!

Долго искал Наб. Все его усилия оставались бесплодными. Казалось, на этом пустынном берегу никогда не появлялся человек. Ту полосу береговой террасы, до которой доходил прилив, усеивали миллионы раковин, и ни одна из них не была растоптана. На протяжении двух-трёх сотен ярдов Наб не мог обнаружить следов человека. Было ясно, что к берегу никто не приставал.

Наб решил пройти ещё несколько миль. Возможно, что тело отнесло течением. Если утопленник плывёт недалеко от низкого берега, редко случается, чтобы волны рано или поздно не

выбросили труп. Наб это знал, и ему хотелось в последний раз взглянуть на своего хозяина.

– Я прошёл по берегу ещё две мили, осмотрел во время отлива все рифы, а в часы прилива весь берег и уже отчаялся: ничего, мол, я не найду. И вдруг вчера около пяти часов вечера я заметил на песке следы человеческих ног.

– Следы человеческих ног? – воскликнул Пенкроф.

– Да! – подтвердил Наб.

– И откуда же шли эти следы? От самых рифов? – спросил журналист.

– Нет, только от границы прилива, а между ним и рифами море, должно быть, стерло следы.

– Продолжай, Наб, – сказал Гедеон Спилет.

– Я, как увидел эти следы, словно с ума сошёл. Они очень ясно отпечатались и шли по направлению к дюнам. Я побежал в ту сторону; бежал с четверть мили, держась этих следов, но старался их не затоптать. Минут через пять, когда уж стало смеркаться, слышу – лает собака. Это Топ лаял. Он и привёл меня сюда, к моему хозяину!

И в заключение Наб рассказал о том, как он горевал, когда увидел бесчувственное тело Сайреса Смита. Напрасно он пытался обнаружить в нём хоть какие-нибудь признаки жизни. Он искал мёртвое тело, но теперь, найдя его, жаждал возродить в нём жизнь! Все его усилия были тщетны. Оставалось лишь отдать последний долг тому, кого он так любил.

И тогда Наб подумал о своих товарищах. Наверно, они тоже хотят проститься с умершим. Около него был Топ. Разве нельзя положиться на сообразительность такого умного пса, такого преданного друга? Наб несколько раз произнёс имя журналиста: из спутников хозяина Топ лучше всех знал Гедеона Спилета. Потом Наб показал рукой на юг, и собака помчалась по берегу в ту сторону.

Мы уже знаем, как Топ, руководясь инстинктом, который может показаться почти сверхъестественным, нашёл дорогу в Трущобы, хотя ни разу там не бывал.

Товарищи Наба слушали его рассказ с напряжённым вниманием. Всё же оставалось необъяснимым, почему у Сайреса Смита нет ни одной царапины на теле, несмотря на то, что лишь ценою тяжких усилий он мог выбраться из бурунов, кипящих вокруг рифов. И непонятно было также, как полуживой Сайрес Смит мог пройти больше мили от берега к пещере, затерявшейся среди дюн.

– Послушай, Наб, – сказал журналист, – так, значит, это не ты перенёс сюда своего хозяина?

– Нет, не я, – ответил Наб.

– Стало быть, мистер Смит сам сюда добрался – это ясно, – сказал Пенкроф.

– Ясно-то ясно, да невероятно! – заметил Спилет.

Разрешить эту загадку мог один только Сайрес Смит. Надобно было ждать, когда он в силах будет говорить. К счастью, жизнь уже возвращалась к нему. От крепких растираний восстановилось кровообращение. Сайрес Смит вновь пошевелил руками, потом повернул голову и произнёес какие-то бессвязные слова.

Нагнувшись, Наб окликнул его, но Смит, казалось, ничего не слышал и по-прежнему не открывал глаз. Жизнь пробуждалась в нём, он шевелил руками, но то были непроизвольные, бессознательные движения.

Пенкроф очень жалел, что в пещере не горит костёр, да и нельзя развести огня, потому что, выходя из Трущоб, он позабыл захватить с собою жгут из опалённой тряпки, – этот заменитель трута было бы легко зажечь, высекая искры при помощи двух кремней. У инженера спичек не оказалось, во всех его карманах было пусто, только в жилетном кармане уцелели часы. Посоветовавшись, друзья Сайреса Смита пришли к единодушному решению – поскорее перенести его в Трущобы.

Благодаря заботливому уходу товарищей Сайрес Смит очнулся скорее, чем можно было ожидать. Вода, которой смачивали ему запёкшиеся губы, подействовала на него благотворно. Пенкрофу пришла удачная мысль – подбавить в неё мясного сока, выжатого из остатков жаркого, которое он захватил в дорогу. Герберт побежал на берег моря и принёс оттуда две большие двустворчатые раковины. Составив нечто вроде микстуры, моряк осторожно влил в рот Сайресу Смиту несколько капель, и тот с жадностью их проглотил.

Наконец, он открыл глаза. Наб и журналист наклонились над ним.

– Мистер Смит! Мистер Смит! – позвал его Наб.

Сайрес Смит услышал. Он посмотрел на Наба и Спилета, потом на двух других своих спутников – Герберта и моряка, и каждому слабо пожал руку.

Опять он произнёс что-то бессвязное, как будто те же слова, что вырвались у него в беспамятстве и выражали мысль, даже тогда не дававшую ему покоя. Но теперь эти слова можно было разобрать.

– Остров или материк? – тихо спросил он.

– Да ну его ко всем чертям! – не удержавшись, воскликнул Пенкроф. – Разве это важно. Только бы вы были живы, мистер

Смит! Остров или материк! Потом узнаем.

Инженер слегка кивнул головой, соглашаясь с ним, потом как будто задремал.

Гедеон Спилет остался в пещере оберегать сон Сайреса Смита, а трое остальных, по совету журналиста, ушли приготовить носилки, чтобы перенести больного, по возможности не беспокоя его. Наб, Герберт и Пенкроф направились к высокой дюне, увенчанной купой чахлых деревьев. Дорогой моряк всё твердил удивленно:

– Остров или материк? Вот о чём он думает, а ведь сам еле дышит! Ну и человек!

Взобравшись на верхушку дюны, Пенкроф и два его товарища, не имея иных орудий, кроме собственных рук, просто-напросто обломали самые толстые ветки довольно хилого, потрёпанного ветром дерева, принадлежащего к разновидности морской сосны; из веток они сделали носилки и наложили на них листьев и травы, чтобы Сайресу Смиту удобнее было лежать.

На всю эту работу ушло минут сорок, и когда моряк, Наб и Герберт возвратились в пещеру, к Сайресу Смиту, от которого не отходил Спилет, было десять часов утра.

Инженер проснулся, наконец, или, вернее, пришёл в себя после своего долгого забытья. На его лице, поражавшем до той минуты восковой бледностью, выступили краски. Он приподнялся на локте и посмотрел вокруг недоумённым взглядом, как будто спрашивая, где он очутился.

– Вы можете выслушать меня? – спросил Спилет. – Или это очень утомит вас?

– Говорите, – ответил инженер.

– А по-моему, мистер Смит будет слушать вас ещё лучше, если отведает вот этого желе из тетерева, – сказал моряк. – Отведайте, мистер Сайрес. Это тетерев, честное слово, тетерев, – добавил он, подавая Смиту своё «желе», в которое он добавил на этот раз немножко мяса.

Сайрес Смит съел несколько кусочков; все остальное разделили между собой его проголодавшиеся товарищи и нашли свой завтрак довольно скудным.

– Не беда! – сказал моряк. – В Трущобах поедим получше. Надо вам сказать, мистер Сайрес, у нас вон там, в южной стороне, есть собственный дом в три комнаты, с постелями и с печкой, а в кладовой у нас лежит несколько десятков птичек, которых Герберт называет «куруку». Носилки для вас готовы, и, как только вы немного оправитесь, мы вас перенесём в нашу квартиру.

– Спасибо, друг мой, – ответил инженер. – Ещё часок-другой полежу тут, и можно будет отправиться. А теперь рассказывайте,

Спилет.

Журналист поведал обо всём, что произошло, и, описывая события, о которых Сайрес Смит не мог знать, рассказал, как воздушный шар выбросило на берег, как его пассажиры вступили на какую-то неведомую землю, по всей видимости необитаемую, хотя ещё неизвестно, что она собою представляет – остров или материк; как они устроили себе убежище в Трущобах и как стали искать Сайреса Смита; рассказал о самоотверженных поисках Наба, о том, как многим они обязаны сообразительности верного пса Топа и т. д.

– Так вы, значит, не на берегу меня нашли? – слабым голосом спросил Сайрес Смит.

– Нет, – ответил Гедеон Спилет.

– И, значит, не вы перенесли меня в эту пещеру?

– Нет.

– А далеко до неё от рифов?

– С полмили будет, – ответил Пенкроф. – Вам удивительно, мистер Смит, как вы сюда попали, а мы ещё больше этому дивимся!

– В самом деле, странность какая! – заметил инженер.

Постепенно оживляясь, он с возраставшим интересом слушал своих товарищей.

– Да, странно, – согласился Пенкроф. – А можете вы рассказать, что с вами было после того, как вас смыло волной?

Сайрес Смит старался собраться с мыслями. Но он мало что мог вспомнить. Волной его выбросило из сетки аэростата, и он погрузился в воду на глубину в несколько саженей. Потом выплыл на поверхность. В полумраке он заметил около себя какое-то живое существо, боровшееся с волнами. Это был Топ, бросившийся на помощь хозяину. Подняв глаза, Смит уже не увидел воздушного шара: лишь только инженер и его собака выпали из сетки и тяжесть аэростата уменьшилась, он стрелой взлетел в высоту. И вот Смит оказался среди бушующих волн, на расстоянии в полмили от берега. Он пытался выплыть, напрягал все силы. Топ поддерживал хозяина, ухватившись зубами за его одежду; но вдруг стремительное течение подхватило его, понесло к северу, а тут захлестнула волна, и после получасовой борьбы он пошёл ко дну, увлекая за собой Топа. С этого мгновения и до той минуты, когда он очнулся на руках у своих друзей, он ничего не помнил.

– Ну, так, верно, волны выбросили вас на берег, – сказал Пенкроф, – и у вас хватило сил дойти сюда, ведь Наб нашёл на песке следы ваших ног.

– Да… Должно быть, так и было… – раздумчиво сказал

инженер. – А других следов вы не замечали на берегу?

– Ни единого, – ответил журналист. – Да если бы вдруг и явился в грозную минуту какой-то неведомый спаситель, почему же он бросил вас после того, как вырвал из пучины океана?

– Вы правы, дорогой Спилет. Послушай, Наб, – добавил инженер, пристально глядя на своего слугу. – Может быть, это всё-таки ты… Может быть, от горя у тебя тогда в голове помутилось, и ты запамятовал… Да нет, какая нелепая мысль… А следы эти ещё целы? – спросил Сайрес Смит.

– Да, некоторые целы, – ответил Наб. – Вон там, у внутреннего склона этой дюны, следы сохранились, – они были тут защищены и от ветра, и от дождя. А все другие буря уничтожила.

– Пенкроф, – сказал Сайрес Смит, – возьмите, пожалуйста, мои башмаки, посмотрите, подходят ли они к отпечаткам на песке.

Моряк выполнил его просьбу; вместе с Гербертом он пошёл вслед за Набом к тому месту, где сохранились следы на песке.

Оставшись наедине с репортёром, Сайрес Смит сказал:

– Здесь произошло что-то необъяснимое!

– Совершенно необъяснимое! – подтвердил Гедеон Спилет.

– Не будем пока вникать во всякие загадки, дорогой Спилет. Поговорим об этом позднее.

Через минуту Наб и Герберт вернулись. Никаких сомнений быть не могло: подошвы башмаков Сайреса Смита в точности совпадали с уцелевшими отпечатками. Итак, следы на песке принадлежали Сайресу Смиту.

– Ну, вот и хорошо, – сказал он. – Значит, это у меня самого был провал в памяти, в котором я заподозрил Наба. Я шёл, как лунатик, совсем не сознавая, что куда-то иду. А привёл меня сюда Топ, привёл, следуя своему инстинкту. И он же спас меня из волн… Иди сюда, Топ, иди, хороший мой пёс!

Красавец пёс с радостным визгом бросился к хозяину. И, конечно, был награждён за свою преданность бесчисленными ласками.

Читатель, безусловно, согласится, что объяснить спасение Сайреса Смита как-нибудь иначе было невозможно и что эта честь целиком принадлежала Топу.

Около полудня Пенкроф спросил инженера, можно ли теперь перенести его в убежище. Вместо ответа Сайрес Смит усилием воли заставил себя подняться, но тут же ноги у него подкосились, и, чтобы не упасть, он ухватился за плечо Пенкрофа.

– Ладно уж, ладно! – сказал Пенкроф. – Подать карету господину инженеру!

Принесли носилки, покрытые мягким мхом и травой, уложили на них Сайреса Смита и понесли его к берегу. Пенкроф взялся за носилки спереди, а Наб сзади.

До Трущоб надо было пройти восемь миль, а так как нести больного следовало медленно, не спеша, и, вероятно, предстояло часто останавливаться, то путники рассчитывали, что они доберутся до места часов через шесть.

По-прежнему дул сильный ветер, но дождь, к счастью, перестал. Лежа на носилках, инженер приподнялся на локте и оглядывал берег, особенно верхнюю террасу. Он не промолвил ни слова, но смотрел внимательно, и, несомненно, очертания этого побережья, его пески, скалы и леса запечатлелись в памяти инженера Смита. Однако часа через два усталость взяла своё, он вытянулся на носилках и заснул.

К половине шестого вечера маленький караван достиг срезанного угла гранитного кряжа, а вскоре добрался до Трущоб.

Все остановились. Носилки опустили на землю. Сайрес Смит не проснулся – так крепко он спал.

К крайнему своему удивлению, Пенкроф увидел, что буря, бушевавшая ночью, изменила уже знакомую картину. Произошли довольно значительные обвалы, на песке лежали скатившиеся большие глыбы, весь берег ковром устилал толстый слой водорослей. Очевидно, волны, перекатываясь через островок, доходили до подножия гранитного кряжа.

Перед входом в убежище земля была изрыта – несомненно, и на эти глыбы бросались приступом сокрушительные морские валы.

Страшная догадка мелькнула в голове Пенкрофа, и он опрометью кинулся в каменный проход. Но тотчас же выбежал оттуда и замер у входа, растерянно глядя на товарищей…

Огонь потух. Мокрая земля превратилась в грязь. Опалённая тряпица, которая должна была заменять трут, исчезла. Море, проникнув в глубину коридора, всё там перевернуло, всё уничтожило!

Вопросы и задания

1. Как пять отважных путешественников стали «робинзонами»?

2. Как определилось, что лидер этой группы людей – Сайрес Смит?

3. Почему на «таинственном острове» не было борьбы за первенство в коллективе?

1. Какие качества помогли членам случайного коллектива сохранить дружбу на необитаемом острове?

2. Есть ли у пятерых робинзонов таинственного острова качества, присущие им всем? Какие качества отличают каждого из них от остальных товарищей?

3. Какие качества отличают юного Герберта от остальных членов команды?

1. Докажите, что «Таинственный остров» – робинзонада.

2. Как вы думаете, что сплотило эту группу случайно попавших в беду людей? Как отличие этих людей друг от друга способствовало созданию жизнеспособной команды?

3. Создайте устный портрет одного из обитателей таинственного острова.

4. Подготовьте исполнение одного из диалогов романа. Попробуйте сопроводить его своими комментариями.

5. Каким является «Таинственный остров» для современного читателя – научно-фантастическим или приключенческим произведением?

Для тех, кто прочитал весь роман «Таинственный остров»

1. От каких бед спасло героев их путешествие на воздушном шаре?

2. Кто был таинственным помощником героев на острове?

3. В какой момент повествования герои начали проявлять свою техническую смекалку и находчивость?

4. Какие события жизни на острове кажутся вам кульминационными, определившими судьбу героев?

Для тех, кто прочитал всю знаменитую трилогию: «Дети капитана Гранта», «Двадцать тысяч лье под водой», «Таинственный остров»

1. Когда, читая «Таинственный остров», вы догадались о связи событий с капитаном Немо?

2. Кто главный герой всей трилогии?

3. Что объединяет события всех трёх романов?

4. Какие сведения, которые можно отнести к научной фантастике, нашли вы в этих романах?

1. Какие качества героев всех трёх романов лежат в основе объяснения событий их сюжетов?

2. Что отличает юных героев этих произведений?

3. Почему героям этих произведений удаётся справиться с трудностями и с происками врагов? Что помогает им в этом?

1. Расскажите о том, как изменялось отношение капитана Немо к окружающему миру на протяжении событий романов, входящих в трилогию.

2. Какой герой этих романов привлёк ваше особое внимание и вызвал симпатию? Объясните причины такого отношения к нему.

3. Какими являются эти романы для читателя нашего времени – научно-фантастическими или только приключенческими?

4. Создайте краткий словарик читателя этих романов.

5. Используя все знакомые вам робинзонады, составьте «Словарик первого дня Робинзонов», или «Ботанический словарик трёх робинзонад», или «Словарик Робинзона-строителя», или какой-то другой словарик по собственному замыслу.

Для тех, кто любит читать романы Жюля Верна

1. Какие произведения Жюля Верна вы читали?

2. Почему серия романов Жюля Верна названа «Необыкновенные путешествия»? Если вы читали некоторые из них, докажите, что они действительно «необыкновенные».

Романы Жюля Верна посвящены таким темам: освоение Арктики и завоевание полюсов, подводная навигация, авиация и воздухоплавание, использование электроэнергии, межпланетные путешествия. Какие знакомые вам романы, как вам кажется, до сих пор остаются научно-фантастическими, а какие стали просто приключенческими романами? Почему?

Оскар Уайльд (Оскар Фингал О'Флаерти Уилс Уайльд) (1854–1900)

Оскар Уайльд родился в Дублине в ирландской семье. Отец его был врачом, мать – писательницей. Оскар окончил Оксфордский университет. Его взгляды были крайне противоречивы, как и высказывания об искусстве. Но многие произведения до сих пор находят своих благодарных читателей. В необычных сюжетах, сложных характерах, красочных описаниях обстановки, живописных речевых зарисовках, в изысканных сравнениях, неожиданных и метких эпитетах Уайльд демонстрирует свой индивидуальный и изысканный стиль. При этом конструкция его фразы отличается предельной простотой. Его произведения – это классические страницы английской прозы.

В 1887 году он пишет юмористические рассказы «Преступление лорда Артура Сэвиля» и «Кентервильское привидение». Вслед за ними последовали два сборника сказок: «Счастливый Принц» и «Гранатовый домик». Именно эти произведения и адресованы юному читателю.

Юмористические произведения писателя насыщены всеми оттенками смешного, а таких оттенков очень много. Ведь каждому из вас знакома шутка, которая обычно доброжелательна. Знакома и насмешка. Насмешка – более суровая форма смеха. Ещё более острую форму имеет ирония.

Ирония на греческом языке значит «притворство». Обычно ироническое изображение имеет двойной смысл. Важней не то, что высказано, а то, что подразумевается. То, что подразумевается, обычно бывает достаточно острой насмешкой. Знаменитая фраза басни Крылова: «Отколе, умная, бредёшь ты, голова?», как вы понимаете, говорит о голове наверняка глупой.

В рассказе «Кентервильское привидение» автор постоянно прибегает к иронии как в изображении героев, так и в описании событий. В нём остроумно и изящно высмеивается чопорность английской аристократии и деляческий практицизм американских буржуа. Но, читая рассказ, мы видим также, что он высоко ценит подлинную доброту и здравый смысл.

Кентервильское привидение. *Материально-идеалистическая история*

I

Когда мистер Хайрам Б. Отис, американский посол, решил купить Кентервильский замок, все уверяли его, что он делает ужасную глупость, – было достоверно известно, что в замке обитает привидение.

Сам лорд Кентервиль, человек донельзя щепетильный, даже когда дело касалось сущих пустяков, не преминул при составлении купчей предупредить мистера Отиса.

– Нас как-то не тянуло в этот замок, – сказал лорд Кентервиль, – с тех пор как с моей двоюродной бабкой, вдовствующей герцогиней Болтон, случился нервный припадок, от которого она так и не оправилась. Она переодевалась к обеду, и вдруг ей на плечи опустились две костлявые руки. Не скрою от вас, мистер Отис, что привидение это являлось также многим ныне здравствующим членам моего семейства. Его видел и наш приходский священник, преподобный Огастес Дэмпир, магистр Королевского колледжа в Кембридже. После этой неприятности с герцогиней вся младшая прислуга ушла от нас, а леди Кентервиль совсем лишилась сна: каждую ночь ей слышались какие-то непонятные шорохи в коридоре и библиотеке.

– Что ж, милорд, – ответил посол, – пусть привидение идёт вместе с мебелью. Я приехал из передовой страны, где есть всё, что можно купить за деньги. К тому же молодёжь у нас бойкая, способная перевернуть весь ваш Старый Свет. Наши молодые люди уводят от вас лучших актрис и оперных примадонн. Так что, заведись в Европе хоть одно привидение, оно мигом очутилось бы у нас в каком-нибудь музее или в разъездном паноптикуме[13].

– Боюсь, что кентервильское привидение всё-таки существует, – сказал, улыбаясь, лорд Кентервиль, – хоть оно, возможно, и не соблазнилось предложениями ваших предприимчивых импресарио. Оно пользуется известностью добрых триста лет, – точнее сказать, с тысяча пятьсот восемьдесят четвёртого года, – и неизменно появляется незадолго до кончины кого-нибудь из членов нашей семьи.

– Обычно, лорд Кентервиль, в подобных случаях приходит домашний врач. Никаких привидений нет, сэр, и законы природы, смею думать, для всех одни – даже для английской аристократии.

– Вы, американцы, ещё так близки к природе! – отозвался лорд Кентервиль, видимо, не совсем уразумев последнее замечание мистера Отиса. – Что ж, если вас устроит дом с привидением, то всё в порядке. Только не забудьте, я вас предупредил.

Несколько недель спустя была подписана купчая, и по окончании лондонского сезона посол с семьёй переехал в Кентервильский замок. Миссис Отис, которая в своё время – ещё под именем мисс Лукреция Р. Тэппен с 53-й Западной улицы[14] – славилась в Нью-Йорке своей красотой, была теперь дамой средних лет, всё ещё весьма привлекательной, с чудесными глазами и точёным профилем. Многие американки, покидая родину, принимают вид хронических больных, считая это одним из признаков европейской утончённости, но миссис Отис этим не грешила. Она обладала великолепным телосложением и совершенно фантастическим избытком энергии. Право, её нелегко

было отличить от настоящей англичанки, и её пример лишний раз подтверждал, что теперь у нас с Америкой всё одинаковое, кроме, разумеется, языка. Старший из сыновей, которого родители в порыве патриотизма окрестили Вашингтоном – о чём он всегда сожалел, – был довольно красивый молодой блондин, обещавший стать хорошим американским дипломатом, поскольку он три сезона подряд танцевал в первой паре немецкую кадриль в казино Ньюпорта и даже в Лондоне заслужил репутацию превосходного танцора. Он питал слабость к гарденияm[15] и аристократии, отличаясь во всём остальном совершенным здравомыслием. Мисс Вирджинии Е. Отис шёл шестнадцатый год. Это была стройная девочка, грациозная, как лань, с большими, ясными голубыми глазами. Она прекрасно ездила на пони и, уговорив однажды старого лорда Билтона проскакать с ней два раза наперегонки вокруг Гайд-парка, на полтора корпуса обошла его у самой статуи Ахиллеса; этим она привела в такой восторг юного герцога Чеширского, что он немедленно сделал ей предложение и вечером того же дня, весь в слезах, был отослан своими опекунами обратно в Итон. В семье было ещё двое близнецов, моложе Вирджинии, которых прозвали «Звёзды и полосы»[16], поскольку их без конца пороли. Поэтому милые мальчики были, не считая почтенного посла, единственными убеждёнными республиканцами в семье.

От Кентервильского замка до ближайшей железнодорожной станции в Аскоте целых семь миль, но мистер Отис заблаговременно телеграфировал, чтобы им выслали экипаж, и семья двинулась к замку в отличном расположении духа.

Был прекрасный июльский вечер, и воздух был напоён теплым ароматом соснового леса. Изредка до них доносилось нежное воркование лесной горлицы, упивавшейся своим голосом, или в шелестящих зарослях папоротника мелькала пёстрая грудь фазана. Крошечные белки поглядывали на них с высоких буков, а кролики прятались в низкой поросли или, задрав белые хвостики, улепётывали по мшистым кочкам. Но не успели они въехать в аллею, ведущую к Кентервильскому замку, как небо вдруг заволокло тучами и странная тишина сковала воздух. Молча пролетела у них над головой огромная стая галок, и, когда они подъезжали к дому, большими редкими каплями начал накрапывать дождь.

На крыльце их поджидала опрятная старушка в чёрном шёлковом платье, белом чепце и переднике. Это была миссис Амни, домоправительница, которую миссис Отис, по настоятельной просьбе леди Кентервиль, оставила в прежней должности. Она низко присела перед каждым из членов семьи и

церемонно, по-старинному, промолвила:

– Добро пожаловать в замок Кентервилей!

Они вошли вслед за нею в дом и, миновав настоящий тюдоровский холл, очутились в библиотеке – длинной и низкой комнате, обшитой чёрным дубом, с большим витражом против двери. Здесь уже всё было приготовлено к чаю. Они сняли плащи и шали и, усевшись за стол, принялись, пока миссис Амни разливала чай, разглядывать комнату.

Вдруг миссис Отис заметила потемневшее от времени красное пятно на полу, возле камина и, не понимая, откуда оно взялось, спросила миссис Амни:

– Наверно, здесь что-то пролили?

– Да, сударыня, – ответила старая экономка шёпотом, – здесь пролилась кровь.

– Какой ужас! – воскликнула миссис Отис. – Я не желаю, чтобы у меня в гостиной были кровавые пятна. Пусть его сейчас же смоют!

Старушка улыбнулась и ответила тем же таинственным шёпотом:

– Вы видите кровь леди Элеоноры Кентервиль, убиенной на этом самом месте в тысяча пятьсот семьдесят пятом году супругом своим сэром Симоном де Кентервиль. Сэр Симон пережил её на девять лет и потом вдруг исчез при весьма загадочных обстоятельствах. Тело его так и не нашли, но грешный дух его доныне бродит по замку. Туристы и прочие посетители замка с неизменным восхищением осматривают это вечное, несмываемое пятно.

– Что за глупости! – воскликнул Вашингтон Отис. – Непревзойдённый Пятновыводитель и Образцовый Очиститель Пинкертона уничтожит его в одну минуту.

И не успела испуганная экономка помешать ему, как он, опустившись на колени, принялся тереть пол маленькой чёрной палочкой, похожей на губную помаду. Меньше чем в минуту от пятна и следа не осталось.

– «Пинкертон» не подведёт! – воскликнул он, обернувшись с торжеством к восхищённому семейству. Но не успел он это досказать, как яркая вспышка молнии озарила полутёмную комнату, оглушительный раскат грома заставил всех вскочить на ноги, а миссис Амни лишилась чувств.

– Какой отвратительный климат, – спокойно заметил американский посол, закуривая длинную сигару с обрезанным концом. – Наша страна-прародительница до того перенаселена, что даже приличной погоды на всех не хватает. Я всегда считал, что эмиграция – единственное спасение для Англии.

– Дорогой Хайрам, – сказала миссис Отис, – как быть, если она чуть что примется падать в обморок?

– Удержи у неё разок из жалованья, как за битьё посуды, – ответил посол, – и ей больше не захочется.

И правда, через две-три секунды миссис Амни вернулась к жизни. Впрочем, как нетрудно было заметить, она не вполне ещё оправилась от пережитого потрясения и с торжественным видом объявила мистеру Отису, что его дому грозит беда.

– Сэр, – сказала она, – мне доводилось видеть такое, от чего у всякого христианина волосы встанут дыбом, и ужасы здешних мест много ночей не давали мне смежить век.

Но мистер Отис и его супруга заверили почтенную особу, что они не боятся привидений, и, призвав благословенье Божье на своих новых хозяев, а также намекнув, что неплохо бы прибавить ей жалованье, старая домоправительница нетвёрдыми шагами удалилась в свою комнату.

II

Всю ночь бушевала буря, но ничего особенного не случилось. Однако, когда на следующее утро семья сошла к завтраку, все снова увидели на полу ужасное кровавое пятно.

– В Образцовом Очистителе сомневаться не приходится, – сказал Вашингтон. – Я его на чём только не пробовал. Видно, здесь и в самом деле поработало привидение.

И он снова вывел пятно, а наутро оно появилось на прежнем месте. Оно было там и на третье утро, хотя накануне вечером мистер Отис, прежде чем уйти спать, самолично запер библиотеку и забрал с собою ключ. Теперь вся семья была занята привидениями. Мистер Отис стал подумывать, не проявил ли он догматизма[17], отрицая существование духов; миссис Отис высказала намеренье вступить в общество спиритов[18], а Вашингтон сочинил длинное письмо господам Майерсу и Подмору касательно долговечности кровавых пятен, порождённых преступлением. Но если и оставались у них какие-либо сомнения в реальности призраков, они в ту же ночь рассеялись навсегда.

День был жаркий и солнечный, и с наступлением вечерней прохлады семейство отправилось на прогулку. Они вернулись домой лишь к девяти часам и сели за лёгкий ужин. О привидениях даже речи не заходило, так что все присутствующие отнюдь не были в том состоянии повышенной восприимчивости, которое так часто предшествует материализации духов. Говорили, как потом мне рассказал мистер Отис, о чём всегда

говорят просвещённые американцы из высшего общества: о бесспорном превосходстве мисс Фанни Давенпорт как актрисы над Сарой Бернар; о том, что даже в лучших английских домах не подают кукурузы, гречневых лепёшек и мамалыги; о значении Бостона для формирования мировой души; о преимуществах билетной системы для провоза багажа по железной дороге; о приятной мягкости нью-йоркского произношения по сравнению с тягучим лондонским выговором. Ни о чём сверхъестественном речь не шла, а о сэре Симоне де Кентервиле никто даже не заикнулся. В одиннадцать вечера семья удалилась на покой, и полчаса спустя в доме погасили свет. Очень скоро, впрочем, мистер Отис проснулся от непонятных звуков в коридоре у него за дверью. Ему почудилось, что он слышит – с каждой минутой всё отчётливей – скрежет металла. Он встал, чиркнул спичкой и взглянул на часы. Был ровно час ночи. Мистер Отис оставался совершенно невозмутимым и пощупал свой пульс, ритмичный, как всегда. Странные звуки не умолкали, и мистер Отис теперь уже явственно различал звук шагов. Он сунул ноги в туфли, достал из несессера какой-то продолговатый флакончик и открыл дверь. Прямо перед ним в призрачном свете луны стоял старик ужасного вида. Глаза его горели, как раскалённые угли, длинные седые волосы патлами ниспадали на плечи, грязное платье старинного покроя было всё в лохмотьях, с рук его и ног, закованных в кандалы, свисали тяжёлые ржавые цепи.

– Сэр, – сказал мистер Отис, – я вынужден настоятельнейше просить вас смазывать впредь свои цепи. С этой целью захватил для вас пузырёк машинного масла «Восходящее солнце демократической партии». Желаемый эффект после первого же употребления. Последнее подтверждают наши известнейшие священнослужители, в чём вы можете самолично удостовериться, ознакомившись с этикеткой. Я оставлю бутылочку на столике около канделябра и почту за честь снабжать вас вышеозначенным средством по мере надобности.

С этими словами посол Соединённых Штатов поставил флакон на мраморный столик и, закрыв за собой дверь, улёгся в постель.

Кентервильское привидение так и замерло от возмущения. Затем, хватив в гневе бутылку о паркет, оно ринулось по коридору, излучая зловещее зелёное сияние и глухо стеная. Но едва оно ступило на верхнюю площадку широкой дубовой лестницы, как из распахнувшейся двери выскочили две белые фигурки, и огромная подушка просвистела у него над головой. Времени терять не приходилось, и, прибегнув спасения ради к четвёртому измерению, дух скрылся в деревянной панели стены.

В доме всё стихло.

Добравшись до потайной каморки в левом крыле замка, привидение прислонилось к лунному лучу и, немного отдышавшись, начало обдумывать своё положение. Ни разу за всю его славную и безупречную трёхсотлетнюю службу его так не оскорбляли. Дух вспомнил о вдовствующей герцогине, которую насмерть напугал, когда она смотрелась в зеркало, вся в кружевах и бриллиантах; о четырёх горничных, с которыми случилась истерика, когда он всего-навсего улыбнулся им из-за портьеры в спальне для гостей; о приходском священнике, который до сих пор лечится у сэра Уильяма Галла от нервного расстройства, потому что однажды вечером, когда он выходил из библиотеки, кто-то задул у него свечу; о старой мадам де Тремуйяк, которая, проснувшись как-то на рассвете и увидав, что в кресле у камина сидит скелет и читает её дневник, слегла на шесть недель с воспалением мозга, примирилась с церковью и решительно порвала с известным скептиком мосье де Вольтером. Он вспомнил страшную ночь, когда злокозненного лорда Кентервиля нашли задыхающимся в гардеробной с бубновым валетом в горле. Умирая, старик сознался, что с помощью этой карты он обыграл у Крокфорда Чарлза Джеймса Фокса на пятьдесят тысяч фунтов и что эту карту ему засунуло в глотку кентервильское привидение. Он припомнил каждую из жертв своих великих деяний, начиная с дворецкого, который застрелился, едва зелёная рука постучалась в окно буфетной, и кончая прекрасной леди Статфилд, которая вынуждена была всегда носить на шее чёрную бархатку, чтобы скрыть отпечатки пяти пальцев, оставшиеся на её белоснежной коже. Она потом утопилась в пруду, знаменитом своими карпами, в конце Королевской аллеи. Охваченный тем чувством самоупоения, какое ведомо всякому истинному художнику, он перебирал в уме свои лучшие роли, и горькая улыбка кривила его губы, когда он вспоминал последнее своё выступление в качестве Красного Рабена, или Младенца-удавленника, свой дебют в роли Джибона Кожа да Кости, или Кровопийцы с Бекслейской Топи; припомнил и то, как потряс зрителей всего-навсего тем, что приятным июньским вечером поиграл в кегли своими костями на площадке для лаун-тенниса.

И после всего этого заявляются в замок эти мерзкие нынешние американцы, навязывают ему машинное масло и швыряют в него подушками! Такое терпеть нельзя! История не знала примера, чтоб так обходились с привидением. И он замыслил месть и до рассвета остался недвижим, погружённый в раздумье.

III

На следующее утро, за завтраком, Отисы довольно долго говорили о привидении. Посол Соединённых Штатов был немного задет тем, что подарок его отвергли.

– Я не собираюсь обижать привидение, – сказал он, – и я не могу в данной связи умолчать о том, что крайне невежливо швырять подушками в того, кто столько лет обитал в этом доме. – К сожалению, приходится добавить, что это абсолютно справедливое замечание близнецы встретили громким хохотом. – Тем не менее, – продолжал посол, – если дух проявит упорство и не пожелает воспользоваться машинным маслом «Восходящее солнце демократической партии», придётся расковать его. Невозможно спать, когда так шумят у тебя под дверью.

Впрочем, до конца недели их больше не потревожили, только кровавое пятно в библиотеке каждое утро вновь появлялось на всеобщее обозрение. Объяснить это было непросто, ибо дверь с вечера запирал сам мистер Отис, а окна закрывались ставнями с крепкими засовами. Хамелеоноподобная природа пятна тоже требовала объяснения. Иногда оно было тёмно-красного цвета, иногда киноварного, иногда пурпурного, а однажды, когда они сошли вниз для семейной молитвы по упрощённому ритуалу Свободной американской реформированной епископальной церкви, пятно оказалось изумрудно-зелёным. Эти калейдоскопические перемены, разумеется, очень забавляли семейство, и каждый вечер заключались пари в ожидании утра. Только маленькая Вирджиния не участвовала в этих забавах: она почему-то всякий раз огорчалась при виде кровавого пятна, а в тот день, когда оно стало зелёным, чуть не расплакалась.

Второй выход духа состоялся в ночь на понедельник. Семья только улеглась, как вдруг послышался страшный грохот в холле. Когда перепуганные обитатели замка сбежали вниз, они увидели, что на полу валяются большие рыцарские доспехи, упавшие с пьедестала, а в кресле с высокой спинкой сидит кентервильское привидение и, морщась от боли, потирает себе колени. Близнецы с меткостью, которая приобретается лишь долгими и упорными упражнениями на особе учителя чистописания, тотчас же выпустили в него по заряду из своих рогаток, а посол Соединённых Штатов прицелился из револьвера и, по калифорнийскому обычаю, скомандовал «руки вверх!». Дух вскочил с бешеным воплем и туманом пронесся меж них, потушив у Вашингтона свечу и оставив всех во тьме кромёшной. На верхней площадке он немного отдышался и решил разразиться своим знаменитым дьявольским хохотом, который не раз

приносил ему успех. Говорят, от него за ночь поседел парик лорда Рейкера, и этот хохот, несомненно, был причиной того, что три французских гувернантки леди Кентервиль заявили об уходе, не прослужив в доме и месяца. И он разразился самым своим ужасным хохотом, так что отдались звонким эхом старые своды замка. Но едва смолкло страшное эхо, как растворилась дверь, и к нему вышла миссис Отис в бледно-голубом капоте.

– Боюсь, вы расхворались, – сказала она. – Я принесла вам микстуру доктора Добелла. Если вы страдаете несварением желудка, она вам поможет.

Дух метнул на неё яростный взгляд и приготовился обернуться чёрной собакой – талант, который принёс ему заслуженную славу и воздействием коего домашний врач объяснил неизлечимое слабоумие дяди лорда Кентервиля, достопочтенного Томаса Хортона. Но звук приближающихся шагов заставил его отказаться от этого намерения. Он удовольствовался тем, что стал слабо фосфоресцировать, и в тот момент, когда его уже настигли близнецы, успел, исчезая, испустить тяжёлый кладбищенский стон.

Добравшись до своего убежища, он окончательно потерял самообладание и впал в жесточайшую тоску. Невоспитанность близнецов и грубый материализм миссис Отис крайне его шокировали; но больше всего его огорчило то, что ему не удалось облечься в доспехи. Он полагал, что даже нынешние американцы почувствуют робость, узрев привидение в доспехах, – ну хотя бы из уважения к своему национальному поэту Лонгфелло, над изящной и усладительной поэзией которого он просиживал часами, когда Кентервили переезжали в город. К тому же это были его собственные доспехи. Он очень мило выглядел в них на турнире в Кенильворте и удостоился тогда чрезвычайно лестной похвалы от самой королевы-девственницы. Но теперь массивный нагрудник и стальной шлем оказались слишком тяжелы для него, и, надев доспехи, он рухнул на каменный пол, разбив колени и пальцы правой руки.

Он не на шутку занемог и несколько дней не выходил из комнаты, – разве что ночью, для поддержания в должном порядке кровавого пятна. Но благодаря умелому самоврачеванию он скоро поправился и решил, что в третий раз попробует напугать посла и его домочадцев. Он наметил себе пятницу семнадцатого августа и в канун этого дня допоздна перебирал свой гардероб, остановив наконец выбор на высокой широкополой шляпе с красным пером, саване с рюшками у ворота и на рукавах и заржавленном кинжале. К вечеру начался ливень, и ветер так бушевал, что все окна и двери старого дома ходили ходуном. Впрочем, подобная

погода была как раз по нём. План его был таков: первым делом он тихонько проберётся в комнату Вашингтона Отиса и постоит у него в ногах, бормоча себе что-то под нос, а потом под звуки заунывной музыки трижды пронзит себе горло кинжалом. К Вашингтону он испытывал особую неприязнь, так как прекрасно знал, что именно он взял в обычай стирать знаменитое Кентервильское Кровавое Пятно Образцовым Пинкертоновским Очистителем. Доведя этого безрассудного и непочтительного юнца до полной прострации, он проследует затем в супружескую опочивальню посла Соединённых Штатов и возложит покрытую холодным потом руку на лоб миссис Отис, нашептывая тем временем её трепещущему мужу страшные тайны склепа. Насчёт маленькой Вирджинии он пока ничего определённого не придумал. Она ни разу его не обидела и была красивой и доброй девочкой. Здесь можно обойтись несколькими глухими стонами из шкафа, а если она не проснётся, он подергает дрожащими скрюченными пальцами её одеяло. А вот близнецов он проучит как следует. Перво-наперво он усядется им на грудь, чтобы они заметались от привидевшихся кошмаров, а потом, поскольку их кровати стоят почти рядом, застынет между ними в образе холодного, позеленевшего трупа и будет так стоять, пока они не помертвеют от страха. Тогда он сбросит саван и, обнажив свои белые кости, примется расхаживать по комнате, вращая одним глазом, как полагается в роли Безгласого Даниила, или Скелета-самоубийцы. Это была очень сильная роль, ничуть не слабее его знаменитого Безумного Мартина, или Сокрытой Тайны, и она не раз производила сильное впечатление на зрителей.

В половине одиннадцатого он догадался по звукам, что вся семья отправилась на покой. Ему ещё долго мешали дикие взрывы хохота, – очевидно, близнецы с беспечностью школьников резвились перед тем, как отойти ко сну, – но в четверть двенадцатого в доме воцарилась тишина, и, только пробило полночь, он вышел на дело. Совы бились о стёкла, ворон каркал на старом тисовом дереве, и ветер блуждал, стеная, словно неприкаянная душа, вокруг старого дома. Но Отисы спокойно спали, не подозревая ни о чём, и храп посла заглушал дождь и бурю. Дух со злобной усмешкой на сморщенных устах осторожно вышел из панели. Луна сокрыла свой лик за тучей, когда он крался мимо окна эркера, на котором золотом и лазурью были выведены его герб и герб убитой им жены. Всё дальше скользил он зловещей тенью; мгла ночная и та, казалось, взирала на него с отвращением.

Вдруг ему почудилось, что кто-то окликнул его, и он замер на месте, но это только собака залаяла на Красной ферме. И он

продолжал свой путь, бормоча никому теперь не понятные ругательства XVI века и размахивая в воздухе заржавленным кинжалом. Наконец он добрался до поворота, откуда начинался коридор, ведущий в комнату злосчастного Вашингтона. Здесь он переждал немного. Ветер развевал его седые космы и свёртывал в неописуемо ужасные складки его могильный саван. Пробило четверть, и он почувствовал, что время настало. Он самодовольно хихикнул и повернул за угол; но едва он ступил шаг, как отшатнулся с жалостным воплем и закрыл побледневшее лицо длинными костлявыми руками. Прямо перед ним стоял страшный призрак, недвижный, точно изваяние, чудовищный, словно бред безумца. Голова у него была лысая, гладкая, лицо толстое, мертвенно-бледное; гнусный смех свёл черты его в вечную улыбку. Из глаз его струились лучи алого света, рот был как широкий огненный колодец, а безобразная одежда, так похожая на его собственную, белоснежным саваном окутывала могучую фигуру. На груди у призрака висела доска с непонятной надписью, начертанной старинными буквами. О страшном позоре, должно быть, вещала она, о грязных пороках, о диких злодействах. В поднятой правой руке его был зажат меч из блестящей стали.

Никогда доселе не видав привидений, дух Кентервиля, само собой разумеется, ужасно перепугался и, взглянув ещё раз краешком глаза на страшный призрак, кинулся восвояси. Он бежал, не чуя под собою ног, путаясь в складках савана, а заржавленный кинжал уронил по дороге в башмак посла, где его поутру нашёл дворецкий. Добравшись до своей комнаты и почувствовав себя в безопасности, дух бросился на свое жёсткое ложе и спрятал голову под одеяло. Но скоро в нём проснулась былая кентервильская отвага, и он решил, как только рассветёт, пойти и заговорить с другим привидением. И едва заря окрасила холмы серебром, он вернулся туда, где встретил ужасный призрак. Он понимал, что, в конце концов, чем больше привидений, тем лучше, и надеялся с помощью нового сотоварища управиться с близнецами. Но когда он очутился на прежнем месте, страшное зрелище открылось его взору. Видно, что-то недоброе стряслось с призраком. Свет потух в его пустых глазницах, блестящий меч выпал у него из рук, и весь он как-то неловко и неестественно опирался о стену. Дух Кентервиля подбежал к нему, обхватил его руками, как вдруг – о, ужас! – голова покатилась по полу, туловище переломилось пополам, и он увидел, что держит в объятиях кусок белого полога, а у ног его валяются метла, кухонный нож и пустая тыква. Не зная, чем объяснить это странное превращение, он дрожащими руками

поднял доску с надписью и при сером утреннем свете разобрал такие страшные слова:

Дух фирмы Отис.
Единственный подлинный
и оригинальный призрак!
Остерегайтесь подделок!
Все остальные – не настоящие!

Ему стало всё ясно. Его обманули, перехитрили, провели! Глаза его зажглись прежним кентервильским огнём: он заскрежетал беззубыми дёснами и, воздев к небу измождённые руки, поклялся, следуя лучшим образцам старинной стилистики, что не успеет Шантеклер[19] дважды протрубить в свой рог, как свершатся кровавые дела и убийство неслышным шагом пройдёт по этому дому.

Едва он произнёс эту страшную клятву, как вдалеке с красной черепичной крыши прокричал петух. Дух залился долгим, глухим и злым смехом и стал ждать. Много часов прождал он, но петух почему-то больше не запел. Наконец около половины восьмого шаги горничных вывели его из оцепенения, и он вернулся к себе в комнату, горюя о несбывшихся планах и напрасных надеждах. Там, у себя, он просмотрел несколько самых своих любимых книг о старинном рыцарстве и узнал из них, что всякий раз, когда произносилась эта клятва, петух пел дважды.

– Да сгубит смерть бессовестную птицу! – забормотал он. – Настанет день, когда моё копьё в твою вонзится трепетную глотку и я услышу твой предсмертный хрип.

Потом он улёгся в удобный свинцовый гроб и оставался там до темноты.

IV

Наутро дух чувствовал себя совсем разбитым. Начинало сказываться огромное напряжение целого месяца. Его нервы были вконец расшатаны, он вздрагивал от малейшего шороха. Пять дней он не выходил из комнаты и наконец махнул рукой на кровавое пятно. Если оно не нужно Отисам, значит, они недостойны его. Очевидно, они жалкие материалисты, совершенно неспособные оценить символический смысл сверхчувственных явлений. Вопрос о небесных знамениях и о фазах астральных тел был, конечно, особой областью и, по правде говоря, находился вне его компетенции. Но его священной обязанностью было появляться еженедельно в коридоре, а в

первую и третью среду каждого месяца усаживаться у окна, что выходит эркером в парк, и бормотать всякий вздор, и он не видел возможности без урона для своей чести отказаться от этих обязанностей. И хотя земную свою жизнь он прожил безнравственно, он проявлял крайнюю добропорядочность во всём, что касалось мира потустороннего. Поэтому следующие три субботы он, по обыкновению, от полуночи до трёх прогуливался по коридору, всячески заботясь о том, чтобы его не услышали и не увидели. Он ходил без сапог, стараясь как можно легче ступать по источённому червями полу; надевал широкий чёрный бархатный плащ и никогда не забывал тщательнейшим образом протереть свои цепи машинным маслом «Восходящее солнце демократической партии». Ему, надо сказать, нелегко было прибегнуть к этому последнему средству безопасности. И все же как-то вечером, когда семья сидела за обедом, он пробрался в комнату к мистеру Отису и стащил бутылочку машинного масла. Правда, он чувствовал себя немного униженным, но только поначалу. В конце концов благоразумие взяло верх, и он признался себе, что изобретение это имеет свои достоинства и в некотором отношении может сослужить ему службу. Но как ни был он осторожен, его не оставляли в покое. То и дело он спотыкался в темноте о верёвки, натянутые поперёк коридора, а однажды, одетый для роли Чёрного Исаака, или Охотника из Хоглейских лесов, он поскользнулся и сильно расшибся, потому что близнецы натерли маслом пол от входа в гобеленовую залу до верхней площадки дубовой лестницы. Это так разозлило его, что он решил в последний раз стать на защиту своего попранного достоинства и своих прав и явиться в следующую ночь дерзким воспитанникам Итона в знаменитой роли Отважного Рупера, или Безголового Графа.

Он не выступал в этой роли более семидесяти лет, с тех пор как до того напугал прелестную леди Барбару Модиш, что она отказала своему жениху, деду нынешнего лорда Кентервиля, и убежала в Гретна-Грин с красавцем Джеком Каслтоном, она заявила при этом, что ни за что на свете не войдёт в семью, где считают позволительным, чтоб такие ужасные призраки разгуливали в сумерки по террасе. Бедный Джек вскоре погиб на Вондсвортском лугу от пули лорда Кентервиля, а сердце леди Барбары было разбито, и она меньше чем через год умерла в Танбридж-Уэллс, – так что это выступление в любом смысле имело огромный успех. Однако для этой роли требовался очень сложный грим, – если допустимо воспользоваться театральным термином применительно к одной из глубочайших тайн мира сверхъестественного, или, по-научному, «естественного мира

высшего порядка», – и он потратил добрых три часа на приготовления. Наконец всё было готово, и он остался очень доволен своим видом. Большие кожаные ботфорты, которые полагались к этому костюму, были ему, правда, немного велики, и один из седельных пистолетов куда-то запропастился, но в целом, как ему казалось, он приоделся на славу. Ровно в четверть второго он выскользнул из панели и прокрался по коридору. Добравшись до комнаты близнецов (она, кстати сказать, называлась «Голубой спальней», по цвету обоев и портьер), он заметил, что дверь немного приоткрыта. Желая как можно эффектнее обставить свой выход, он широко распахнул её… и на него опрокинулся огромный кувшин с водой, который пролетел на вершок от его левого плеча, промочив его до нитки. В ту же минуту он услышал взрывы хохота из-под балдахина широкой постели.

Нервы его не выдержали. Он кинулся со всех ног в свою комнату и на другой день слёг от простуды. Хорошо ещё, что он выходил без головы, а то не обошлось бы без серьёзных осложнений. Только это его и утешало.

Теперь он оставил всякую надежду запугать этих грубиянов американцев и большей частью довольствовался тем, что бродил по коридору в войлочных туфлях, замотав шею толстым красным шарфом, чтобы не простыть, и с маленькой аркебузой[20] в руках на случай нападения близнецов. Последний удар был нанесён ему девятнадцатого сентября. В этот день он спустился в холл, где, как он знал, его никто не потревожит, и про себя поиздевался над сделанными у Сарони большими фотографиями посла Соединённых Штатов и его супруги, заменившими фамильные портреты Кентервилей. Одет он был просто, но аккуратно, в длинный саван, кое-где попорченный могильной плесенью. Нижняя челюсть его была подвязана желтой косынкой, а в руке он держал фонарь и заступ, какими пользуются могильщики. Собственно говоря, он был одет для роли Ионы Непогребённого, или Похитителя Трупов с Чертсейского Гумна, одного из своих лучших созданий. Эту роль прекрасно помнили все Кентервили, и не без причины, ибо как раз из-за этого они поругались тогда со своим соседом лордом Раффордом. Было уже около четверти третьего, и сколько он ни прислушивался, не слышно было ни шороха. Но когда он стал потихоньку пробираться к библиотеке, чтобы взглянуть, что осталось от кровавого пятна, из тёмного угла внезапно выскочили две фигурки, исступлённо замахали руками над головой и завопили ему в самое ухо: «У-у-у!»

Охваченный паническим страхом, вполне естественным в данных обстоятельствах, он кинулся к лестнице, но там его

подкарауливал Вашингтон с большим садовым опрыскивателем; окружённый со всех сторон врагами и буквально припёртый к стенке, он юркнул в большую железную печь, которая, к счастью, не была затоплена, и по трубам пробрался в свою комнату – грязный, растерзанный, исполненный отчаяния.

Больше он не предпринимал ночных вылазок. Близнецы несколько раз устраивали на него засады и каждый вечер, к великому неудовольствию родителей и прислуги, посыпали пол в коридоре ореховой скорлупой, но всё безрезультатно. Дух, по-видимому, счёл себя настолько обиженным, что не желал больше выходить к обитателям дома. Поэтому мистер Отис снова уселся за свой труд по истории демократической партии, над которым работал уже много лет; миссис Отис организовала великолепный, поразивший всё графство пикник на морском берегу, – все кушанья были приготовлены из моллюсков; мальчики увлекались лакроссом, покером, юкером и другими американскими национальными играми. А Вирджиния каталась по аллеям на своём пони с молодым герцогом Чеширским, проводившим в Кентервильском замке последнюю неделю своих каникул. Все решили, что привидение от них съехало, и мистер Отис известил об этом в письменной форме лорда Кентервиля, который в ответном письме выразил по сему поводу свою радость и поздравил достойную супругу посла.

Но Отисы ошиблись. Привидение не покинуло их дом и, хотя было теперь почти инвалидом, всё же не думало оставлять их в покое, – особенно с тех пор, как ему стало известно, что среди гостей находится молодой герцог Чеширский, двоюродный внук того самого лорда Фрэнсиса Стилтона, который поспорил однажды на сто гиней с полковником Карбери, что сыграет в кости с духом Кентервиля; поутру лорда Стилтона нашли на полу ломберной разбитого параличом, и, хотя он дожил до преклонных лет, он мог произнести лишь два слова: «шестёрка дубль». Эта история в своё время очень нашумела, хотя из уважения к чувствам обеих благородных семей её всячески старались замять. Подробности её можно найти в третьем томе сочинения лорда Тэттла «Воспоминания о принце-регенте и его друзьях». Духу, естественно, хотелось доказать, что он не утратил прежнего влияния на Стилтонов, с которыми к тому же состоял в дальнем родстве: его кузина была замужем en secondes noces[21] за монсеньором де Балкли, а от него, как всем известно, ведут свой род герцоги Чеширские.

Он даже начал работать над возобновлением своей знаменитой роли Монах-вампир, или Бескровный Бенедиктинец, в которой решил предстать перед юным поклонником

Вирджинии. Он был так страшен в этой роли, что, когда его однажды, в роковой вечер под новый, 1764 год увидела старая леди Стартап, она издала несколько истошных криков и с ней случился удар. Через три дня она скончалась, лишив Кентервилей, своих ближайших родственников, наследства и оставив всё своему лондонскому аптекарю.

Но в последнюю минуту страх перед близнецами помешал привидению покинуть свою комнату, и маленький герцог спокойно проспал до утра под большим балдахином с плюмажами в королевской опочивальне. Во сне он видел Вирджинию.

V

Несколько дней спустя Вирджиния и её златокудрый кавалер поехали кататься верхом на Броклейские луга, и она, пробираясь сквозь живую изгородь, так изорвала свою амазонку, что, вернувшись домой, решила потихоньку от всех подняться к себе по чёрной лестнице. Когда она пробегала мимо гобеленовой залы, дверь которой была чуточку приоткрыта, ей показалось, что в комнате кто-то есть, и, полагая, что это камеристка её матери, иногда сидевшая здесь с шитьём, она собралась было попросить её зашить платье. К несказанному её удивлению, это оказался сам кентервильский дух! Он сидел у окна и следил взором, как облетает под ветром непрочная позолота с пожелтевших деревьев и как в бешеной пляске мчатся по длинной аллее красные листья. Голову он уронил на руки, и вся поза его выражала безнадёжное отчаянье. Таким одиноким, таким дряхлым показался он маленькой Вирджинии, что она, хоть и подумала сперва убежать и запереться у себя, пожалела его и захотела утешить. Шаги её были так легки, а грусть его до того глубока, что он не заметил ее присутствия, пока она не заговорила с ним.

– Мне очень жаль вас, – сказала она. – Но завтра мои братья возвращаются в Итон, и тогда, если вы будете хорошо себя вести, вас никто больше не обидит.

– Глупо просить меня, чтобы я хорошо вёл себя, – ответил он, с удивлением разглядывая хорошенькую девочку, которая решилась заговорить с ним, – просто глупо! Мне положено греметь цепями, стонать в замочные скважины и разгуливать по ночам – если ты про это. Но в этом же весь смысл моего существования!

– Никакого смысла тут нет, и вы сами знаете, что были скверный. Миссис Амни рассказала нам ещё в первый день после

нашего приезда, что вы убили жену.

– Допустим, – сварливо ответил дух, – но это дела семейные и никого не касаются.

– Убивать вообще нехорошо, – сказала Вирджиния, которая иной раз проявляла милую пуританскую нетерпимость, унаследованную ею от какого-то предка из Новой Англии[22].

– Терпеть не могу ваш дешёвый, беспредметный ригоризм[23]! Моя жена была очень дурна собой, ни разу не сумела прилично накрахмалить мне брыжи[24] и ничего не смыслила в стряпне. Ну хотя бы такое: однажды я убил в Хоглейском лесу оленя, великолепного самца-одногодка, – как ты думаешь, что нам из него приготовили? Да что теперь толковать – дело прошлое! И всё же, хоть я и убил жену, по-моему, не очень любезно было со стороны моих шуринов заморить меня голодом.

– Они заморили вас голодом? О господин дух, то есть, я хотела сказать, сэр Симон, вы, наверно, голодный? У меня в сумке есть бутерброд. Вот, пожалуйста!

– Нет, спасибо. Я давно ничего не ем. Но всё же ты очень добра, и вообще ты гораздо лучше всей своей противной, невоспитанной, вульгарной и бесчестной семьи.

– Не смейте так говорить! – крикнула Вирджиния, топнув ножкой. – Сами вы противный, невоспитанный, гадкий и вульгарный, а что до честности, так вы сами знаете, кто таскал у меня из ящика краски, чтобы рисовать это дурацкое пятно. Сперва вы забрали все красные краски, даже киноварь, и я не могла больше рисовать закаты, потом взяли изумрудную зелень и жёлтый хром; и напоследок у меня остались только индиго и белила, и мне пришлось рисовать только лунные пейзажи, а это навевает тоску, да и рисовать очень трудно. Я никому не сказала, хоть и сердилась. И вообще всё это просто смешно: ну где видали вы кровь изумрудного цвета?

– А что мне оставалось делать? – сказал дух, уже не пытаясь спорить. – Теперь непросто достать настоящую кровь, и поскольку твой братец пустил в ход свой Образцовый Очиститель, я счёл возможным воспользоваться твоими красками. А цвет, знаешь ли, кому какой нравится. У Кентервилей, к примеру, кровь голубая, самая голубая во всей Англии. Впрочем, вас, американцев, такого рода вещи не интересуют.

– Ничего вы не понимаете. Поехали бы лучше в Америку, да подучились немного. Папа с радостью устроит вам бесплатный билет, и, хотя на спиртное и, наверно, на спиритическое пошлина очень высокая, вас на таможне пропустят без всяких. Все чиновники там – демократы. А в Нью-Йорке вас ждёт колоссальный успех. Я знаю многих людей, которые дали бы сто

тысяч долларов за обыкновенного деда, а за семейное привидение – и того больше.

– Боюсь, мне не понравится ваша Америка.

– Потому что там нет ничего допотопного или диковинного? – съязвила Вирджиния.

– Ничего допотопного? А ваш флот? Ничего диковинного? А ваши нравы?

– Прощайте! Пойду попрошу папу, чтобы он оставил близнецов дома ещё на недельку.

– Не покидайте меня, мисс Вирджиния! – воскликнул дух. – Я так одинок, так несчастен! Право, я не знаю, как мне быть. Мне хочется уснуть, а я не могу.

– Что за глупости! Для этого надо только улечься в постель и задуть свечу. Не уснуть куда труднее, особенно в церкви. А уснуть совсем просто. Это и грудной младенец сумеет.

– Триста лет я не ведал сна, – печально промолвил дух, и прекрасные голубые глаза Вирджинии широко раскрылись от удивления. – Триста лет я не спал, я так истомился душой!

Вирджиния сделалась очень печальной, и губки её задрожали, как лепестки розы. Она подошла к нему, опустилась на колени и заглянула в его старое, морщинистое лицо.

– Бедный мой призрак, – прошептала она, – разве негде тебе лечь и уснуть?

– Далеко-далеко, за сосновым бором, – ответил он тихим, мечтательным голосом, – есть маленький сад. Трава там густая и высокая, там белеют звёзды цикуты, и всю ночь там поёт соловей. Он поёт до рассвета, и холодная хрустальная луна глядит с вышины, а исполинское тисовое дерево простирает свои руки над спящими.

Глаза Вирджинии заволоклись слезами, и она спрятала лицо в ладони.

– Это Сад Смерти? – прошептала она.

– Да, Смерти. Смерть, должно быть, прекрасна. Лежишь в мягкой сырой земле, и над тобою колышутся травы, и слушаешь тишину. Как хорошо не знать ни вчера, ни завтра, забыть время, простить жизнь, изведать покой. В твоих силах помочь мне. Тебе легко отворить врата Смерти, ибо с тобой Любовь, а Любовь сильнее Смерти.

Вирджиния вздрогнула, точно её пронизал холод; воцарилось короткое молчание. Ей казалось, будто она видит страшный сон.

И опять заговорил дух, и голос его был как вздохи ветра.

– Ты читала древнее пророчество, начертанное на окне библиотеки?

– О, сколько раз! – воскликнула девочка, вскинув головку. – Я

его наизусть знаю. Оно написано такими странными чёрными буквами, что их сразу и не разберёшь. Там всего шесть строчек:

Когда заплачет, не шутя,
Здесь златокудрое дитя,
Молитва утолит печаль
И зацветёт в саду миндаль —
Тогда взликует этот дом,
И дух уснёт, живущий в нём[25].

Только я не понимаю, что всё это значит.

– Это значит, – печально промолвил дух, – что ты должна оплакать мои прегрешения, ибо у меня самого нет слёз, и помолиться за мою душу, ибо нет у меня веры. И тогда, если ты всегда была доброй, любящей и нежной, Ангел Смерти смилуется надо мной. Страшные чудовища явятся тебе в ночи и станут нашептывать злые слова, но они не сумеют причинить тебе вред, потому что вся злокозненность ада бессильна пред чистотою ребёнка.

Вирджиния не отвечала, и, видя, как низко склонила она свою златокудрую головку, дух принялся в отчаянии ломать руки. Вдруг девочка встала. Она была бледна, и глаза её светились удивительным огнём.

– Я не боюсь, – сказала она решительно. – Я попрошу Ангела помиловать вас.

Едва слышно вскрикнув от радости, он поднялся на ноги, взял её руку и, наклонившись со старомодной грацией, поднёс к губам. Пальцы его были холодны как лёд, губы жгли как огонь, но Вирджиния не дрогнула и не отступила, и он повёл её через полутёмную залу. Маленькие охотники на поблёкших зелёных гобеленах трубили в свои украшенные кистями рога и махали крошечными ручками, чтоб она вернулась назад. «Вернись, маленькая Вирджиния! – кричали они. – Вернись!»

Но дух крепче сжал её руку, и она закрыла глаза. Пучеглазые чудовища с хвостами ящериц, высеченные на камине, смотрели на неё и шептали: «Берегись, маленькая Вирджиния, берегись! Что, если мы больше не увидим тебя?» Но дух скользил вперёд всё быстрее, и Вирджиния не слушала их.

Когда они дошли до конца залы, он остановился и тихо произнёс несколько непонятных слов. Она открыла глаза и увидела, что стена растаяла, как туман, и за ней разверзлась чёрная пропасть. Налетел ледяной ветер, и она почувствовала, как кто-то потянул её за платье.

– Скорее, скорее! – крикнул дух. – Не то будет поздно.

И деревянная панель мгновенно сомкнулась за ними, и гобеленовый зал опустел.

VI

Когда минут через десять гонг зазвонил к чаю и Вирджиния не спустилась в библиотеку, миссис Отис послала за ней одного из лакеев. Вернувшись, он объявил, что не мог сыскать её. Вирджиния всегда выходила под вечер за цветами для обеденного стола, и поначалу у миссис Отис не возникло никаких опасений. Но когда пробило шесть, а Вирджинии всё не было, мать не на шутку встревожилась и велела мальчикам искать сестру в парке, а сама вместе с мистером Отисом обошла весь дом. В половине седьмого мальчики вернулись и сообщили, что не обнаружили никаких следов Вирджинии. Все были крайне встревожены и не знали, что предпринять, когда вдруг мистер Отис вспомнил, что позволил цыганскому табору остановиться у него в поместье. Он тотчас отправился со старшим сыном и двумя работниками в Блэкфелский лог, где, как он знал, стояли цыгане. Маленький герцог, страшно взволнованный, во что бы то ни стало хотел идти с ними, но мистер Отис боялся, что будет драка, и не взял его. Цыган на месте уже не было, и, судя по тому, что костер ещё теплился и на траве валялись кастрюли, они уехали в крайней спешке. Отправив Вашингтона и работников осмотреть окрестности, мистер Отис побежал домой и разослал телеграммы полицейским инспекторам по всему графству, прося разыскать маленькую девочку, похищенную бродягами или цыганами. Затем он велел подать коня и, заставив жену и мальчиков сесть за обед, поскакал с грумом[26] по дороге, ведущей в Аскот. Но не успели они отъехать и двух миль, как услышали за собой стук копыт. Оглянувшись, мистер Отис увидел, что его догоняет на своём пони маленький герцог, без шляпы, с раскрасневшимся от скачки лицом.

– Простите меня, мистер Отис, – сказал мальчик, переводя дух, – но я не могу обедать, пока не сыщется Вирджиния. Не сердитесь, но если б в прошлом году вы согласились на нашу помолвку, ничего подобного не случилось бы. Вы ведь не отошлёте меня, правда? Я не хочу домой и никуда не уеду!

Посол не сдержал улыбки при взгляде на этого милого ослушника. Его глубоко тронула преданность мальчика, и, нагнувшись с седла, он ласково потрепал его по плечу.

– Что ж, ничего не поделаешь, – сказал он, – коли вы не хотите вернуться, придётся взять вас с собой, только надо будет

купить вам в Аскоте шляпу.

– Не нужно мне шляпы! Мне нужна Вирджиния! – засмеялся маленький герцог, и они поскакали к железнодорожной станции.

Мистер Отис спросил начальника станции, не видел ли кто на платформе девочки, похожей по приметам на Вирджинию, но никто не мог сказать ничего определённого. Начальник станции все же протелеграфировал по линии и уверил мистера Отиса, что для розысков будут приняты все меры; купив маленькому герцогу шляпу в лавке, владелец которой уже закрывал ставни, посол поехал в деревню Бексли, что в четырёх милях от станции, где, как ему сообщили, был большой общинный выпас и часто собирались цыгане. Спутники мистера Отиса разбудили сельского полисмена, но ничего от него не добились и, объехав луг, повернули домой. До замка они добрались только часам к одиннадцати, усталые, разбитые, на грани отчаяния. У ворот их дожидались Вашингтон и близнецы с фонарями: в парке было уже темно. Они сообщили, что никаких следов Вирджинии не обнаружено. Цыган догнали на Броклейских лугах, но девочки с ними не было. Свой внезапный отъезд они объяснили тем, что боялись опоздать на Чертонскую ярмарку, так как перепутали день её открытия. Цыгане и сами встревожились, узнав об исчезновении девочки, и четверо из них остались помогать в розысках, поскольку они были очень признательны мистеру Отису за то, что он позволил им остановиться в поместье. Обыскали пруд, славившийся карпами, обшарили каждый уголок в замке, – всё напрасно. Было ясно, что по крайней мере в эту ночь Вирджинии с ними не будет. Мистер Отис и мальчики, опустив головы, пошли к дому, а грум вел за ними обоих лошадей и пони. В холле их встретило несколько измученных слуг, а в библиотеке на диване лежала миссис Отис, чуть не обезумевшая от страха и тревоги; старуха домоправительница смачивала ей виски одеколоном. Мистер Отис уговорил жену покушать и велел подать ужин. Это был грустный ужин. Все приуныли, и даже близнецы притихли и не баловались: они очень любили сестру.

После ужина мистер Отис, как ни упрашивал его маленький герцог, отправил всех спать, заявив, что ночью всё равно ничего не сделаешь, а утром он срочно вызовет по телеграфу сыщиков из Скотланд-Ярда. Когда они выходили из столовой, церковные часы как раз начали отбивать полночь, и при звуке последнего удара что-то вдруг затрещало и послышался громкий возглас. Оглушительный раскат грома сотряс дом, звуки неземной музыки полились в воздухе; и тут на верхней площадке лестницы с грохотом отвалился кусок панели, и, бледная как полотно, с маленькой шкатулкой в руках, из стены выступила Вирджиния.

В мгновение ока все были возле неё. Миссис Отис нежно обняла её, маленький герцог осыпал её пылкими поцелуями, а близнецы принялись кружиться вокруг в дикой воинственной пляске.

– Где ты была, дитя моё? – строго спросил мистер Отис: он думал, что она сыграла с ним какую-то злую шутку. – Мы с Сесилом объехали пол-Англии, разыскивая тебя, а мама чуть не умерла от страха. Никогда больше не шути так с нами.

– Дурачить можно только духа, только духа! – вопили близнецы, прыгая как безумные.

– Милая моя, родная, нашлась, слава Богу, – твердила миссис Отис, целуя дрожащую девочку и разглаживая её спутанные золотые локоны, – никогда больше не покидай меня.

– Папа, – сказала Вирджиния спокойно, – я провела весь вечер с духом. Он умер, и вы должны пойти взглянуть на него. Он был очень дурным при жизни, но раскаялся в своих грехах и подарил мне на память эту шкатулку с чудесными драгоценностями.

Все глядели на неё в немом изумлении, но она оставалась серьёзной и невозмутимой. И она повела их через отверстие в панели по узкому потайному коридорчику; Вашингтон со свечой, которую он прихватил со стола, замыкал процессию. Наконец они дошли до тяжёлой дубовой двери на больших петлях, утыканной ржавыми гвоздями. Вирджиния прикоснулась к двери, та распахнулась, и они очутились в низенькой каморке со сводчатым потолком и зарешечённым окошком. К огромному железному кольцу, вделанному в стену, был прикован цепью страшный скелет, распростёртый на каменном полу. Казалось, он хотел дотянуться своими длинными пальцами до старинного блюда и ковша, поставленных так, чтоб их нельзя было достать. Ковш, покрытый изнутри зеленой плесенью, был, очевидно, когда-то наполнен водой. На блюде осталась лишь горстка пыли. Вирджиния опустилась на колени возле скелета и, сложив свои маленькие ручки, начала тихо молиться; поражённые, созерцали они картину ужасной трагедии, тайна которой открылась им.

– Глядите! – воскликнул вдруг один из близнецов, глянув в окно, чтобы определить, в какой части замка находится каморка. – Глядите! Сухое миндальное дерево расцвело. Светит луна, и мне хорошо видны цветы.

– Бог простил его! – сказала Вирджиния, вставая, и лицо её словно озарилось лучезарным светом.

– Вы ангел! – воскликнул молодой герцог, обнимая и целуя её.

VII

Четыре дня спустя после этих удивительных событий, за час до полуночи, из Кентервильского замка тронулся траурный кортеж. Восемь чёрных коней везли катафалк, и у каждого на голове качался пышный страусовый султан; богатый пурпурный покров с вытканным золотом гербом Кентервилей был наброшен на свинцовый гроб, и слуги с факелами шли по обе стороны экипажей – процессия производила неизгладимое впечатление. Ближайший родственник усопшего лорд Кентервиль, специально прибывший на похороны из Уэльса, ехал вместе с маленькой Вирджинией в первой карете. Потом ехал посол Соединённых Штатов с супругой, за ними Вашингтон и три мальчика. В последней карете сидела миссис Амни – без слов было ясно, что, поскольку привидение пугало её больше пятидесяти лет, она имеет право проводить его до могилы. В углу погоста, под тисовым деревом, была вырыта огромная могила, и преподобный Огастес Дэмпир с большим чувством прочитал заупокойную молитву. Когда пастор умолк, слуги, по древнему обычаю рода Кентервилей, потушили свои факелы, а когда гроб стали опускать в могилу, Вирджиния подошла к нему и возложила на крышку большой крест, сплетённый из белых и розовых цветов миндаля. В этот миг луна тихо выплыла из-за тучи и залила серебром маленькое кладбище, а в отдалённой роще раздались соловьиные трели. Вирджиния вспомнила про Сад Смерти, о котором рассказывал дух. Глаза её наполнились слезами, и всю дорогу домой она едва проронила слово.

На следующее утро, когда лорд Кентервиль стал собираться обратно в Лондон, мистер Отис завёл с ним разговор о драгоценностях, подаренных Вирджинии привидением. Они были великолепны, особенно рубиновое ожерелье в венецианской оправе – редкостный образец работы XVI века; их ценность была так велика, что мистер Отис не считал возможным разрешить своей дочери принять их.

– Милорд, – указал он, – я знаю, что в вашей стране закон о «мертвой руке»[27] распространяется как на земельную собственность, так и на фамильные драгоценности, и у меня нет сомнения, что эти вещи принадлежат вашему роду или, во всяком случае, должны ему принадлежать. Посему я прошу вас забрать их с собой в Лондон и впредь рассматривать как часть вашего имущества, возвращённую вам при несколько необычных обстоятельствах. Что касается моей дочери, то она ещё ребёнок и пока, слава Богу, не слишком интересуется всякими дорогими безделушками. К тому же миссис Отис сообщила мне, – а она, должен сказать, провела в юности несколько зим в Бостоне и прекрасно разбирается в искусстве, – что за эти безделушки

можно выручить солидную сумму. По причине вышеизложенного, лорд Кентервиль, я, как вы понимаете, не могу согласиться, чтобы они перешли к кому-нибудь из членов моей семьи. Да и вообще вся эта бессмысленная мишура, необходимая для поддержания престижа британской аристократии, совершенно ни к чему тем, кто воспитан в строгих и, я бы сказал, непоколебимых принципах республиканской простоты. Не скрою, впрочем, что Вирджинии очень хотелось бы сохранить, с вашего позволения, шкатулку в память о вашем несчастном заблудшем предке. Вещь эта старая, ветхая, и вы, быть может, исполните её просьбу. Я же со своей стороны, признаться, крайне удивлён, что моя дочь проявляет такой интерес к Средневековью, и способен объяснить это лишь тем, что Вирджиния родилась в одном из пригородов Лондона, когда миссис Отис возвращалась из поездки в Афины.

Лорд Кентервиль с должным вниманием выслушал почтенного посла, лишь изредка принимаясь теребить седой ус, чтобы скрыть невольную улыбку. Когда мистер Отис кончил, лорд Кентервиль крепко пожал ему руку.

– Дорогой сэр, – сказал он, – ваша прелестная дочь немало сделала для моего злополучного предка, сэра Симона, и я, как и все мои родственники, весьма обязан ей за её редкую смелость и самоотверженность. Драгоценности принадлежат ей одной, и если бы я забрал их у неё, я проявил бы такое бессердечие, что этот старый грешник, самое позднее через две недели, вылез бы из могилы, дабы отравить мне остаток дней моих. Что же касается их принадлежности к майорату[28], то в него не входит вещь, не упомянутая в завещании или другом юридическом документе, а об этих драгоценностях нигде нет ни слова. Поверьте, у меня на них столько же прав, сколько у вашего дворецкого, и я не сомневаюсь, что, когда мисс Вирджиния подрастёт, она с удовольствием наденет эти украшения. К тому же вы забыли, мистер Отис, что купили замок с мебелью и привидением, а тем самым к вам отошло всё, что принадлежало привидению. И хотя сэр Симон проявлял по ночам большую активность, юридически он оставался мёртв, и вы законно унаследовали всё его состояние.

Мистер Отис был весьма огорчен отказом лорда Кентервиля и просил его ещё раз хорошенько всё обдумать, но добродушный пэр остался непоколебим и в конце концов уговорил посла оставить дочери драгоценности; когда же весной 1890 года молодая герцогиня Чеширская представлялась королеве по случаю своего бракосочетания, её драгоценности оказались предметом всеобщего внимания. Ибо Вирджиния получила герцогскую корону, которую получают в награду все

благонравные американские девочки. Она вышла замуж за своего юного поклонника, едва он достиг совершеннолетия, и они оба были так милы и так влюблены друг в друга, что все радовались их счастью, кроме старой маркизы Дамблтон, которая пыталась пристроить за герцога одну из своих семи незамужних дочек, для чего дала не менее трёх обедов, очень дорого ей стоивших. Как ни странно, но к недовольным поначалу примкнул и мистер Отис. При всей своей любви к молодому герцогу, он, по теоретическим соображениям, оставался врагом любых титулов и, как он заявлял, «опасался, что расслабляющее влияние приверженной наслаждениям аристократии может поколебать незыблемые принципы республиканской простоты». Но его скоро удалось уговорить, и когда он вёл свою дочь под руку к алтарю церкви Святого Георгия, что на Ганновер-сквер, то во всей Англии, мне кажется, не нашлось бы человека более гордого собой.

По окончании медового месяца герцог и герцогиня отправились в Кентервильский замок и на второй день пошли на заброшенное кладбище близ сосновой рощи. Долго не могли они придумать эпитафию для надгробия сэра Симона и под конец решили просто вытесать там его инициалы и стихи, начертанные на окне библиотеки. Герцогиня убрала могилу розами, которые принесла с собой, и, немного постояв над нею, они вошли в полуразрушенную старинную церковку. Герцогиня присела на упавшую колонну, а муж, расположившись у её ног, курил сигарету и глядел в её ясные глаза. Вдруг он отбросил сигарету, взял герцогиню за руку и сказал:

– Вирджиния, у жены не должно быть секретов от мужа.

– А у меня и нет от тебя никаких секретов, дорогой Сесил.

– Нет, есть, – ответил он с улыбкой. – Ты никогда не рассказывала мне, что случилось, когда вы заперлись вдвоём с привидением.

– Я никому этого не рассказывала, Сесил, – сказала Вирджиния серьёзно.

– Знаю, но мне ты могла бы рассказать.

– Не спрашивай меня об этом, Сесил, я правда не могу тебе рассказать. Бедный сэр Симон! Я стольким ему обязана! Нет, не смейся, Сесил, это в самом деле так. Он открыл мне, что такое Жизнь, и что такое Смерть, и почему Любовь сильнее Жизни и Смерти.

Герцог встал и нежно поцеловал свою жену.

– Пусть эта тайна остаётся твоей, лишь бы сердце твоё принадлежало мне, – шепнул он.

– Оно всегда было твоим, Сесил.

– Но ты ведь расскажешь когда-нибудь всё нашим детям?

Правда?

Вирджиния вспыхнула.

Вопросы и задания

▸**1.** Назовите всех героев рассказа и определите их роль в его сюжете.

2. О чём идёт спор у бывшего и будущего хозяев замка Кентервилей?

3. Как происходит первая встреча новых хозяев замка с враждебным привидением?

4. Опишите все столкновения новых хозяев с возмущённым привидением.

5. Определите роль Вирджинии в развитии и развязке сюжета.

▸▸**1.** Найдите приёмы, которые помогают ощутить иронию автора в таких сценах: разговор мистера Отиса с привидением, история с кровавым пятном, история неудавшейся мести привидения и др. Какую роль играет в них ирония?

2. Проследите за развитием отношений Вирджинии с привидением. Докажите, что и они пронизаны ироническим отношением автора, хотя героиня изображена с явной симпатией.

▸▸▸**1.** Подготовьте рассказ об истории с кровавым пятном, стремясь сохранить манеру доброжелательной усмешки автора.

2. Подготовьте выразительное чтение сцены первой встречи мистера Отиса с привидением, подчёркивая иронические характеристики, включённые в неё автором.

3. Подготовьте исполнение в лицах первого разговора призрака с Вирджинией.

4. Чем финал этого рассказа напоминает сказку?

5. Почему автор назвал его «материально-идеалистической историей», тогда как мы скорее назовём его иронической сказкой?

Антуан де Сент-Экзюпери (1900–1944)

Антуан де Сент-Экзюпери стал военным лётчиком в годы Первой мировой войны. После ранения он не покидал воздушный флот, служа то в лётном составе, то в управлении авиации. После поражения Франции во Второй мировой войне (1940 год) он уезжает в США и уже как публицист и писатель активно ведёт борьбу против нацизма. Популярны его рассказы, романы, публицистика («Лётчик», «Южный почтовый», «Ночной полёт», «Письма к заложнику», «Письма к матери» и др.). Его произведения говорят о трудных днях и нелёгкой судьбе поколения. Они злободневны, автор даёт в них новое решение многих нравственных проблем.

В годы Великой Отечественной войны он побывал в Советском Союзе. В конце жизни Антуан де Сент-Экзюпери работал над сборником очерков, рассказов, притч «Цитадель», который ему так и не удалось завершить, – он погиб во время одного из боевых полётов.

Вы не раз встречались с притчами, и вам знакомо стремление их авторов помочь решению трудных проблем, с которыми нас постоянно сталкивает жизнь.

> **Справка**. *Притча* – небольшой поучительный рассказ, в котором используется аллегория. Это произведение, близкое басне своим лаконизмом и умением разъяснить сущность того, о чём оно повествует. Однако притча иначе, чем басня, обобщает события и предлагает выводы, в ней содержится философская мысль.

Сказка-притча «Маленький принц» Сент-Экзюпери очень популярна. Её не раз превращали в пьесу – экранизировали и ставили на сценах театров. Её герои – Лётчик, Маленький принц, Роза, Лис, Змея и обитатели разных планет, на которых удалось побывать Маленькому принцу.

Что происходит в этой сказке и чему она учит? Рассказывая о путешествиях Маленького принца, она помогает читателю вернуть чистоту детского взгляда на окружающий мир. Это подчёркивал автор, написав другу на подаренной книге: «Леону Верту, когда он был маленьким».

Итак эта сказка-притча должна нас научить честности и точности оценок всего, что мы видим вокруг, детской открытости

взгляда. Смелое путешествие и многочисленные встречи Маленького принца помогают понять богатство и многообразие окружающего мира и оценить силу и важность подлинной привязанности, подлинной дружбы.

Взгляд юного путешественника ясен и точен. Оценки лаконичны и убедительны. Сменяющие друг друга сцены рисуют панораму окружающего мира. Мы замечаем, что при этом Маленький принц сам становится всё более активным участником событий. Автор убеждает читателя, что человек должен не только всё точно и честно видеть, но и уметь найти своё место в этом мире.

Маленький принц. *Фрагменты*

Рассказчик-лётчик терпит аварию. Он должен починить самолёт и сделать это быстро, потому, что у него воды всего на несколько дней, а без воды живое существо в пустыне ждёт гибель.

Однако строки о событиях в жизни лётчика – это всего лишь обрамление истории Маленького принца. Главный герой рассказа – Маленький принц. Сюжет рассказа – путешествие Маленького принца по его сказочной Вселенной.

Итак, в жгучих песках Сахары встретились два путешественника. Лётчик и Маленький принц. Вот как произошла эта встреча.

Вообразите же моё удивление, когда на рассвете меня разбудил чей-то тоненький голосок. Он сказал:

– Пожалуйста, нарисуй мне барашка!

– …А?..

– Нарисуй мне барашка…

Я вскочил, точно надо мною грянул гром. Протёр глаза. Стал осматриваться. И увидел забавного маленького человечка, который серьёзно меня разглядывал.

Лётчик пытается выполнить просьбу – нарисовать барашка. Мальчику его рисунки не нравятся. Наконец он рисует ящик – просто ящик, в который, конечно, можно поместить любое живое существо – в том числе и барашка. И этот рисунок нравится мальчику. «Так я познакомился с Маленьким принцем», – пишет рассказчик. Маленький принц был с другой и очень маленькой планеты. «Каждый день я узнавал что-нибудь

новое о его планете, о том, как он её покинул и как странствовал». На своей планете он любовался закатами и боролся с сорняками – баобабами, которые могли разрушить его планету, радовался встрече с прекрасным цветком – розой (с четырьмя шипами!).

Маленький принц полюбил этот капризный цветок. Он решил стать достойным своего кумира и ради этого отправился путешествовать, чтобы больше знать о мире, который его окружает, и своими рассказами привлечь внимание своей прекрасной Розы.

Он знал, что рядом с его родной планетой были астероиды 325, 326, 327, 328, 329,330, и решил их посетить.

На этих шести крохотных планетах мы встречаемся с королём, честолюбцем, пьяницей, деловым человеком, фонарщиком, географом. Таков перечень обитателей окружающего мира. Каждая встреча коротка, и оставаться с ними Маленький принц не собирается.

Проследим за этими встречами.

На первом астероиде жил король. Облачённый в пурпур и горностай, он восседал на троне – очень простом и всё же величественном.

– А вот и подданный! – воскликнул король, увидав Маленького принца.

«Как же он меня узнал? – подумал Маленький принц. – Ведь он видит меня в первый раз!»

Он не знал, что короли смотрят на мир очень упрощённо: для них все люди – подданные.

Так для Маленького принца началось освоение других планет: он познакомился с властителем-королём и увидел его во всём великолепии – в пурпуре и горностае – а именно эти приметы отличают одеяние короля в любой сказке.

Читатели при этом поняли, что для королей все люди – подданные.

На второй планете жил честолюбец.

– О, вот и почитатель явился! – воскликнул он, ещё издали завидев Маленького принца.

Ведь тщеславным людям кажется, что все ими восхищаются.

Так следом за властителем Маленький принц познакомился с честолюбцем, а читателям стало ясно, в

чём главное заблуждение честолюбцев: им кажется, что все ими восхищаются.

На следующей планете жил пьяница, Маленький принц пробыл у него совсем недолго, но стало ему после этого совсем невесело.

Когда он явился на эту планету, пьяница молча сидел и смотрел на выстроившиеся пред ним армии бутылок – пустых и полных.

– Что это ты делаешь? – спросил Маленький принц.

– Пью, – мрачно ответил пьяница.

– Зачем?

– Чтобы забыть.

– О чём забыть? – спросил Маленький принц: ему было жаль пьяницу.

– Хочу забыть, что мне совестно, – признался пьяница и повесил голову.

– Отчего же тебе совестно? – спросил Маленький принц: ему очень хотелось помочь бедняге.

– Совестно пить! – объяснил пьяница, и больше от него нельзя было добиться ни слова.

Незавершённый диалог помогает читателю оценить тяжкую судьбу пьяницы.

Так, путешествуя, Маленький принц сталкивается с заблуждениями и ошибками разных людей. А они многообразны и часто неожиданны. Обычно читателя удивляет обитатель четвёртой планеты.

Четвёртая планета принадлежала деловому человеку. Он был так занят, что при появлении Маленького принца даже головы не поднял. Он считал звёзды, но при этом даже забыл, что он считает. Но ему казалось, что он владеет ими, раз ему первым удалось их сосчитать.

Так выясняется, что и деловой человек занят не делом, а иллюзией дела.

Пятая планета была очень занятная. Она оказалась меньше всех. На ней только и помещалось, что фонарь и фонарщик. Маленький принц никак не мог понять, для чего на крохотной, затерявшейся в небе планетке, где нет ни домов, ни жителей, нужны фонарь и фонарщик. Но он подумал:

«Может быть этот человек и нелеп. Но он не так нелеп, как король, честолюбец, делец и пьяница. В его работе всё-таки есть смысл. Когда он зажигает свой фонарь – как будто рождается ещё одна звезда или цветок. А когда он гасит фонарь – как будто

звезда или цветок засыпают. Прекрасное занятие. Это по-настоящему полезно, потому что красиво».

Этот вывод требует более осторожной оценки: читателю требуется решить, что же всё-таки «по-настоящему полезно», а решить это не просто. Читатели часто дают самые разные ответы. Но не будем торопиться с выводами.

Шестая планета была в десять раз больше предыдущей. На ней жил старик, который писал толстенные книги.

– Смотрите-ка! Вот прибыл путешественник! – воскликнул он, заметив Маленького принца.

Маленький принц сел на стол, чтобы отдышаться. Он уже столько странствовал!

– Откуда ты? – спросил его старик.

– Что это за огромная книга? – Спросил Маленький принц. – Что вы здесь делаете?

– Я – географ, – ответил старик.

– А что такое географ?

– Это учёный, который знает, где находятся моря, реки, города, горы и пустыни.

– Как интересно! – сказал Маленький принц. – Вот это – настоящее дело! <…>

– Ваша планета очень красивая, – сказал Маленький принц. – А океаны у вас есть?

– Этого я не знаю, – сказал географ.

– О-о! – разочарованно протянул Маленький принц. – А горы есть?

– Не знаю, – повторил географ.

– А города, реки, пустыни?

– И этого я тоже не знаю!

– Но ведь вы географ?

– Вот именно, – сказал старик. – Я географ, а не путешественник.

Однако у географа Маленький принц узнал, что его любимый цветок «эфемерен», то есть недолговечен, не прочен. Он пожалел о покинутой Розе, но всё же продолжил своё путешествие. Только после шестой планеты он попал на Землю.

Земля – планета не простая! На ней насчитывается сто одиннадцать королей (в том числе, разумеется, и негритянских), семь тысяч географов, девятьсот тысяч дельцов, семь с половиной

миллионов пьяниц, триста одиннадцать миллионов честолюбцев, итого около двух миллиардов взрослых.

Чтоб дать вам понятие о том, как велика Земля, скажу лишь, что, пока не было изобретено электричество, на всех шести континентах приходилось держать целую армию фонарщиков – четыреста шестьдесят две тысячи пятьсот одиннадцать человек.

Маленький принц был готов к новым встречам, и его не пугало обилие таких встреч. Его путешествие – теперь уже по Земле – продолжалось.

Долго шёл Маленький принц через пески, скалы и снега и наконец набрёл на дорогу. А все дороги ведут к людям.

– Добрый день, – сказал он. Перед ним был сад, полный роз.

– Добрый день, – отозвались розы.

И Маленький принц увидел, что все они похожи на его цветок.

– Кто вы? – спросил он, поражённый.

– Мы розы, – ответили розы.

– Вот как… – промолвил Маленький принц.

И почувствовал себя очень-очень несчастным. <…>

Маленький принц стал плакать от разочарования, когда увидел пять тысяч точно таких же роз! Вот тут-то и появился Лис.

– Кто ты? – спросил Маленький принц. – Какой ты красивый!

– Я – Лис, – сказал Лис.

– Поиграй со мной, – попросил Маленький принц. – Мне так грустно…

– Не могу я с тобой играть, – сказал Лис. – Я не приручён.

– Ах, извини, – сказал Маленький принц. Но, подумав, спросил: – А как это – приручить? <…>

– Это давно забытое понятие, – объяснил Лис. – Оно означает: создать узы.

– Узы?

– Вот именно, – сказал Лис. – Ты для меня пока всего лишь маленький мальчик, точно такой же, как сто тысяч других мальчиков. И ты мне не нужен. И я тоже тебе не нужен. Я для тебя всего только лисица, точно такая же, как сто тысяч других лисиц. Но если ты меня приручишь, мы станем нужны друг другу. Ты будешь для меня единственный в целом свете. И я буду для тебя один в целом свете.

– Я начинаю понимать, – сказал Маленький принц, – была одна Роза… наверно, она меня приручила. <…>

Лис замолчал и долго смотрел на Маленького принца. Потом сказал:

– Пожалуйста… приручи меня!

И Маленький принц выполнил его просьбу. На прощанье Лис ему сказал:

– …Ты не забывай: ты всегда в ответе за всех, кого приручил. Ты в ответе за свою Розу.

Но тут у Лётчика кончилась вода, беседа с Маленьким принцем прервалась и они пошли искать источник или колодец. Наконец перед героями оказался чудесный колодец, который утолил их жажду, – сказочное путешествие завершилось.

Но в это время прошёл уже год с того момента, когда Маленький принц отбыл со своей планеты, и ему очень захотелось вернуться к Розе, которая, как он теперь понял, его приручила. Таинственная змейка помогла ему в этом, а Лётчику удалось починить свой самолёт и вернуться к друзьям.

Путешествие осталось в прошлом, а память о чудесной встрече с Маленьким принцем продолжает радовать рассказчика-лётчика.

…Я знаю: он возвратился на свою планетку. <…> А по ночам я люблю слушать звёзды. Словно пятьсот миллионов бубенцов. <…>

Стоит ещё и ещё раз перечитать эту сказку-притчу, чтобы понять, как внимательно нужно рассматривать всё, что нас окружает, чтобы понять своё место в этом сложном мире и оценить и его неизмеримость и свои возможности.

Маленький принц рассказал, как вы уже знаете, о своём посещении самых разных людей. Он был готов встретить множество тех, кто населяет Землю, но, увидев в одной из её долин множество роз и встретившись с таинственным Лисом, он находит верное решение самого важного для него вопроса: необходимо быть «приручённым» – связать себя узами дружбы. Посещая другие планеты, он оценил богатство окружающего мира и понял, что его преданность одной единственной Розе – способность к преданной дружбе – одна из самых важных и прекрасных способностей человека.

Вопросы и задания

1. Прочитайте сказку-притчу целиком и решите – чему учит

она своих читателей?

2. Какую роль играет Лис в судьбе Маленького принца?

3. Удалось ли автору «приручить» вас как читателя?

⏩**1.** Попробуйте объяснить выбор героев этого сказочного путешествия.

2. В чём в этой сказке-притче вы увидели аллегорию?

3. Объясните, как Роза «приручила» Маленького принца?

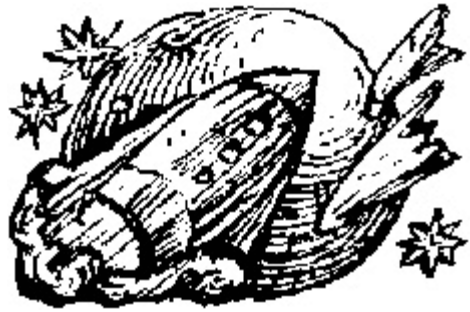
⏩⏩1. Какие выводы вам удалось сделать, прочитав и обдумав содержание этой сказки-притчи?

2. Попробуйте создать свои иллюстрации к самым интересным для вас эпизодам этого произведения или галерею портретов тех, с кем встретился в своём путешествии Маленький принц. Можно создать галерею только тех, кого он приручил.

3. Составьте свой список тех, с кем вы хотели бы встретиться, если бы создавали свою сказку-притчу о том, что всего важнее в жизни.

4. Создайте свой словарик слов о дружбе.

Герой среди героев



Вам знакомы герои не только тех произведений, которые есть в хрестоматии, – для увлечённого читателя и зрителя круг этих героев необозримо велик. И всё же в бесконечной череде героев привлекает не их разнообразие, а то, что любимые герои этих книг отличаются качествами, которые и взрослые и дети любили и ценили во все века. Это смелость, отвага, честность, решительность, сила, благородство, находчивость… Перечень положительных качеств вы и сами можете продолжить. Они более всего свойственны героям книг о необычных событиях – о путешествиях и приключениях. Однако эти качества, как убеждают нас авторы, не всегда приносят человеку удачу или богатство. Они могут даже погубить человека. А удачу и богатство могут принести не только трудолюбие и настойчивость, но даже подлость и хитрость.

Вам, юным читателям, предстоит и в жизни постоянно принимать мелкие и крупные решения, использовать какие-то свои качества и их совершенствовать. Уроки героев прочитанных книг – это примеры, которые могут что-то подсказать читателю.

Поведение героя во многом определяется обстоятельствами и тем, какие люди его окружают. Если Илья Муромец побеждает, то победу ему приносят не только его личные качества, но и та нравственная поддержка, которую он имеет от своего окружения, и ощущение своего нравственного превосходства.

Герой всегда среди других героев: его окружают друзья и враги – в любом уголке нашей планеты и в пространствах космоса. И как бы ни хотел каждый из нас быть независимым, мы тесно и неразрывно связаны с нашим окружением. Каждый писатель умеет показать, как возникают и рушатся эти связи, как сталкиваются интересы разных людей, как влияют на их отношения характеры и обстоятельства.

В жизни мы сами выбираем себе друзей, ссоримся и миримся

с ними, а в каждом из поступков проявляем свой характер и свои взгляды. Писатель отбирает в массе самых различных событий только те, которые более всего помогают понять его героев. Мы уже наблюдали за тем, как тесно связаны герой и сюжет, но в каждом сюжете герой связан и с другими героями.

Вопросы и задания

▶**1.** Есть ли среди героев, с которыми вы встретились, читая книги, такие, которых можно назвать эгоистами? А как вы понимаете это слово?

2. Как оценивали поступки Гека Финна близко знавшие его люди?

3. Как вы оцениваете команду «Таинственного острова»? Можно ли назвать их только «друзьями по несчастью» или они были настоящими друзьями?

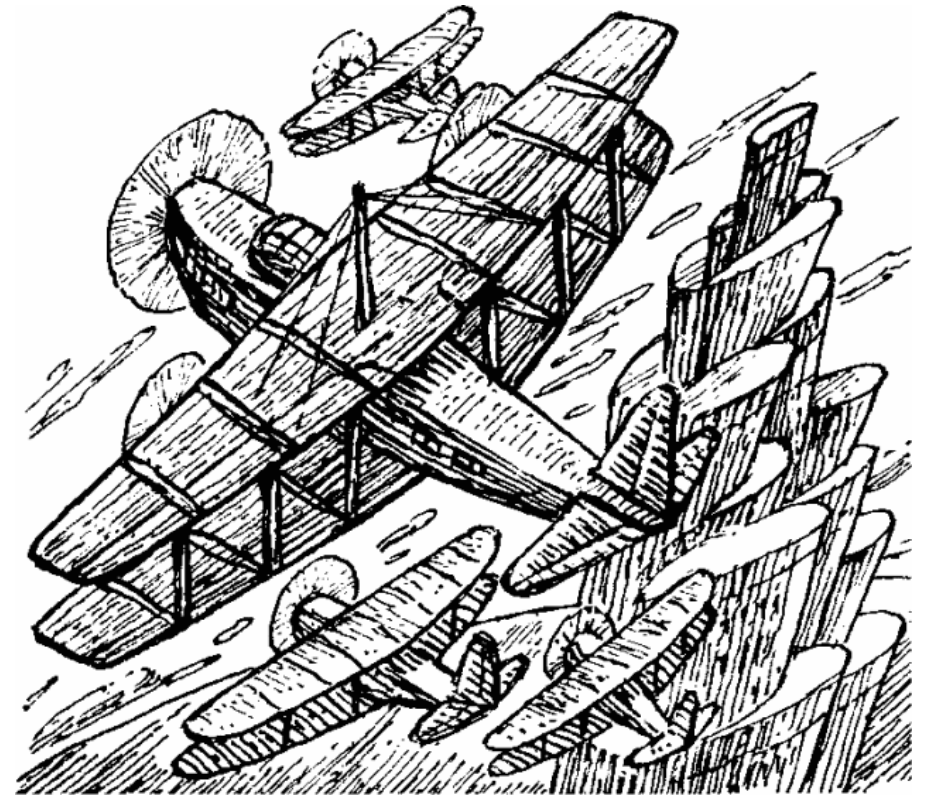
▶▶**1.** Какие художественные приёмы помогают понять отношение автора к своим героям? Выберите для доказательства любое произведение.

2. Какие художественные приёмы помогают осознать, какие отношения связывают Тома и Гека?

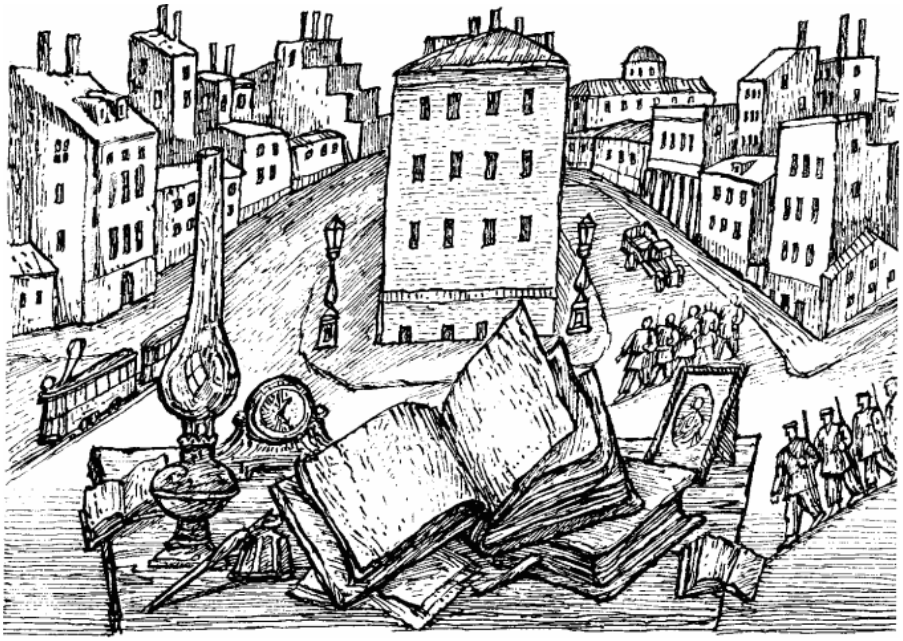
▶▶▶**1.** Покажите связь героя с сюжетом. Как эта связь помогает понять, что герой обязательно связан с другими героями?

2. Чему учит сказка-притча «Маленький принц»? Попробуйте ответить на этот вопрос, используя слова данного произведения.

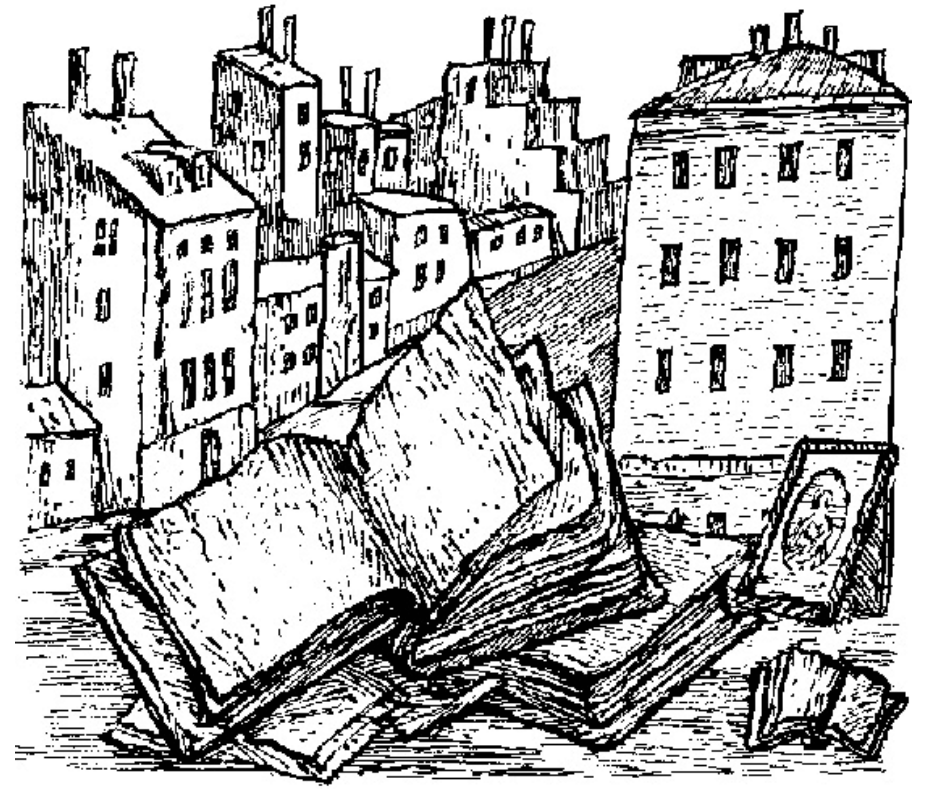
Литература XX века



А. Т. Аверченко. Максим Горький. А. С. Грин. К. Г. Паустовский. Фазиль Искандер.



Читателям XXI века



Попробуйте спросить у своих родителей, когда они читали больше книг – сейчас или в школьные годы. Вам, наверное, ясен их ответ. Главный читатель художественной литературы прежде всего тот, кто учится: в школе, вузе – в любом учебном заведении. Конечно, многие остаются страстными читателями всю жизнь. И хотя молодое поколение все активней переходит из разряда читателей в разряд слушателей и зрителей, всё же XX век можно было бы назвать веком победы юного читателя.

Потребность обращения к книге – несомненный признак культуры человека. Общение с ровесниками и друзьями по поводу прочитанных книг – одно из самых благородных занятий людей всех возрастов.

Спросите себя как читателя: что я успел прочесть? Что собираюсь читать в XXI веке? Что для меня чтение – обязанность или потребность общения с самыми умными друзьями, которых мне дарит жизнь, – писателями и их героями?

Нередко, увлекшись чтением, мы жалеем, что произведение

подходит к концу. И это искреннее чувство любого читателя понял немецкий писатель Михаэль Эндэ. Когда герой его «Бесконечной книги» – мальчик Бастиан «глядел на заглавие книги, его бросало то в жар, то в холод. Вот оно, о чём он всегда мечтал: книга, которая никогда не кончается!». Наверное, и вам знакомо это чувство, когда вы читаете интересную книгу: так хочется узнать, чем всё кончится, и так же сильно, а может быть, ещё сильнее, хочется, чтобы книга никогда не кончалась!

Аркадий Тимофеевич Аверченко (1881–1925)

«Счастьем для таланта Аверченко, – писал А. И. Куприн, – было то, что он… побродил и потолкался по свету. В его памяти запечатлелось ставшее своим множество лиц, говоров, метких слов и оборотов, включая сюда и неуклюже-восхитительные капризы детской речи. И всем этим богатством он пользовался без труда, со свободой дыхания».

Писательская звезда А. Т. Аверченко взошла стремительно. В 1905 году он был безвестным служащим в Харькове, а через три года – редактором и ведущим автором самого популярного юмористического журнала в России «Сатирикон». Один за другим выходят сборники его рассказов. В театрах ставят его юмористические пьесы и скетчи[29].

Особенно добрые чувства вызывали у писателя дети. У него есть цикл рассказов «О маленьких – для больших».

Рассказ Аверченко «Смерть африканского охотника», который мы предлагаем вам прочитать, назван необычно. Его главы говорят о первом и втором разочаровании, которые предшествуют этой мнимой смерти, а на самом деле юный читатель только потерял часть своих иллюзий, своих заблуждений, так и оставшись тем же читателем-фантазёром – «африканским охотником».

Нередко критики видели в творчестве Аверченко традиции Марка Твена и Чехова. Отмечая его бодрый, заразительный и искренний смех, некоторые современники считали его единственным русским юмористом.

Смерть африканского охотника

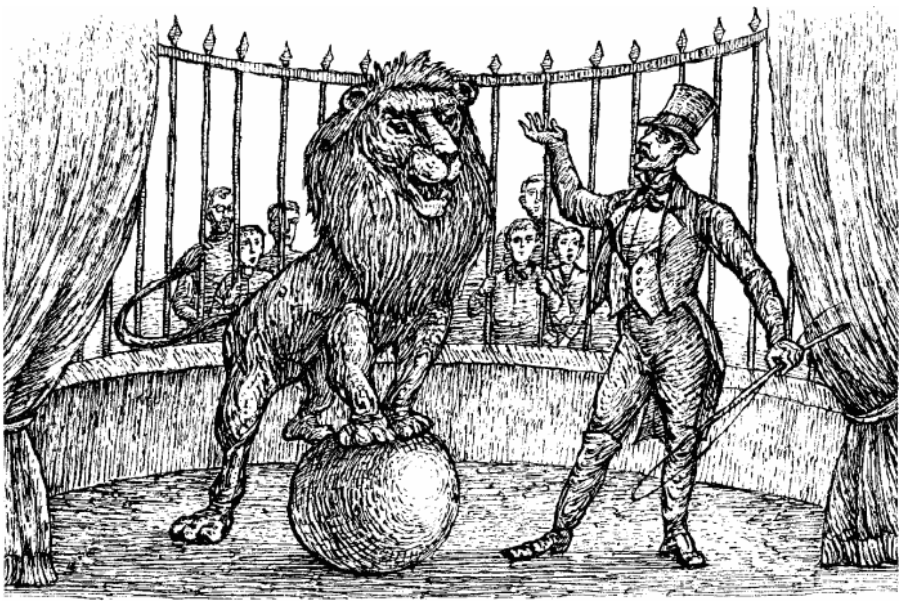
I

Мои родители жили в Севастополе, чего я никак не мог понять в то время: как можно было жить в Севастополе, когда существуют Филиппинские острова, южный берег Африки, пограничные города Мексики, громадные прерии Северной Америки, мыс Доброй Надежды, реки Оранжевая, Амазонка, Миссисипи и Замбези?..

Меня, десятилетнего пионера[30] в душе, местожительство отца не удовлетворяло.

А занятие? Отец торговал чаем, мукой, свечами, овсом и сахаром.

Конечно, я ничего не имел против торговли… но вопрос: чем торговать? Я допускал торговлю кошенилью[31], слоновой костью, выменянной у туземцев на безделушки, золотым песком, хинной коркой, драгоценным розовым деревом, сахарным тростником… Я признавал даже такое опасное занятие, как торговля чёрным деревом (негроторговцы так называют негров).



Но мыло! Но свечи! Но пиленый сахар!

Проза жизни тяготила меня. Я уходил на несколько вёрст от города и, пролёживая целыми днями на пустынном берегу моря, у подножия одинокой скалы, мечтал…

Пиратское судно решило пристать к этому месту, чтобы закопать награбленное сокровище: скованный железом сундук, полный старинных испанских дублонов, гиней, золотых бразильских и мексиканских монет и разной золотой, осыпанной драгоценными камнями утвари…

Грубые голоса, загорелые лица, хриплый смех и ром, ром без конца…

Я, спрятавшись в одному мне известном углублении на верхушке скалы, молча слежу за всем происходящим: мускулистые руки энергично роют песок, опускают в яму тяжёлый сундук, засыпают его и, сделав на скале таинственную отметку, уезжают на новые грабежи и приключения. Одну минуту я колеблюсь: не примазаться ли к ним? Хорошо поездить вместе,

погреться под жарким экваториальным солнцем, пограбить мимо идущих «купцов», сцепиться на абордаж с английским бригом, дорого продавая свою жизнь, потому что встреча с англичанами – верный галстук на шею.

С другой стороны, можно к пиратам и не примазываться. Другая комбинация не менее заманчива: вырыть сундук с дублонами, притащить к отцу, а потом купить на «вырученные деньги» фургон, в которых ездят южноафриканские боэры, оружия, припасов, нанять нескольких охотников для компании да и двинуться на африканские алмазные поля.

Положим, отец и мать забракуют Африку! Но Боже ты мой! Остаётся прекрасная Северная Америка с бизонами, бесконечными прериями, мексиканскими вакеро и раскрашенными индейцами. Ради такой благодати стоило бы рискнуть скальпами – ха-ха!

Солнце накаливает морской песок у моих ног, тени постепенно удлиняются, а я, вытянувшись в холодке под облюбованной мною скалой, книга за книгой поглощаю двух своих любимцев: Луи Буссенара и капитана Майн Рида.

«…Расположившись под тенью гигантского баобаба, путешественники с удовольствием вдыхали вкусный аромат жарившейся над костром передней ноги слона. Негр Геркулес сорвал несколько плодов хлебного дерева и присоединил их к вкусному жаркому. Основательно позавтракав и запив жаркое несколькими глотками кристальной воды из ручья, разбавленной ромом, наши путешественники и т. д.».

Я глотаю слюну и шепчу, обуреваемый завистью:

– Умеют же жить люди! Ну-с… позавтракаем и мы.

Из тайного хранилища в расселине скалы я вынимаю пару холодных котлет, тарань, кусок пирога с мясом, бутылку бузы и – начинаю насыщаться, изредка поглядывая на чистый морской горизонт: не приближается ли пиратское судно?

А тени всё длиннее и длиннее…

Пора и в свой блокгауз на Ремесленной улице.

Я думаю, – скала эта на пустынном берегу стоит и до сих пор, и расселина сохранилась, и на дне её, вероятно, ещё лежит сломанный ножик и баночка с порохом – там всё по-прежнему, а мне уже тридцать два года, и всё чаще кто-нибудь из добрых друзей восклицает с радостным смехом:

– Гляди-ка! А ведь у тебя тоже появился седой волос.

II. Первое разочарование

Не знаю, кто из нас был большим ребёнком, – я или мой отец. Во всяком случае, я, как истый краснокожий, не был бы способен на такое бурное проявление восторга, как отец в тот момент, когда он сообщил мне, что к нам едет настоящий зверинец, который пробудет всю Святую неделю и, может быть (в этом месте отец подмигнул с видом дипломата, разоблачающего важную государственную тайну), останется и до мая.

Внутри у меня всё замерло от восторга, но наружно я не подал виду.

Подумаешь, зверинец! Какие там звери? Небось, и агути нет, и гну, и анаконды – матери вод, не говоря уж о жирафах, пеккари и муравьедах.

– Понимаешь – львы есть! Тигры! Крокодил! Удав! Укротители и хозяин у меня кое-что в лавке покупают, так говорили. Вот это, брат, штука! Индеец там есть – стрелок, и негр.

– А что негр делает? – спросил я с побледневшим от восторга лицом.

– Да уж что-нибудь делает, – неопределённо промямлил отец. – Даром держать не будут.

– Какого племени?

– Да племени, брат, хорошего, сразу видно. Весь чёрный, как ни поверни. На первый день Пасхи пойдём – увидишь.

Кто поймёт моё чувство, с которым я нырнул под красную кумачовую с жёлтыми украшениями отделку балагана? Кто оценит симфонию звуков хриплого аристона, хлопанья бича и потрясающего рёва льва? Где слова для передачи сложного дивного сочетания трёх запахов: львиной клетки, конского навоза и пороха?..

Эх, очерствели мы!..

Однако когда я опомнился, многое в зверинце перестало мне нравиться.

Во-первых – негр.

Негр должен быть голым, кроме бёдер, покрытых яркой бумажной материей. А тут я увидел профанацию: негра в красном фраке, с нелепым зелёным цилиндром на голове. Во-вторых, негр должен быть грозен. А этот показывал какие-то фокусы, бегал по рядам публики, вынимая из всех карманов замасленные карты, и вообще относился ко всем очень заискивающе.

В-третьих – тяжёлое впечатление произвел на меня Ва-пити, – индеец, стрелок из лука. Правда, он был в индейском национальном костюме, украшен какой-то шкурой и утыкан перьями, как петух, но… где же скальпы? Где ожерелье из зубов серого медведя-гризли?

Нет, всё это не то.

И потом: человек стреляет из лука – во что? – в чёрный кружок, нарисованный на деревянной доске.

И это в то время, когда в двух шагах от него сидят его злейшие враги, бледнолицые!

«Стыдись, Ва-пити, краснокожая собака! – хотел сказать я ему. – Твое сердце трусливо, и ты уже забыл, как бледнолицые отняли у тебя пастбище, сожгли вигвам и угнали твоего мустанга. Другой порядочный индеец не стал бы раздумывать, а влепил бы сразу парочку стрел в физиономию вон тому акцизному чиновнику, сытый вид которого доказывает, что гибель вигвама и угон мустанга не обошлись без его содействия».

Увы! Ва-пити забыл заветы своих предков. Ни одного скальпа не содрал он сегодня, а просто раскланялся на аплодисменты и ушёл. Прощай, трусливая собака!

Чем дальше, тем больше падало моё настроение: худосочная девица надевала себе на шею удава, будто это был вязаный шерстяной платок.

Живой удав – и он стерпел это, не обвил негодницу своими смертоносными кольцами? Не сжал её так, чтобы кровь из неё брызнула во все стороны?! Червяк ты несчастный, а не удав!

Лев! Царь зверей, величественный, грозный, одним прыжком выносящийся из густых зарослей и, как гром небесный, обрушивающийся на спину антилопы… Лев, гроза чернокожих, бич стад и зазевавшихся охотников, прыгал через обруч! Становился всеми четырьмя лапами на раскрашенный шар! Гиена становилась передними ногами ему на круп!..

Да будь я на месте этого льва, я так тяпнул бы этого укротителя за ногу, что он другой раз и к клетке близко бы не подошёл.

И гиена тоже обнаглела, как самая последняя дрянь…

Прошу не осуждать меня за кровожадность… Я рассуждал, так сказать, академически.

Всякий должен делать своё дело: индеец – снимать скальп, негр – есть попавших к нему в лапы путешественников, а лев – терзать без разбору того, другого и третьего, потому что читатель должен понять: пить-есть всякому надо.

Теперь я и сам недоумеваю: что я надеялся увидеть, явившись в зверинец? Пару львов, вырвавшихся из клетки и доедающих в углу галёрки не успевшего удрать матроса? Индейца, старательно снимающего скальпы со всего первого ряда обезумевших от ужаса зрителей? Негра, разложившего костёр из выломанных досок слоновой загородки и поджаривающего на этом костре мучного торговца Слуцкина?

Вероятно, это зрелище было бы единственное, которое меня

бы удовлетворило…

А когда мы выходили из балагана, отец сообщил мне ликующим тоном:

– Представь себе, я пригласил сегодня вечером к нам в гости хозяина, индейца и негра. Повеселимся.

Это была та же отцовская черта, которая приводила его к покупке на базаре каракатиц, которых мы потом вдвоём с отцом и съедали. Я – из любви к приключениям, он – из желания доказать всем домашним, что покупка его не носит определённого характера бессмысленности.

– Да-с. Пригласил. Интересные люди.

С таким видом, вероятно, Ротшильд теперь приглашает к себе Шаляпина.

Дух меценатства свил себе в отце прочное гнездо.

III. Второе разочарование. Смерть

Удар за ударом!

Индеец Ва-пити и негр Башелико явились к нам в серых пиджаках, которые сидели на них, как перчатка на карандаше. Они по примеру хозяина зверинца христосовались с отцом и мамой.

Негр – каннибал – христосовался!

Краснокожая собака – Ва-пити, которого засмеяли бы индейские скво (бабы), – христосовался!

Боже, Боже! Они ели кулич. После жареного миссионера – кулич! А грозный индеец Ва-пити мирно съел три крашеных яйца, измазав себе всю кирпичную физиономию синим и зелёным цветом. Это – вместо раскраски в цвета войны…

Кончилось тем, что отец, хватив киевской наливки свыше меры, затянул «Виют витры, виют буйны», а индеец ему подтягивал!!

А негр танцевал с тёткой польку-мазурку… Правда, при этом ел её, но только глазами…

И в это время играл не тамтам, а торбан под умелой рукой отца.

А грозный немец, хозяин зверинца, просто спал, забыв своих львов и слонов.

* * *

Утром, когда ещё все спали, я встал и, надев фуражку, тихо

побрёл по берегу бухты.

Долго брёл, грустно брёл.

Вот и моя скала, вот и расселина – моё пище– и книгохранилище.

Я вынул Буссенара, Майн Рида и уселся у подножия скалы. Перелистал книги… в последний раз.

И со страниц на меня глядели индейцы, поющие: «Виют витры, виют буйны», глядели негры, танцующие польку-мазурку под звуки хохлацкого торбана, львы прыгали через обруч, и слоны стреляли хоботом из пистолета…

Я вздохнул.

Прощай, моё детство, моё сладкое, изумительно интересное детство…

Я вырыл в песке под скалой яму, положил в неё все томики француза Буссенара и англичанина капитана Майн Рида, засыпал эту могилу, встал и выпрямился, обведя горизонт совсем другим взглядом… Пиратов не было и не могло быть; не должно быть.

Мальчик умер.

Вместо него – родился юноша.

* * *

В слонов лучше всего стрелять разрывными пулями.

…….

Вопросы и задания

1. Почему героя удручало то, что он живёт не в Мексике или на Амазонке, а в Севастополе? Как вы это объясните?

2. Почему герой, имени которого мы не знаем, называет себя «десятилетний пионер»?

3. Объясните, как вы поняли фразу: «Проза жизни тяготила меня».

4. Чем герой пытался спастись от «прозы жизни»?

5. Каким было его «первое разочарование»?

6. Чем было вызвано «второе разочарование»?

7. Когда наступила «смерть африканского охотника» и наступила ли?

1. Сравните причины первого и второго разочарования героя рассказа.

2. Как «смерть африканского охотника» связана с разочарованием в том, что его окружает?

1. Объясните название рассказа. Почему наступила «смерть африканского охотника»?

2. Что означает последняя фраза рассказа: «В слонов лучше всего стрелять разрывными пулями»? Выберите верный ответ или добавьте свой:

а) герой так и остался «африканским охотником»;

б) после колебания герой вернулся к своему любимому занятию – фантазиям по поводу прочитанных книг – опять стал «африканским охотником»;

в) герой с грустью вспомнил о лучших минутах своих «охотничьих» увлечений;

г) его так и не покинуло увлечение заботами «африканского охотника».

3. В какой словарик могут быть внесены слова: *тамтам, хохлацкий торбан, хриплый аристон?*

4. Как вы думаете, почему в рассказе нет имени героя, а его название обманывает нас?

Максим Горький (1868–1936)

Максим Горький (Алексей Максимович Пешков) – писатель XX века, биография которого с самого начала его творчества была широко известна не только в России, но и во всём мире. Он прославился как «буревестник революции» и как человек нелёгкой судьбы, который сумел выйти «в люди».

Начало его жизни связано с Волгой и Нижним Новгородом. Его произведения говорили о трудной жизни простых людей того времени и о вере писателя в возможность человека преодолеть любые сложности, в революционное преобразование жизни.

Первой книгой его автобиографической трилогии было «Детство». Но, читая эту книгу, вы должны знать, что дальнейшая жизнь автора описана в книгах «В людях» и «Мои университеты» – сразу же вслед за детством у писателя началась самостоятельная и насыщенная лишениями жизнь.

Алёше Пешкову было четыре года, когда умер его отец. С описания пути из Астрахани в Нижний Новгород, куда он с матерью и бабушкой вернулся после смерти отца, начинается его первая автобиографическая повесть «Детство».

Книги автобиографической трилогии Горький посвятил своему сыну.

Детство. *Фрагменты*

После смерти отца (1872 год) Алёша вместе с матерью и бабушкой едет из Астрахани в Нижний Новгород.

1

…Сорок лет назад пароходы плавали медленно; мы ехали до Нижнего очень долго, и я хорошо помню эти первые дни насыщения красотою.

Установилась хорошая погода; с утра до вечера я с бабушкой на палубе, под ясным небом, между позолоченных осенью, шелками шитых берегов Волги. Не торопясь, лениво и гулко бухая плицами[32] по серовато-синей воде, тянется вверх по течению светло-рыжий пароход, с баржей на длинном буксире. Баржа серая и похожа на мокрицу. Незаметно плывёт над Волгой солнце, каждый час всё вокруг ново, всё меняется; зелёные горы –

как пышные складки на богатой одежде земли; по берегам стоят города и сёла, точно пряничные издали; золотой осенний лист плывёт по воде.

– Ты гляди, как хорошо-то! – ежеминутно говорит бабушка, переходя от борта к борту, и вся сияет, а глаза у неё радостно расширены.

Часто она, заглядевшись на берег, забывала обо мне: стоит у борта, сложив руки на груди, улыбается и молчит, а на глазах слёзы. Я дергаю её за тёмную, с набойкой цветами, юбку.

– Ась? – встрепенётся она. – А я будто задремала да сон вижу.

– А о чём плачешь?

– Это, милый, от радости да от старости, – говорит она, улыбаясь. – Я ведь уже старая, за шестой десяток лета-вёсны мои перекинулись-пошли…

И, понюхав табаку, начинает рассказывать мне какие-то диковинные истории о добрых разбойниках, о святых людях, о всяком зверье и нечистой силе.

Сказки она сказывает тихо, таинственно, наклоняясь к моему лицу, заглядывая в глаза мне расширенными зрачками, точно вливая в сердце моё силу, приподнимающую меня. Говорит, точно поёт, и чем дальше, тем складней звучат слова. Слушать её невыразимо приятно. Я слушаю и прошу:

– Ещё!

– А ещё вот как было: сидит в подпечке старичок-домовой, занозил он себе лапу лапшой, качается, хныкает: «Ой, мышеньки, больно, ой, мышата, не стерплю!»

Подняв ногу, она хватается за неё руками, качает её на весу и смешно морщит лицо, словно ей самой больно.

Вокруг стоят матросы – бородатые, ласковые мужики, – слушают, смеются, хвалят её и тоже просят:

– А ну, бабушка, расскажи ещё чего! – Потом говорят:

– Айда ужинать с нами!..

Помню детскую радость бабушки при виде Нижнего. Дёргая за руку, она толкала меня к борту и кричала:

– Гляди, гляди, как хорошо! Вот он, батюшка, Нижний-то! Вот он какой, Богов! Церкви-те, гляди-ка ты, летят будто!

И просила мать, чуть не плача:

– Варюша, погляди, чай, а? Поди, забыла ведь! Порадуйся!

Мать хмуро улыбалась.

Когда пароход остановился против красивого города, среди реки, тесно загромождённой судами, ощетинившейся сотнями острых мачт, к борту его подплыла большая лодка со множеством людей, подцепилась багром к спущенному трапу, и один за другим люди из лодки стали подниматься на палубу. Впереди

всех быстро шёл небольшой сухонький старичок, в чёрном длинном одеянии с рыжей, как золото, бородкой, с птичьим носом и зелёными глазками.

– Папаша! – густо и громко крикнула мать и опрокинулась на него, а он, хватая её за голову, быстро гладя щёки её маленькими красными руками, кричал, взвизгивая:

– Что-о, дура? Ага-а! То-то вот… Эх вы-и…

Бабушка обнимала и целовала как-то сразу всех, вертясь, как винт; она толкала меня к людям и говорила торопливо:

– Ну, скорее! Это – дядя Михайло, это – Яков… Тётка Наталья, это – братья, оба Саши, сестра Катерина, это всё наше племя, вот сколько!

Вопросы и задания

1. Опишите картину осенних берегов Волги, вдоль которых плыл пароход.

2. Расскажите о первой встрече мальчика со своими родными.

II

Началась и потекла со страшной быстротой густая, пёстрая, невыразимо странная жизнь. Она вспоминается мне, как суровая сказка, хорошо рассказанная добрым, но мучительно правдивым гением. Теперь, оживляя прошлое, я сам порою с трудом верю, что всё было именно так, как было, и многое хочется оспорить, отвергнуть, – слишком обильна жестокостью тёмная жизнь «неумного племени».

Но правда выше жалости, и ведь не про себя я рассказываю, а про тот тесный, душный круг жутких впечатлений, в котором жил – да и по сей день живёт – простой русский человек.

Дом деда был наполнен горячим туманом взаимной вражды всех со всеми; она отравляла взрослых, и даже дети принимали в ней живое участие.

В субботу, перед всенощной[33], кто-то привёл меня в кухню; там было темно и тихо. Помню плотно прикрытые двери в сени и в комнаты, а за окнами серую муть осеннего вечера, шорох дождя. Перед чёрным челом печи на широкой скамье сидел сердитый, не похожий на себя Цыганок; дедушка, стоя в углу у лохани, выбирал из ведра с водою длинные прутья, мерил их, складывал один с другим и со свистом размахивал ими по воздуху. Бабушка, стоя где-то в темноте, громко нюхала табак и ворчала:

– Ра-ад… мучитель…

Саша Яковов, сидя на стуле среди кухни, тёр кулаками глаза и не своим голосом, точно старенький нищий, тянул:

– Простите Христа ради…

Как деревянные, стояли за стулом дети дяди Михаила, брат и сестра, плечом к плечу.

– Высеку – прощу, – сказал дедушка, пропуская длинный влажный прут сквозь кулак. – Ну-ка, снимай штаны-то!

Говорил он спокойно, и ни звук его голоса, ни возня мальчика на скрипучем стуле, ни шарканье ног бабушки – ничто не нарушало памятной тишины в сумраке кухни, под низким закопчённым потолком.

Саша встал, расстегнул штаны, спустил их до колен, поддерживая их руками, согнувшись, спотыкаясь пошёл к скамье. Смотреть, как он идёт, было нехорошо, у меня тоже дрожали ноги. Но стало ещё хуже, когда он покорно лёг на скамью вниз лицом, а Ванька, привязав его к скамье под мышки и за шею широким полотенцем, наклонился над ним и схватил чёрными руками ноги у щиколоток.

– Лексей, – позвал дед, – иди ближе!.. Ну, кому говорю? Вот гляди, как секут… Раз!..

Невысоко взмахнув рукой, он хлопнул прутом по голому телу. Саша взвизгнул.

– Врёшь, – сказал дед, – это не больно! А вот этак больней! – И ударил так, что на теле сразу загорелась, вспухла красная полоса, а брат протяжно завыл.

– Не сладко? – спрашивал дед, равномерно поднимая и опуская руку. – Не любишь? Это за напёрсток!

Когда он взмахивал рукой, в груди у меня всё поднималось вместе с нею; падала рука – и я весь точно падал.

Саша визжал страшно тонко, противно:

– Не буду-у… Ведь я же сказал про скатерть… Ведь я сказал…

Спокойно, точно Псалтырь читая[34], дед говорил:

– Донос – не оправданье! Доносчику первый кнут. Вот тебе за скатерть!

Бабушка кинулась ко мне и схватила меня на руки, закричав:

– Лексея не дам! Не дам, изверг!

Она стала бить ногою в дверь, призывая:

– Варя! Варвара!..

Дед бросился к ней, сшиб её с ног, выхватил меня и понёс к лавке. Я бился в руках у него, дергал рыжую бороду, укусил ему палец. Он орал, тискал меня и, наконец, бросил на лавку, разбив мне лицо. Помню дикий его крик:

– Привязывай! Убью!..

Помню белое лицо матери и её огромные глаза. Она бегала вдоль лавки и хрипела:

– Папаша, не надо!.. Отдайте…

Дед засёк меня до потери сознания, и несколько дней я хворал, валяясь вверх спиною на широкой жаркой постели в маленькой комнате с одним окном и красной неугасимой лампадой в углу перед киотом[35] со множеством икон.

Дни нездоровья были для меня большими днями жизни. В течение их я, должно быть, сильно вырос и почувствовал что-то особенное. С тех дней у меня явилось беспокойное внимание к людям, и, точно мне содрали кожу с сердца, оно стало невыносимо чутким ко всякой обиде и боли, своей и чужой.

Прежде всего меня очень поразила ссора бабушки с матерью: в тесноте комнаты бабушка, чёрная и большая, лезла на мать, заталкивая её в угол, к образам, и шипела:

– Ты что не отняла его, а?

– Испугалась я.

– Эдакая-то здоровенная! Стыдись, Варвара! Я – старуха, да не боюсь! Стыдись!..

– Отстаньте мамаша: тошно мне…

– Нет, не любишь ты его, не жаль тебе сироту!

Мать сказала тяжело и громко:

– Я сама на всю жизнь сирота!

Потом они обе долго плакали, сидя в углу на сундуке, и мать говорила:

– Если бы не Алексей, ушла бы я, уехала! Не могу жить в аду этом, не могу, мамаша! Сил нет…

– Кровь ты моя, сердце моё, – шептала бабушка. Я запомнил: мать – не сильная; она, как все, боится деда.

Я мешаю ей уйти из дома, где она не может жить. Это было очень грустно. Вскоре мать действительно исчезла из дома.

Уехала куда-то гостить.

Как-то вдруг, точно с потолка спрыгнув, явился дедушка, сел на кровать, пощупал мне голову холодной, как лёд, рукою:

– Здравствуй, сударь… Да ты ответь, не сердись!.. Ну, что ли?..

Очень хотелось ударить его ногой, но было больно пошевелиться. Он казался ещё более рыжим, чем был раньше; голова его беспокойно качалась; яркие глаза искали чего-то на стене. Вынув из кармана пряничного козла, два сахарных рожка, яблоко и ветку синего изюма, он положил все это на подушку, к носу моему.

– Вот, видишь, я тебе гостинца принёс!

Нагнувшись, поцеловал меня в лоб; потом заговорил, тихо

поглаживая голову мою маленькой, жёсткой рукою, окрашенной в жёлтый цвет, особенно заметный на кривых, птичьих ногтях.

– Я тебя тогда перетово, брат. Разгорячился очень; укусил ты меня, царапал, ну, и я тоже рассердился! Однако не беда, что ты лишнее перетерпел, – в зачёт пойдёт! Ты знай: когда свой, родной бьёт – это не обида, а наука! Чужому не давайся, а свой ничего! Ты думаешь, меня не били? Меня, Олёша, так били, что ты этого и в страшном сне не увидишь. Меня так обижали, что, поди-ка, сам Господь Бог глядел – плакал! А что вышло? Сирота, нищей матери сын, я вот дошёл до своего места, – старшиной цеховым сделан, начальник людям.

Привалившись ко мне сухим, складным телом, он стал рассказывать о детских своих днях словами крепкими и тяжёлыми, складывая их одно с другим легко и ловко.

Его зелёные глаза ярко разгорелись, и, весело ощетинившись золотым волосом, сгустив высокий свой голос, он трубил в лицо мне:

– Ты вот пароходом прибыл, пар тебя вёз, а я в молодости сам, своей силой супротив Волги баржи тянул. Баржа – по воде, я – по бережку, бос; по острому камню, по осыпям да так от восхода солнца до ночи! Накалит солнце затылок-то, голова, как чугун, кипит, а ты, согнувшись в три погибели, – косточки скрипят, – идёшь да идёшь и пути не видать, глаза потом залило, а душа-то плачется, а слеза-то катится, – эхма, Олёша, помалкивай! Идёшь, идёшь, да из лямки-то и вывалишься, мордой в землю – и тому рад; стало быть, вся сила чисто вышла, хоть подыхай, хоть издыхай! Вот как жили у Бога на глазах, у милостивого Господа Исуса Христа!.. Да так-то я трижды Волгу-мать вымерял: от Симбирского до Рыбинска, от Саратова досюдова, да от Астрахани до Макарьева, до ярмарки, – в этом многие тысячи верст! А на четвёртый год уж и водоливом пошёл, – показал хозяину разум свой!

Говорил он – и быстро, как облако, рос передо мною, превращаясь из маленького, сухого старичка в человека силы сказочной, – он один ведёт против реки огромную серую баржу…

Иногда он соскакивал с постели и, размахивая руками, показывал мне, как ходят бурлаки в лямках, как откачивают воду; пел баском какие-то песни, потом снова молодо прыгал на кровать и, весь удивительный, ещё более густо, крепко говорил:

– Ну, зато, Олёша, на привале, на отдыхе, летним вечером, в Жигулях, где-нибудь под зелёной горой поразложим, бывалоче, костры – кашицу варить, да как заведёт горевой бурлак сердечную песню, да как вступится, грянет вся артель, аж мороз по коже дернёт, и будто Волга вся быстрей пойдёт, – так бы, чай,

конём и встала на дыбы, до самых облаков! И всякое горе – как пыль по ветру; до того люди запевались, что, бывало, и каша вон из котла бежит; тут кашевара по лбу половником надо бить: играй, как хошь, а дело помни!

Вопросы и задания

1. Опишите начало жизни Алёши в Нижнем Новгороде.

2. Почему первое наказание так прочно сохранилось в памяти Алёши?

3. Как вы думаете, какие сказки или истории могла рассказывать бабушка внуку? Напомним, что внуку было чуть более четырёх лет.

4. Как вы восприняли описание сцены порки Саши и Алёши? Удивила ли вас сама сцена?

1. Почему писатель стремился отобразить жизнь, наполненную «горячим туманом взаимной вражды»?

2. Как рассказы деда преобразили его облик в представлении Алёши?

3. Какие художественные приёмы любит, как вам кажется, использовать Горький при описании пейзажа?

1. Попробуйте дать оценку деду Алёши. Какое отношение вызвал он у внука? Какое – у вас?

2. В 2004 году парламент Англии обсуждал вопрос о том, можно ли родителям пороть детей. Как бы вы решили этот вопрос?

3. Расскажите о труде бурлаков. При подготовке этого рассказа используйте картину И. Е. Репина «Бурлаки на Волге».

4. Что отличает, по вашему мнению, то, что рассказывала внуку бабушка, и то, что рассказал ему дед? Попробуйте свои силы в одном из этих рассказов.

Александр Степанович Грин (1880–1932)

Писатель Александр Грин (Гриневский) – один из самых больших фантазёров русской литературы XX века. Ему принадлежат повести «Алые паруса», «Бегущая по волнам», «Сердце пустыни».

Александр Грин очень любил таинственные события и загадочные истории. Но особенно любил он рассказывать о героях, которые отличались благородством души и смелостью. Он умел показать, как рядом с ними даже маленькие дети становятся более решительными и способными на смелые поступки, что и они способны на привязанность к своим близким.

Гнев отца

Накануне возвращения Беринга[36] из долгого путешествия его сын, маленький Том Беринг, подвергся нападению тётки Корнелии и её мужа, дяди Карла.

Том пускал в мрачной библиотеке цветные мыльные пузыри. За ним числились преступления более значительные, например, дырка на жёлтой портьере, сделанная зажигательным стеклом, рассматривание картинок в «Декамероне», драка с сыном соседа, – но мыльные пузыри особенно взволновали Корнелию. Просторный чопорный дом не выносил легкомыслия, и дядя Карл торжественно отнял у мальчика блюдце с пеной, а тётя Корнелия – стеклянную трубочку.

Корнелия долго пророчила Тому страшную судьбу проказников: сделаться преступником или бродягой – и, окончив выговор, сказала:

– Страшись гнева отца! Как только приедет брат, я безжалостно расскажу ему о твоих поступках, и его гнев всей тяжестью обрушится на тебя.

Дядя Карл нагнулся, подбоченившись, и прибавил:

– Его гнев будет ужасен!

Когда они ушли, Том забился в большое кресло и попытался представить, что его ожидает. Правда, Карл и Корнелия выражались всегда высокопарно, но неоднократное упоминание о «гневе отца» сильно смущало Тома. Спросить тётку или дядю о том, что такое гнев, – значило бы показать, что он струсил. Том не хотел доставить им этого удовольствия.

Подумав, Том слез с кресла и с достоинством направился в

сад, мечтая узнать кое-что от встреченных людей.

В тени дуба лежал Оскар Мунк, литератор, родственник Корнелии, читая газету.

Том приблизился к нему бесшумным индейским шагом и вскричал:

– Хуг!

Мунк отложил газету, обнял мальчика за колени и притянул к себе.

– Все спокойно на Ориноко, – сказал он. – Гуроны преступили в прерию.

Но Том опечалился и не поддался игре.

– Не знаете ли вы, кто такой гнев? – мрачно спросил он. – Никому не говорите, что я говорил с вами о гневе.

– Гнев?

– Да, гнев отца. Отец приезжает завтра. С ним приедет гнев. Тётя будет сплетничать, что я пускал пузыри и прожёг дырку. Дырка была маленькая, но я… не хочу, чтобы гнев узнал.

– Ах, так! – сказал Мунк с диким и непонятным для Тома хохотом, который заставил мальчика отступить на три шага. – Да, гнев твоего отца выглядит неважно. Чудовище, каких мало. У него четыре руки и четыре ноги. Здорово бегает! Глаза косые. Неприятная личность. Жуткое существо.

Том затосковал и попятился, с недоумением рассматривая Мунка, так весело описывающего страшное существо. У него пропала охота расспрашивать кого-либо ещё, и он некоторое время задумчиво бродил по аллеям, пока не увидел девочку из соседнего дома, восьмилетнюю Молли; он побежал к ней, чтобы пожаловаться на свои несчастья, но Молли, увидев Тома, пустилась бегом прочь, так как ей было запрещено играть с ним после совместного пускания стрел в стёкла оранжереи. Зачинщиком, как всегда в таких случаях, считался Том, хотя на этот раз сама Молли подговорила его «попробовать» попасть в раму.

Движимый чувством привязанности и благоговения к тоненькому кудрявому существу, Том бросился напрямик сквозь кусты, расцарапал лицо, но не догнал девочку и, вытерев слёзы обиды, пошёл домой.

Горничная, накрыв к завтраку стол, ушла. Том заметил большой графин с золотистым вином и вспомнил, что капитан Кидд (из книги «Береговые пираты») должен был пить ром на необитаемом острове, в совершенном и отвратительном одиночестве.

Том очень любил Кидда, а потому, влезши на стол, налил стакан вина, пробормотав:

– За ваше здоровье, капитан. Я прибыл на пароходе спасти вас. Не бойтесь, мы найдём вашу дочь.

Едва Том отхлебнул из стакана, как вошла Корнелия, сняла пьяницу со стола и молча, но добросовестно шлёпнула три раза по тому самому месту. Затем раздался крик взбешённой старухи, и, вырвавшись из её рук, преступник бежал в сад, где укрылся под полом деревянной беседки.

Он сознавал, что погиб. Вся его надежда была на заступничество отца перед гневом.

О своём отце Том помнил лишь, что у него чёрные усы и тёплая большая рука, в которой целиком скрывалось лицо Тома. Матери он не помнил.

Он сидел и вздыхал, стараясь представить, что произойдёт, когда из клетки выпустят гнев.

По мнению Тома, клетка была необходима для чудовища. Он вытащил из угла лук с двумя стрелами, которые смастерил сам, но усомнился в достаточности такого оружия. Воспрянув духом, Том вылез из-под беседки и крадучись проник через террасу в кабинет дяди Карла. Там на стене висели пистолеты и ружья.

Том знал, что они не заряжены, так как говорилось об этом множество раз, но он надеялся выкрасть пороху у сына садовника. Пулей мог служить камешек. Едва Том вскарабкался на спинку дивана и начал снимать огромный пистолет с медным стволом, как вошёл дядя Карл и, свистнув от удивления, ухватил мальчика жёсткими пальцами за затылок. Том вырвался, упал с дивана и ушиб колено.

Он встал, прихрамывая, и, опустив голову, угрюмо уставился на огромные башмаки дяди.

– Скажи, Том, – начал дядя, – достойно ли тебя, сына Гаральда Беринга, тайком проникать в этот не знавший никогда скандалов кабинет с целью кражи? Подумал ли ты о своём поступке?

– Я думал, – сказал Том. – Мне, дядя, нужен был пистолет. Я не хочу сдаваться без боя. Ваш гнев, который приедет с отцом, возьмёт меня только мёртвым. Живой я не поддамся ему.

Дядя Карл помолчал, издал звук, похожий на сдавленное мычание, и стал к окну, где начал набивать трубку. Когда он кончил это занятие и повернулся, его лицо чем-то напоминало выражение лица Мунка.

– Я тебя запру здесь и оставлю без завтрака, – сказал дядя Карл, спокойно останавливаясь в дверях кабинета. – Оставайся и слушай, как щёлкнет ключ, когда я закрою дверь. Так же щёлкают зубы гнева. Не смей ничего трогать.

С тем он вышел и, два раза щёлкнув ключом, вынул его и

положил в карман.

Тотчас Том прильнул глазами к замочной скважине. Увидев, что дядя скрылся за поворотом, Том открыл окно, вылез на крышу постройки и спрыгнул с неё на цветник, подмяв куст цинний. Им двигало холодное отчаяние погибшего существа. Он хотел пойти в лес, вырыть землянку и жить там, питаясь ягодами и цветами, пока не удастся отыскать клад с золотом и оружием.

Так размышляя, Том скользил около ограды и увидел сквозь решётку автомобиль, несущийся по шоссе к дому дяди Карла. В экипаже рядом с пожилым черноусым человеком сидела белокурая молодая женщина. За этим автомобилем мчался второй автомобиль, нагруженный ящиками и чемоданами.

Едва Том рассмотрел всё это, как автомобили завернули к подъезду, и шум езды прекратился.

Смутное воспоминание о большой руке, в которой пряталось всё его лицо, заставило мальчика остановиться, а затем стремглав мчаться домой. «Неужели это мой отец?» – думал он, пробегая напрямик по клумбам, забыв о бегстве из кабинета, с жаждой утешения и пощады.

С заднего входа Том пробрался через все комнаты в переднюю, и сомнения его исчезли. Корнелия, Карл, Мунк, горничная и мужская прислуга – все были здесь, все суетились вокруг высокого человека с чёрными усами и его спутницы.

– Да, я выехал днём раньше, – говорил Беринг, – чтобы скорее увидеть мальчика. Но где он? Не вижу его.

– Я приведу его, – сказал Карл.

– Я пришёл сам, – сказал Том, протискиваясь между Корнелией и толстой служанкой.

Беринг прищурился, коротко вздохнул и, подняв сына, поцеловал его в расцарапанную щёку.

Дядя Карл вытаращил глаза.

– Но ведь ты был наказан! Был заперт!

– Сегодня он амнистирован, – заявил Беринг, подведя мальчика к молодой женщине.

«Не это ли его гнев? – подумал Том. – Едва ли. Не похоже».

– Она будет твоя мать, – сказал Беринг. – Будьте матерью этому дурачку, Кэт.

– Мы будем с тобой играть, – шепнул на ухо Тома тёплый щекочущий голос.

Он ухватился за её руку и, веря отцу, посмотрел в её синие большие глаза. Все это никак не напоминало Карла и Корнелию. К тому же завтрак был обеспечен.

Его затормошили и повели умываться. Однако на сердце у Тома не было достаточного спокойствия потому, что он хорошо

знал как Карла, так и Корнелию. Они всегда держали свои обещания и теперь, несомненно, вошли в сношения с гневом. Воспользовавшись тем, что горничная отправилась переменить полотенце, Том бросился к комнате, которая, как он знал, была приготовлена для его отца.

Том знал, что гнев там. Он заперт, сидит тихо и ждет, когда его выпустят.

Прильнув к замочной скважине, Том никого не увидел. На полу лежали связки ковров, меха, стояли закутанные в циновки ящики. Несколько сундуков – среди них два с откинутыми к стене крышками – непривычно изменяли вид большого помещения, обставленного с чопорной тяжеловесностью спокойной и неподвижной жизни.

Страшась своих дел, но изнемогая от желания снять давящую сердце тяжесть, Том потянул дверь и вошёл в комнату. К его облегчению, на кровати лежал настоящий револьвер. Ничего не понимая в револьверах, зная лишь по книгам, где нужно нажать, чтобы выстрелило, Том схватил браунинг, и, держа его в вытянутой руке, осмелясь, подступил к раскрытому сундуку.

Тогда он увидел гнев.

Высотой четверти в две, белое четырёхрукое чудовище озлило на него из сундука страшные, косые глаза.

Том вскрикнул и нажал там, где нужно было нажать.

Сундук как бы взорвался. Оттуда свистнули черепки, лязгнув по окну и столам. Том сел на пол, сжимая не устающий палить револьвер, и, отшвырнув его, бросился, рыдая, к бледному, как бумага, Берингу, вбежавшему вместе с Карлом и Корнелией.

– Я убил твой гнев! – кричал он в восторге и потрясении. – Я его застрелил! Он не может теперь никогда трогать! Я ничего не сделал! Я прожёг дырку, и я пил ром с Киддом, но я не хотел гнева!

– Успокойся, Том, – сказал Беринг, со вздохом облегчения сжимая трепещущее тело сына. – Я всё знаю. Мой маленький Том… бедная, живая душа!

Вопросы и задания

1. Почему сын очень хотел поскорее увидеть своего отца?

2. Как произошла их встреча?

3. Как получилось, что Том неверно понял слово «гнев»?

4. Как Том пытался выяснить, что же за существо – «гнев отца»?

5. Оцените поступок Мунка, родственника Корнелии,

который понял ошибку Тома, но не помог ему.

6. Какое решение принял Том, чтобы спастись от «гнева отца»?

7. Чем завершилась история с таинственным «гневом»?

⏩**1.** Как объяснить причину, по которой Том не понял, что такое «гнев отца»? Почему «гнев отца» представлялся сыну таким ужасным?

2. Как называется художественный приём, при котором одно понятие заменяется другим?

3. Вспомните случаи, когда вам или героям книг мешало непонятное слово.

⏩⏩**1.** Как представлял себе «гнев отца» герой рассказа и когда он понял, что ошибался? Опишите «гнев отца», как вы его себе представляете.

2. Как ошибка маленького сына вызывает пробуждение нежности, тёплых чувств у сурового отца?

3. Сочините рассказ о том, какая ситуация может возникнуть из-за неверно понятого слова.

Константин Георгиевич Паустовский (1892–1968)

К. Г. Паустовский знаком вам по многим произведениям. Кроме сказок, увлекательных повестей он также написал очень большое автобиографическое произведение, которое назвал «Повесть о жизни». Наверное, тут слово «повесть» не столько определяет жанр произведения, так как состоит оно из нескольких томов, сколько подчёркивает, что автор ведёт рассказ о своей жизни и о жизни многих и многих других людей. Обратим внимание на название – это не «Повесть о моей жизни», а именно «Повесть о жизни».

Когда-то в журнале «Современник» было напечатано «Детство» Л. Н. Толстого под названием, которого автор не давал: «История моего детства». Писатель был очень недоволен такой заменой, и во всех остальных изданиях было напечатано «Детство». Так оба автора хотели показать, что речь в их повествовании идёт не только об их детстве, но и о детстве многих людей, что их произведение должно помочь увидеть жизнь не одного человека, а, может быть, целого поколения.

В произведениях Паустовского, повествующих о юности, введено много размышлений взрослого человека. В главах, которые вы прочитаете, главное – рассказ о гардемарине, его мечте о море, рассказ об увлечении южной природой. Здесь вам встретится много слов, которые нужно поискать в словаре. Подумайте, зачем появились в этом автобиографическом повествовании такие слова, как *азимут, гардемарин, корвет*… А как объяснить названия глав, которые дал автор?

Повесть о жизни. *Фрагменты*

Гардемарин

…Однажды весной я сидел в Мариинском парке и читал «Остров сокровищ» Стивенсона. Сестра Галя сидела рядом и тоже читала. Её летняя шляпа с зелёными лентами лежала на скамейке. Ветер шевелил ленты.

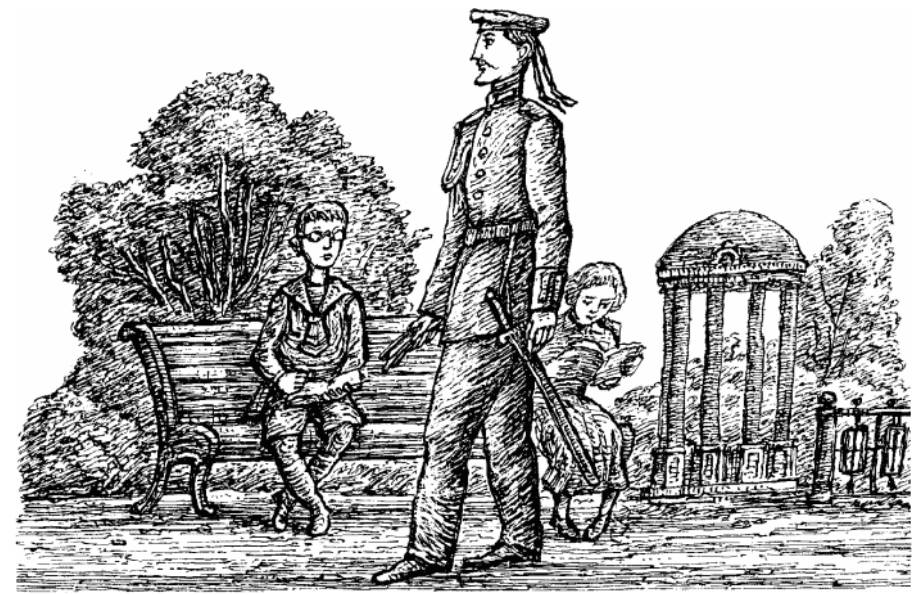
Галя была близорукая, очень доверчивая, и вывести её из добродушного состояния было почти невозможно.

Утром прошёл дождь, но сейчас над нами блистало чистое небо весны. Только с сирени слетали запоздалые капли дождя.

Девочка с бантами в волосах остановилась против нас и начала прыгать через верёвочку. Она мне мешала читать. Я потряс сирень. Маленький дождь шумно просыпался на девочку и на Галю. Девочка показала мне язык и убежала, а Галя стряхнула с книги капли дождя и продолжала читать.

И вот в эту минуту я увидел человека, который надолго отравил меня мечтами о несбыточном моём будущем.

По аллее легко шёл высокий гардемарин с загорелым спокойным лицом. Прямой чёрный палаш висел у него на лакированном поясе. Чёрные ленточки с бронзовыми якорями развевались от тихого ветра. Он был весь в чёрном. Только яркое золото нашивок оттеняло его строгую форму.



В сухопутном Киеве, где мы почти не видели моряков, это был пришелец из далёкого легендарного мира крылатых кораблей, фрегата «Паллада», из мира всех океанов, морей, всех портовых городов, всех ветров и всех очарований, какие связаны были с живописным трудом мореплавателей. Старинный палаш с чёрным эфесом как будто появился в Мариинском парке со страниц Стивенсона.

Гардемарин прошёл мимо, хрустя по песку. Я поднялся и пошёл за ним. Галя по близорукости не заметила моего исчезновения.

Вся моя мечта о море воплотилась в этом человеке. Я часто воображал себе моря, туманные и золотые от вечернего штиля, далёкие плаванья, когда весь мир сменяется, как быстрый калейдоскоп, за стёклами иллюминатора. Боже мой, если бы кто-

нибудь догадался подарить мне хотя бы кусок окаменелой ржавчины, отбитой от старого якоря! Я бы хранил его, как драгоценность.

Гардемарин оглянулся. На чёрной ленточке его бескозырки я прочитал загадочное слово: «Азимут». Позже я узнал, что так назывался учебный корабль Балтийского флота.

Я шёл за ним по Елизаветинской улице, потом по Институтской и Николаевской. Гардемарин изящно и небрежно отдавал честь пехотным офицерам. Мне было стыдно перед ним за этих мешковатых киевских вояк.

Несколько раз гардемарин оглядывался, а на углу Меринговской остановился и подозвал меня.

– Мальчик, – спросил он насмешливо, – почему вы тащитесь за мной на буксире?

Я покраснел и ничего не ответил.

– Всё ясно: он мечтает быть моряком, – догадался гардемарин, говоря почему-то обо мне в третьем лице.

– Я близорукий, – ответил я упавшим голосом.

Гардемарин положил мне на плечо худую руку:

– Дойдём до Крещатика.

Мы пошли рядом. Я боялся поднять глаза и видел только начищенные до невероятного блеска крепкие ботинки гардемарина.

На Крещатике гардемарин зашёл со мной в кофейную Семадени, заказал две порции фисташкового мороженого и два стакана воды.

…Мы молча съели мороженое. Гардемарин достал из бумажника фотографию великолепного корвета с парусной оснасткой и широкой трубой и протянул мне:

– Возьмите на память. Это мой корабль. Я ходил на нём в Ливерпуль.

Он крепко пожал мне руку и ушёл. Я посидел ещё немного, пока на меня не начали оглядываться потные соседи в канотье[37]. Тогда я неловко вышел и побежал в Мариинский парк. Скамейка была пуста. Галя ушла. Я догадался, что гардемарин меня пожалел, и впервые узнал, что жалость оставляет в душе горький осадок.

После этой встречи желание сделаться моряком мучило меня много лет. Я рвался к морю. Первый раз я видел его мельком в Новороссийске, куда ездил на несколько дней с отцом. Но этого было недостаточно.

Часами я просиживал над атласом, рассматривал побережья океанов, выискивал неизвестные приморские городки, мысы, острова, устья рек.

Я придумал сложную игру. Я составил длинный список пароходов со звучными именами: «Полярная звезда», «Вальтер Скотт», «Хинган», «Сириус». Список этот разбухал с каждым днём. Я был владельцем самого большого флота в мире.

…Я придумал список удивительных рейсов для своих пароходов. Не было самого забытого уголка земли, куда бы они не заходили. Они посещали даже остров Тристан-да-Кунью.

Я снимал пароходы с одного рейса и посылал на другой. Я следил за плаваньем своих кораблей.

Для того чтобы руководить таким обширным пароходным предприятием, мне понадобилось много знаний. Я зачитывался путеводителями, судовыми справочниками и всем, что имело хотя бы отдалённое касательство к морю.

…Всё окончилось тем, что родители решили поехать всей семьёй на лето к морю.

Теперь я догадываюсь, что мама надеялась вылечить меня этой поездкой от чрезмерного увлечения морем. Она думала, что я буду, как это всегда бывает, разочарован от непосредственного столкновения с тем, к чему я так страстно стремился в мечтах. И она была права, но только отчасти.

Вопросы и задания

▸**1.** В какой момент герой впервые увидел гардемарина?

2. Как произошла их встреча? Чем завершилась?

▸▸Какие «морские» термины использованы в этой главе?

▸▸▸**1.** Опишите игру, которую придумал герой после встречи с гардемарином.

2. Каких знаний требовала придуманная им игра?

Как выглядит рай

Однажды мама торжественно объявила, что на днях мы на всё лето уезжаем на Чёрное море, в маленький городок Геленджик, вблизи Новороссийска.

Нельзя было, пожалуй, выбрать лучшего места, чем Геленджик, для того чтобы разочаровать меня в моём увлечении морем и югом.

Геленджик был тогда очень пыльным и жарким городком без всякой растительности. Вся зелень на много километров вокруг была уничтожена жёстокими новороссийскими ветрами – норд-остами. Только колючие кусты держидерева и чахлая акация с

жёлтыми сухими цветочками росли в палисадниках. От высоких гор тянуло зноем. В конце бухты дымил цементный завод.

Но геленджикская бухта была очень хороша. В прозрачной и тёплой её воде плавали, как розовые и голубые цветы, большие медузы. На песчаном дне лежали пятнистые камбалы и пучеглазые бычки. Прибой выбрасывал на берег красные водоросли, гнилые поплавки-балберки от рыбачьих сетей и обкатанные волнами куски тёмно-зелёных бутылок.

Море после Геленджика не потеряло для меня своей прелести. Оно сделалось только более простым и тем самым более прекрасным, чем в моих нарядных мечтах.

В Геленджике я подружился с пожилым лодочником Анастасом. Он был грек, родом из города Воло. У него была новая парусная шлюпка, белая, с красным килем и вымытым до седины решётчатым настилом.

Анастас катал на шлюпке дачников. Он славился ловкостью и хладнокровием, и мама иногда отпускала меня одного с Анастасом.

Однажды Анастас вышел со мной из бухты в открытое море. Я никогда не забуду того ужаса и восторга, какие я испытал, когда парус, надувшись, накренил шлюпку так низко, что вода понеслась на уровне борта. Шумящие огромные валы покатились навстречу, просвечивая зеленью и обдавая лицо солёной пылью.

Я схватился за ванты[38], мне хотелось обратно на берег, но Анастас, зажав трубку зубами, что-то мурлыкал, а потом спросил:

– Почём твоя мама отдала за эти чувяки? Ай, хороши чувяки!

Он кивнул на мои мягкие кавказские туфли – чувяки. Ноги мои дрожали. Я ничего не ответил. Анастас зевнул и сказал:

– Ничего! Маленький душ, тёплый душ. Обедать будешь с аппетитом. Не надо будет просить – скушай за папу-маму!

Он небрежно, но уверенно повернул шлюпку. Она зачерпнула воду, и мы помчались в бухту, ныряя и выскакивая на гребни волн. Они уходили из-под кормы с грозным шумом. Сердце у меня падало и обмирало.

Неожиданно Анастас запел. Я перестал дрожать.

…Под эту песню мы спустили парус и с разгона быстро подошли к пристани, где ждала бледная мама. Анастас поднял меня на руки, поставил на пристань и сказал:

– Теперь он у вас солёный, мадам. Уже имеет к морю привычку.

Однажды отец нанял линейку, и мы поехали из Геленджика на Михайловский перевал.

Сначала щебенчатая дорога шла по склону голых и пыльных гор. Мы проезжали мосты через овраги, где не было ни капли

воды. На горах весь день лежали, зацепившись за вершины, одни и те же облака из серой сухой ваты.

Мне хотелось пить. Рыжий извозчик-казак оборачивался и говорил, чтобы я повременил до перевала, – там я напьюсь вкусной и холодной воды. Но я не верил извозчику. Сухость гор и отсутствие воды пугали меня.

…Дорога подымалась всё выше. Вдруг в лицо нам потянуло свежестью.

– Самый перевал! – сказал извозчик, остановил лошадей, слез и подложил под колёса железные тормоза.

С гребня горы мы увидели огромные и густые леса. Они волнами тянулись по горам до горизонта. Кое-где из зелени торчали красные гранитные утёсы, а вдали я увидел вершину, горевшую льдом и снегом.

– Норд-ост сюда не достигает, – сказал извозчик. – Тут рай!

Линейка начала спускаться. Тотчас густая тень накрыла нас. Мы услышали в непролазной чаще деревьев журчание воды, свист птиц и шелест листвы, взволнованной полуденным ветром.

Чем ниже мы спускались, тем гуще делался лес и тенистее дорога. Прозрачный ручей уже бежал по её обочине. Он перемывал разноцветные камни, задевал своей струёй лиловые цветы и заставлял их кланяться и дрожать, но не мог оторвать от каменистой земли и унести с собою вниз, в ущелье.

Мама набрала воды из ручья в кружку и дала мне напиться. Вода была такая холодная, что кружка тотчас покрылась потом.

– Пахнет озоном, – сказал отец.

Я глубоко вздохнул. Я не знал, чем пахло вокруг, но мне казалось, что меня завалили ворохом веток, смоченных душистым дождём.

Лианы цеплялись за наши головы. И то тут, то там на откосах дороги высовывался из-за камня какой-нибудь мохнатый цветок и с любопытством смотрел на нашу линейку и на серых лошадей, задравших головы и выступавших торжественно, как на параде, чтобы не сорваться вскачь и не раскатить линейку.

– Вон ящерица! – сказала мама.

– Где?

– Вон там. Видишь орешник? А налево – красный камень в траве. Смотри выше. Видишь жёлтый венчик? Это азалия. Чуть правее азалии, на поваленном буке, около самого корня. Вон, видишь такой мохнатый рыжий корень в сухой земле и каких-то крошечных синих цветах? Так вот, рядом с ним.

Я увидел ящерицу. Но пока я её нашёл, я проделал чудесное путешествие по орешнику, красному камню, цветку азалии и поваленному буку.

«Так вот он какой, Кавказ!» – подумал я.

– Тут рай! – повторил извозчик, сворачивая с шоссе на травянистую узкую просеку в лесу. – Сейчас распряжём коней, будем купаться.

Мы въехали в такую чащу, и ветки так били нас по лицу, что пришлось остановить лошадей, слезть с линейки и идти дальше пешком. Линейка медленно ехала следом за нами.

Мы вышли на поляну в зелёном ущелье. Как белые острова, стояли в сочной траве толпы высоких одуванчиков. Под густыми буками мы увидели старый пустой сарай. Он стоял на берегу шумной горной речонки. Она туго переливала через камни прозрачную воду, шипела и уволакивала вместе с водой множество воздушных пузырей.

Пока извозчик распрягал и ходил с отцом за хворостом для костра, мы умылись в реке. Лица наши после умывания горели жаром.

Мы хотели тотчас идти вверх по реке, но мама расстелила на траве скатерть, достала провизию и сказала, что, пока мы не поедим, она никуда нас не пустит.

…Извозчик сказал, что надо быть настороже, потому что в лесу много диких кабанов. Он объяснил нам, что если мы увидим вырытые в земле маленькие ямы, то это и есть места, где кабаны спят по ночам.

Мама заволновалась – идти с нами она не могла, у неё была одышка, – но извозчик успокоил её, заметив, что кабана нужно нарочно раздразнить, чтобы он бросился на человека.

Мы ушли вверх по реке. Мы продирались сквозь чащу, поминутно останавливались и звали друг друга, чтобы показать гранитные бассейны, выбитые рекой, – в них синими искрами проносилась форель, – огромных зелёных жуков с длинными усами, пенистые ворчливые водопады, хвощи выше нашего роста, заросли лесной анемоны и полянки с пионами.

…Отец ушёл вперёд. Он начал звать нас. Мы пробрались к нему сквозь крушину, обходя огромные мшистые валуны.

Отец стоял около странного сооружения, заросшего ежевикой. Четыре гладко обтёсанных исполинских камня были накрыты, как крышей, пятым обтёсанным камнем. Получался каменный дом. В одном из боковых камней было пробито отверстие, но такое маленькое, что даже я не мог в него пролезть. Вокруг было несколько таких каменных построек.

– Это долмены, – сказал отец. – Древние могильники скифов. А может быть, это вовсе и не могильники. До сих пор учёные не могут узнать, кто, для чего и как строил эти долмены.

Я был уверен, что долмены – это жилища давно вымерших

карликовых людей. Но я не сказал об этом отцу, так как с нами был Боря; он поднял бы меня на смех.

В Геленджик мы возвращались совершенно сожжённые солнцем, пьяные от усталости и лесного воздуха. Я уснул и сквозь сон почувствовал, как на меня дохнуло жаром, и услышал отдалённый ропот моря.

С тех пор я сделался в своем воображении владельцем ещё одной великолепной страны – Кавказа. Началось увлечение Лермонтовым, абреками, Шамилем. Мама опять встревожилась.

Сейчас, в зрелом возрасте, я с благодарностью вспоминаю о детских своих увлечениях. Они научили меня многому.

Вопросы и задания

▸**1.** Почему эта глава названа главой о рае?

2. Кто назвал раем горы? Как вы объясните это утверждение возчика?

3. Почему море не потеряло своей прелести для героя и тогда, когда он увидел красоту природы гор?

▸▸**1.** Какие приметы поляны в «зелёном ущелье» вы заметили?

2. Что нового узнал о жизни леса юный путешественник?

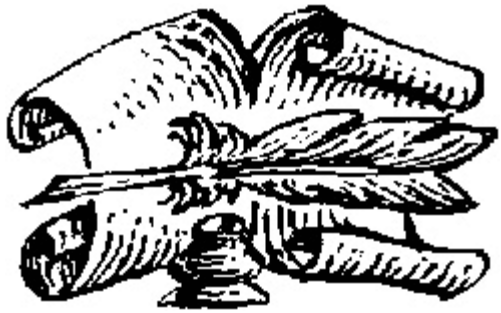
3. Как вы объясните, почему в главе о рае две части?

▸▸▸**1.** Как вы поняли суждение автора: «С тех пор я сделался в своём воображении владельцем ещё одной великолепной страны – Кавказа»?

2. Подготовьте свой рассказ об одной из «великолепных стран», которыми владел рассказчик.

3. Есть ли и у вас в распоряжении своя «великолепная страна»? Расскажите о ней.

Читатель-подросток и мир вокруг. Ещё раз о герое произведения – читателе



Каждая книга расширяет мир вокруг нас. Мы становимся, как герой повести Паустовского, хозяевами новых миров и новых отношений. Для героя автобиографической повести Паустовского было ясно, что он овладел просторами моря и прибрежных гор. Для каждого из вас мир, которым вы овладеваете, – свой и для каждого, наверное, иной. Представьте себе, какими мирами помогли вам овладеть книги, которые вы уже успели прочитать.

Фазиль Абдулович Искандер (Родился в 1929 году)

Фазиль Искандер создал много замечательных произведений. Среди них есть цикл рассказов о вашем ровеснике – мальчике Чике. Хотя книга называется «Детство Чика», в ней следуют друг за другом детство и отрочество. О ранних годах жизни пишет он и в своём большом романе «Сандро из Чегема», называя последнюю его главу «Дерево детства».

В одном из рассказов книги «Детство Чика» мы читаем: «Чик сидел на вершине груши, росшей у них в огороде. Он сидел на своём любимом месте. Здесь несколько виноградных плетей, вытянутых между двумя ветками груши, образовывали пружинистое ложе, на котором можно было сидеть или возлежать в зависимости от того, что тебе сейчас охота. Охота сидеть – сиди и поклёвывай виноградины, охота лежать – лежи и только вытягивай руки, чтобы срывать виноградные кисти или груши. Чик очень любил это место…»

В этом рассказе мы видим досуг Чика. Как вы восприняли имя героя? Не уловили ли вы особый смысл суффикса в слове «мальчик»? Вот и подумайте, почему герой – мальчик. Почему он рос в городе Мухус? А не Сухум ли это?

Но Чик не только сидит на дереве. Ему близки и другие увлечения, и другие занятия. Об одном из них вы прочитаете в рассказе «Чик и Пушкин».

Детство Чика. *В сокращении*

Чик и Пушкин

Детство верит, что всё будет вечно: и мама, и солнце, и мир, и любимая учительница…

В назначенное время Чик пришёл в пионерскую комнату. Там уже собралось человек десять мальчиков и девочек из других классов. Они были ровесники Чика или чуть постарше.

Евгений Дмитриевич объяснил ребятам, что школе предстоит подготовить к городской олимпиаде постановку по произведению Пушкина «Сказка о попе и о работнике его Балде».

Теперь для проверки способностей он давал мальчикам и девочкам прочитать кусочек из этой сказки. Мальчики и девочки стали читать. Многие из них, особенно девочки, ужасно

волновались, сучили ногами или неожиданно всплёскивали руками. Видимо, от волнения они, начиная читать, путали слова, заикались, а уж о громогласности и говорить было нечего. С громогласностью было совсем плохо. Шептуны какие-то.

Когда дело дошло до Чика, он спокойно прочитал заданный кусок. Читал с лёгким утробным гудением, что должно было означать наличие неимоверных голосовых сил, которые пока сдерживаются дисциплиной и скромностью чтеца.

– Вот ты и будешь Балдой, – клекотнул Евгений Дмитриевич.

Чик ничего другого и не ожидал.

После нескольких репетиций Чик вдруг почувствовал, что роль Балды ему смертельно надоела. Честно говоря, Чику и раньше эта сказка не очень нравилась. Но он об этом подзабыл. А сейчас она и вовсе потускнела в его глазах.

И чем больше они репетировали, тем больше Чик понимал, что никак не может ощутить себя Балдой. Какое-то чувство внутри него оказывалось сильнее желания войти в образ. Это чувство с каким-то уличающим презрением к его фальшивым попыткам войти в образ преследовало его на каждом шагу.

Пока ещё разучивали текст, громогласность и лёгкость чтения давали Чику некоторые преимущества над остальными ребятами. Но потом, когда все стали разыгрывать свои роли, Чик почувствовал бездарность своего исполнения, однако всё ещё преувеличивал достоинство своей громогласности.

Чтобы оправдать перед самим собой свою плохую игру, Чик стал замечать всё больше и больше недостатков в образе самого Балды. Так, Чика раздражал грубый и наивный обман, когда Балда, вместо того чтобы тащить кобылу, сел на неё верхом и поехал.

Казалось, каждый дурак, тем более бес, хотя он и бесёнок, мог догадаться об этом. А то, что бесёнку пришлось подлезать под кобылу, Чик находил подлым и жестоким. Да и вообще мирные черти, вынужденные платить людям ничем не заслуженный оброк, почему-то были Чику приятней самоуверенного Балды.

А между прочим, Жора Куркулия всё время приходил на репетиции и уже стал как-то необходим. Он первым бросался отодвигать столы и стулья, чтобы очистить место для сцены, открывал и закрывал окна, иногда бегал за папиросами для Евгения Дмитриевича.

Жора стал вроде завхоза маленькой труппы. К тому же оказалось, что он по воскресеньям ездит домой к себе в деревню и привозит оттуда великолепные груши «дюшес». Он приносил на репетицию сумку с грушами и всех угощал.

Евгений Дмитриевич тоже охотно ел сочные груши, вытянув длинную шею, чтобы не закапать костюм.

Однажды, когда ребята уже репетировали в костюмах, Евгений Дмитриевич предложил Жоре роль задних ног лошади. Жора расплылся от удовольствия.

Лошадь была сделана из твёрдого картона, выкрашенного в рыжий цвет. Внутри лошади помещались два мальчика, один спереди, другой сзади. Первый просовывал свою голову в голову лошади и выглядывал оттуда через глазные дырочки. Голова лошади была прикреплена на винтах к туловищу, так что лошадь довольно легко могла двигать головой, и получалось это естественно, потому что и шея и винты были скрыты под густой гривой.

Первый мальчик должен был ржать, качать головой и указывать направление всему туловищу, потому что там, сзади, второй мальчик находился почти в полной темноте. У него была единственная обязанность – оживлять лошадь игрой хвоста, к репице которого изнутри была прикреплена деревянная ручка. Тряхнул ручкой – лошадь тряхнула хвостом. Оба мальчика соответственно играли передние и задние ноги лошади.

Жора Куркулия получил свою роль после того, как Евгений Дмитриевич несколько раз пытался показать мальчику, играющему задние ноги, как выбивать звук галопирующих копыт. У мальчика никак не получался этот звук. Вернее, когда он вылезал из-под крупа лошади, звук кое-как получался, а под лошадью он как-то сбивался.

– Вот так надо, – вдруг не выдержал Жора Куркулия и без всякого приглашения выскочил и, топоча своими толстенькими ногами, довольно точно изобразил галопирующую лошадь.

Этот звук, издаваемый ногами Жоры, очень понравился Евгению Дмитриевичу. Он пытался заставить мальчика, игравшего задние ноги лошади, перенять этот звук, но тот никак не мог его перенять. После каждой его попытки Жора выходил и точным топотанием изображал галоп. При этом он, подобно чечёточникам, сам прислушивался к мелодии топота и призывал этого мальчика прислушаться и перенять. У мальчика получалось гораздо хуже, и Евгений Дмитриевич поставил Жору на его место.

На одной из следующих репетиций вдруг из-под задней части лошадиного брюха без всякой на то причины Куркулия издал радостное ржание.

А Евгения Дмитриевича это ржание привело в восторг. Он немедленно извлёк Жору из-под лошади и заставил его несколько раз заржать. Особенно понравилось Евгению Дмитриевичу, что ржание его кончалось храпцем, и в самом деле очень похожим на звук, которым лошадь заканчивает ржание.

– Всё понимает, чертёнок, – повторил Евгений Дмитриевич, с наслаждением слушая Жору.

Разумеется, он тут же стал требовать от мальчика, игравшего передние ноги лошади, чтобы тот перенял это ржание. После нескольких унылых попыток этого мальчика, видимо, сразу же ошеломлённого предательским ржанием задней части лошади, Евгений Дмитриевич махнул на него рукой и поставил Жору Куркулия на его место. Хотя толстые ноги Жоры больше подходили к задним ногам лошади, пришлось пожертвовать этим небольшим правдоподобием ради правильного расположения

источника ржания. Репетиции продолжались…

– Одевайся, Куркулия, – вдруг клекотнул Евгений Дмитриевич и, взглянув на Чика, как бы не замечая облика Балды, а видя только Чика, добавил: – А ты будешь на его месте играть лошадь.

Чик стал раздеваться. И хотя до этого он не испытывал от своей роли никакой радости, он вдруг почувствовал, что глубоко оскорблён и обижен. Обида была так глубока, что он не стал протестовать против роли лошади. Если бы он стал протестовать, всем стало бы ясно, что он очень обижен.

Чик старался не выдавать своего состояния. Жора Куркулия быстро оделся, подхватил негнущуюся верёвку, крепко тряхнул ею, как бы пригрозив сделать её в ближайшее время гнущейся, и предстал перед Евгением Дмитриевичем этаким ловким, подтянутым мужичком.

– Молодец! – клекотнул Евгений Дмитриевич.

Не прошло и получаса со времени появления Чика на репетиции, а Куркулия уже верхом на нём и своём бывшем напарнике галопировал по комнате. В довершение всего напарник этот, раньше игравший роль передних ног, теперь запросился на своё старое место, потому что очень быстро выяснилось, что Чик галопирует и ржёт не только хуже Жоры, но и этого мальчика. После всего, что случилось, Чик никак не мог бодро галопировать и весело ржать.

– Ржи веселее, раскатистей, – говорил Евгений Дмитриевич и, приложив руку ко рту, ржал сам, как-то чересчур благостно, чересчур доброжелательно, словно сзывал лошадей на пионерский праздник.

– Чик ржит, как голёдная лёщадь, – пояснял Жора, выслушав слова Евгения Дмитриевича. Тот кивнул головой. Как быстро, думал Чик, Жора привык к своей новой роли, как быстро все забыли, что я ещё полчаса тому назад был Балдой, а не ржущей частью лошади. Чику пришлось переместиться на место задних ног.

Так, начав с главной роли Балды, Чик перешёл на самую последнюю – роль задних ног лошади, и ему оставалось только кряхтеть под Жорой и время от времени подёргивать за ручку, чтобы у лошади взмывался хвост.

Началось представление. Лошадь должна была появиться несколько позже, поэтому Чик был свободен и высунулся из-за кулис и стал следить за тётушкой. Когда он высунулся, Жора Куркулия стоял над оркестровой ямой и крутил свою верёвку, чтобы вызвать оттуда старого чёрта. В зале все смеялись.

Но вот настала очередь Чика и его напарника. Евгений

Дмитриевич накрыл их крупом лошади. Чик ухватился за ручку для вздымания хвоста, и они стали постепенно выходить из-за кулис.

Лошадь появилась на окраине сцены и, как бы мирно пасясь, как бы не подозревая о состязании Балды с бесёнком, стала подходить всё ближе и ближе к середине сцены.

Появление лошади вызвало хохот в зале. Чик с удивлением почувствовал некоторое артистическое удовольствие от того, что волны хохота усиливались, когда он дёргал ручку, вздымавшую хвост лошади.

Зал ещё громче расхохотался, когда бесёнок подлез под лошадь и стал пытаться её поднять. А уж когда Жора Куркулия вскочил на лошадь и сделал круг по сцене, зал загрохотал от хохота.

Успех был огромный. Когда лошадь ушла за кулисы, зрители продолжали бить в ладоши, и Евгений Дмитриевич вывел лошадь на сцену, придерживая её за гриву. Тут раздался свежий шквал рукоплесканий, и Чику даже в темноте внутри лошади было понятно, что теперь зрители приветствуют не их, а своего любимого актёра.

Когда лошадь снова появилась, Жора Куркулия опять попытался взгромоздиться на неё, но Чик и его напарник не дались и стали отпрядывать, и зрителям это очень понравилось. И тогда Чик наугад стал лягаться и один раз попал копытом в толстое бедро Жоры. Зрители стали ещё больше смеяться. Они думали, что всё это заранее разыграно, а на самом деле Чик и его напарник очень устали и больше не хотели его катать. Особенно не хотел Чик.

И вдруг свет ударил Чику в глаза. Чик не сразу понял, что случилось. Буря плещущих рук! Лица! Лица! Лица! Оказывается, Евгений Дмитриевич снял с них картонный круп лошади, и они предстали перед зрителями в своих высоких рыжих чулках под масть лошади.

Вопросы и задания

1. Опишите начало подготовки к инсценировке сказки Пушкина.

2. Почему Чику поручили роль Балды? Когда и почему он потерял эту роль?

3. Почему Жора Куркулия стал главным участником представления?

4. Опишите премьеру представления сказки.

⏩**1.** Опишите смену ролей Чика и его преображение в каждой из ролей.

2. Расскажите о зрителях на первом представлении.

⏩⏩**1.** Расскажите обо всех деталях подготовки представления: о подготовке реквизита[39], отборе исполнителей, репетициях, финале труда актёров.

2. Если вы прочитали все рассказы книги «Детство Чика», то расскажите о герое этой книги.

Немного о школьных инсценировках

Каждый ученик хотя бы раз участвовал в школьных инсценировках произведений, которые знают много поколений. В наших школах – это инсценировки сказок Пушкина, в английских и американских – инсценировки книг о жизни легендарного короля Артура и его рыцарей.

Познакомьтесь с повестью Бруса Таркинтона «Приключения Пенрода». В ней говорится о такой постановке. Прочитайте главу, которая рассказывает о подготовке этого праздничного представления.

Приключения Пенрода

Сразу же после завтрака миссис Скофилд и чрезвычайно хорошенькая особа девятнадцати лет, по имени Маргарет, которую Пенрод имел счастье называть своей родной сестрой, принялись наряжать его. Это было ужасно, и настроение у него совсем упало.

…Первые мгновения он терпел пытки молча. Однако, несмотря на апатию приговорённого, внимательный наблюдатель мог бы заметить, как на его лице всё более властно утверждается выражение протеста.

На последней репетиции миссис Лора Рюбуш пытливым взором оглядела участников представления, которые были облачены в обычные костюмы, и вдруг заявила:

– Мне бы хотелось, чтобы костюмчики у наших юных актёров были очень праздничные, изящненькие и непременно средневековые. Мы ведь юные рыцари, друзья мои! В остальном, дорогие родители, я полагаюсь на вашу выдумку! Я знаю, у всех у вас замечательный вкус!

Положа руку на сердце, миссис Скофилд и Маргарет не

могли себя назвать знатоками Средневековья. Но уж в том, что вкус у них не хуже, чем у остальных родителей, они были уверены. Руководствуясь последним, они и создали Пенроду костюм, которым остались очень довольны. Единственное, чего они теперь опасались, – это бурного сопротивления самого сэра Ланселота-дитя.

Его раздели до нижнего белья и велели тщательно вымыться. Потом они задрапировали его ноги в шёлковые чулки, которые были когда-то синими, но после многих лет носки стали почти белоснежные. Водружённые на ноги Пенрода, они, кроме того, обращали внимание своей шириной. Но миссис Скофилд и Маргарет прельщало другое качество: чулки были длинные, а значит, по их мнению, их было легко принять за трико.

Верхнюю часть Пенрода поместили вообще в одеяние столь странное, что ему трудно подобрать название. В 1886 году, когда мать Пенрода была ещё совсем юной девушкой и готовилась к выезду на первый бал, ей сшили платье цвета лососины. После того, как она вышла замуж, платье претерпело ряд более или менее серьёзных переделок в соответствии с капризами моды. Предпринятая однажды попытка изменить цвет окончательно доконала старый наряд. Выйдя из красильни, он приобрёл столь вызывающий вид, что миссис Скофилд поставила на нём крест.

…И вот после того, как миссис Лора Рюбуш заговорила о Средневековье, миссис Скофилд вспомнила о своём древнем наряде. Поразмыслив, она решила дать ему возможность последний раз проявить себя во всём блеске. И корсаж когда-то лососинового, а ныне невыразимого цвета был водружен на торс юного сэра Ланселота.

Однако как ни старался старый корсаж, он всё же не смог целиком выполнить возложенную на него задачу. Прикрыв плечи, грудь и спину юного рыцаря, он всё же не достал до чулок, и посредине сиятельного сэра Ланселота образовался довольно значительный и слишком средневековый пробел. Но и эта задача не устояла перед изобретательным женским умом… Недавно как раз пришла пора убрать зимнее бельё мужа; перебирая его, миссис Скофилд заметила, что оно изрядно износилось. Тут-то на неё и снизошло вдохновение, которое после нескольких взмахов ножниц и недолгой работы с иголкой и ниткой воплотилось в коротких панталонах для сэра Ланселота-дитя. Этот сияющий штрих скрадывал пробел между верхней и нижней частью рыцарского костюма и, несомненно, напоминал что-то старинное… Тогда миссис Скофилд снабдила швы перелицованного шедевра серебряными кантами. Теперь, придирчиво осмотрев свою работу, она пришла к мнению, что

догадаться о происхождении панталон совершенно невозможно.

Панталоны надели на Пенрода и прикрепили к чулкам английскими булавками.

…Пенроду было строго-настрого приказано не наклоняться, после чего его обули в туфли на кожаной подошве, в которых он ходил на уроки танцев. К спектаклю туфли украсили большими красными помпонами.

– Но если мне нельзя нагибаться, – возразил сэр Ланселот, и в голосе его звучала ярость, – как же я буду вставать на колени, когда…

– Как-нибудь встанешь! – перебила его миссис Скофилд, не разжимая рта, потому что во рту она держала булавки.

На тонкую шею Пенрода нацепили что-то с рюшками и прикололи несколько бантов. Потом Маргарет густо напудрила ему волосы.

– Нет-нет, всё правильно, – успокоила она мать, которой последнее действие показалось несколько чрезмерным. – Я видела на картинах. Во времена колониальных войн все офицеры пудрили волосы.

…Обрадовал и меч; его одолжил сосед, который был членом общества «Рыцарей Пифии». Меч прикрепили к поясу, потом облачили Пенрода в мантию – старую накидку для гольфа Маргарет. Теперь на неё нашили пушистые кружочки из ваты, а кроме того, украсили большим крестом, материалом для которого послужила та же красная байка. Фасон и украшения мантии были навеяны изображением крестоносца на какой-то рекламе, опубликованной в газете. Мантию тоже прикрепили к плечам Пенрода, или, точнее, к плечам бывшего платья миссис Скофилд, английскими булавками. Сзади она свисала до самых пят, спереди же ничто не мешало созерцать рыцарский костюм как в целом, так и в малейших деталях. Теперь наконец Пенроду разрешили подойти к зеркалу.

Это было стоячее зеркало, и, увидев себя в полный рост, Пенрод немедленно ощутил весь трагизм своего положения. Подросток менее поэтичный и возвышенный, возможно, не обратил бы особенного внимания на некоторые несуразности костюма. Но перед зеркалом стоял Пенрод, и сила гнева его была, по меньшей мере, равна извержению вулкана…

Миссис Скофилд и Маргарет решили не дожидаться новой вспышки отчаяния, и мгновение спустя Пенрод уже был передан с рук на руки миссис Лоре Рюбуш. Они считали, что ещё дёшево отделались. Ведь Пенрод не распознал, из чего сделаны его панталоны… Войдя в зал «Женского клуба искусств и ремёсел», они гордо заняли места среди остальных зрителей.

Вопросы и задания

1. Опишите костюм юного рыцаря и докажите, что автор с доброй усмешкой вспоминает о забавных событиях детства.

2. Расскажите о том, как вы или ваши друзья создавали костюмы для участия в школьных инсценировках.

3. Вспомните, удавалось ли вам испытывать удовлетворение от хорошо исполненной маленькой роли.

Родная природа в стихах русских поэтов XX века

Поэты XX века оставили нам проникновенные лирические произведения о России и её просторах. Многие из них навеяны детскими воспоминаниями. Нередко красота родного края неотделима от отчего дома, материнской любви, преданной дружбы.

Мы предлагаем вам познакомиться со стихами Бунина, Есенина и Заболоцкого, в которых воплощён образ русской природы. Лирика поэтов пронизана искренней теплотой, наполняющей сердца при мысли о родных местах, о близких людях.

Иван Алексеевич Бунин (1870–1953)

Детство

Чем жарче день, тем сладостней в бору
Дышать сухим смолистым ароматом,
И весело мне было поутру
Бродить по этим солнечным палатам!

Повсюду блеск, повсюду яркий свет,
Песок – как шёлк… Прильну к сосне корявой
И чувствую: мне только десять лет.
И ствол – гигант, тяжёлый, величавый.

Кора груба, морщиниста, красна,
Но так тепла, так солнцем вся прогрета!
И кажется, что пахнет не сосна,
А зной и сухость солнечного лета.

Вопросы и задания

▸**1.** Докажите, что в этом стихотворении описано воспоминание о детстве.

2. Опишите бор, каким он запомнился поэту.

▸▸**1.** Какой художественный приём особенно активно использован в стихотворении?

2. Какие художественные приёмы помогают понять, как велика власть солнца в ясный день? Найдите их в каждой строфе стихотворения.

▸▸▸**1.** Расскажите о летнем дне, который описал поэт.

2. Создайте рассказ-воспоминание о жарком дне.

Первый соловей

Тает, сияет луна в облаках,
Яблоня в белых кудрявых цветах.

Зыбь облаков и мелка и нежна,
Возле луны голубая она.

В холоде голых, прозрачных аллей,
Пробует цокать, трещит соловей.

В доме уж тёмном, в раскрытом окне,
Девочка косы плетёт при луне.

Сладок и нов ей весенний рассказ,
Миру рассказанный тысячу раз.

Трели соловья названы «весенним рассказом», который мир слышал «тысячу раз», потому что именно пение соловья связывают с началом весны.

Конечно, весной начинают петь и другие птицы. Радостный птичий хор вы слышали в «Снегурочке». Но у соловья самый звонкий голос и такое точное чутьё времени, что именно он подсказывает нам, когда приходит весна.

Вопросы и задания

▸Почему, как вы думаете, стихотворение, рисующее раннюю весну, названо «Первый соловей»?

▸▸Какие эпитеты помогают увидеть весеннюю ночь при свете луны?

▸▸▸Почему девочке «сладок и нов» голос соловья?

Александр Александрович Блок (1880–1921)

Ветер принёс издалёка…

Ветер принёс издалёка
Песни весенней намёк,
Где-то светло и глубоко
Неба открылся клочок.

В этой бездонной лазури,
В сумерках близкой весны
Плакали зимние бури,
Реяли звёздные сны.

Робко, темно и глубоко
Плакали струны мои.
Ветер принёс издалёка
Звучные песни твои.

Вопросы и задания

1. Какое время года вызвало этот поэтический отклик?

2. Как удаётся поэту передать постоянное движение жизни в природе?

3. Как удаётся Блоку убедить нас в зримой красоте и постоянном звучании мира природы вокруг нас?

Полный месяц встал над лугом…

Полный месяц встал над лугом
Неизменным дивным кругом,
Светит и молчит
Бледный, бледный луг цветущий,
Мрак ночной, по нём ползущий,
Отдыхает, спит.
Жутко выйти на дорогу:
Непонятная тревога
Под луной царит.
Хоть и знаешь: утром рано

Солнце выйдет из тумана,
Поле озарит,
И тогда пройдёшь тропинкой,
Где под каждою былинкой
Жизнь кипит.

Вопросы и задания

1. Какое настроение передают строки этого лирического стихотворения?

2. Какое время года рисует поэт?

Константин Дмитриевич Бальмонт (1867–1942)

Золотая рыбка

В замке был весёлый бал,
Музыканты пели.
Ветерок в саду качал
Лёгкие качели.

В замке, в сладостном бреду,
Пела, пела скрипка.
А в саду была в пруду
Золотая рыбка.

И кружились под луной,
Точно вырезные,
Опьянённые весной
Бабочки ночные.

Пруд качал в себе звезду,
Гнулись травы гибко,
И мелькала там в пруду
Золотая рыбка.

Хоть не видели её
Музыканты бала,
Но от рыбки, от неё,
Музыка звучала.

Чуть настанет тишина,
Золотая рыбка
Промелькнёт, – и вновь видна
Меж гостей улыбка.

Снова скрипка зазвучит,
Песня раздаётся,
И в сердцах любовь журчит,
И весна смеётся.

Взор ко взору шепчет: «Жду!»
Так светло и зыбко,

Оттого что там в пруду —
Золотая рыбка.

Вопросы и задания

1. Почему стихотворение названо «Золотая рыбка»?

2. Опишите весёлый бал в замке.

1. Назовите всех героев этого стихотворения.

2. Как вы поняли роль золотой рыбки в веселье бала?

1. Как вы оцениваете золотую рыбку – как изображение живого существа или сказочной героини?

2. Припомните сказки, в которых участвует золотая рыбка.

Борис Леонидович Пастернак (1890–1960)

Июль

По дому бродит привиденье.
Весь день шаги над головой.
На чердаке мелькают тени.
По дому бродит домовой.

Везде болтается некстати,
Мешается во все дела,
В халате кра́дется к кровати,
Срывает скатерть со стола.

Ног у порога не обтёрши,
Вбегает в вихре сквозняка
И с занавеской, как с танцоршей,
Взвивается до потолка.

Кто этот баловник-невежа
И этот призрак и двойник?
Да это наш жилец приезжий,
Наш летний дачник-отпускник.

На весь его недолгий роздых
Мы целый дом ему сдаём.
Июль с грозой, июльский воздух
Снял комнаты у нас внаём.

Июль, таскающий в одёже
Пух одуванчиков, лопух,
Июль, домой сквозь окна вхожий,
Всё громко говорящий вслух.

Степной нечёсаный растрёпа,
Пропахший липой и травой,
Ботвой и запахом укропа,
Июльский воздух луговой.

Вопросы и задания

▶**1.** Когда вам удалось понять, что в стихотворении описаны приметы июля?

2. Какие признаки лета и его главного месяца – июля вы можете назвать?

▶▶**1.** Какие приёмы использует поэт, рисуя приметы летнего месяца?

2. Какие приметы реального летнего месяца помогают представить природу вокруг?

▶▶▶**1.** Как объяснить, почему июль в стихотворении назван то привиденьем, то домовым, то баловником-невежей, то нечёсаным растрёпой?

2. Какую роль в стихотворении играет олицетворение?

Великая Отечественная война в литературе

Тема Отечественной войны всегда привлекала писателей. Вы хорошо помните «Бородино» М. Ю. Лермонтова и отрывок из романа Л. Н. Толстого «Война и мир» – произведения XIX века, посвящённые Отечественной войне 1812 года.

Одно из памятных событий двадцатого столетия – Великая Отечественная война – нашло своё воплощение во многих литературных произведениях. Вы, наверное, сможете назвать рассказы и повести, стихотворения и поэмы, драматические произведения, в которых отражена тема подвига русского народа.

Особое место занимают произведения, где в центре событий – судьба юных героев. С одним из таких героев вы познакомитесь, прочитав стихотворение К. М. Симонова «Сын артиллериста». Во время войны писатель был военным корреспондентом. Однажды он попал по заданию газеты на Крайний Север, где шли особенно ожесточённые бои на полуостровах Рыбачий и Средний. Симонов стал свидетелем подвига артиллериста. Эти яркие впечатления и легли в основу стихотворения.

Константин Михайлович Симонов (1915–1979)

Сын артиллериста

Был у майора Деева
Товарищ – майор Петров,
Дружили ещё с гражданской,
Ещё с двадцатых годов.
Вместе рубали белых
Шашками на скаку,
Вместе потом служили
В артиллерийском полку.

А у майора Петрова
Был Лёнька, любимый сын,
Без матери, при казарме,
Рос мальчишка один.
И если Петров в отъезде, —
Бывало, вместо отца
Друг его оставался
Для этого сорванца.

Вызовет Деев Лёньку:
– А ну, поедем гулять:
Сыну артиллериста
Пора к коню привыкать! —
С Лёнькой вдвоём поедет
В рысь, а потом в карьер,
Бывало, Лёнька спасует,
Взять не может барьер,
Свалится и захнычет.
– Понятно, ещё малец! —
Деев его поднимет,
Словно второй отец.
Посадит снова на лошадь:
– Учись, брат, барьеры брать!
Держись, мой мальчик: на свете
Два раза не умирать.
Ничто нас в жизни не может
Вышибить из седла! —
Такая уж поговорка

У майора была.

Прошло ещё два-три года,
И в сто́роны унесло
Деева и Петрова
Военное ремесло.
Уехал Деев на Север
И даже адрес забыл.
Увидеться – это б здорово!
А писем он не любил.
Но оттого, должно быть,
Что сам уж детей не ждал,
О Лёньке с какой-то грустью
Часто он вспоминал.

Десять лет пролетело.
Кончилась тишина,
Громом загрохотала
Над Родиною война.
Деев дрался на Севере;
В полярной глуши своей
Иногда по газетам
Искал имена друзей.
Однажды нашёл Петрова:
«Значит, жив и здоров!»
В газете его хвалили,
На Юге дрался Петров.

Потом, приехавши с Юга,
Кто-то сказал ему,
Что Петров, Николай Егорыч,
Геройски погиб в Крыму.
Деев вынул газету,
Спросил: «Какого числа?» —
И с грустью понял, что почта
Сюда слишком долго шла…

А вскоре в один из пасмурных
Северных вечеров
К Дееву в полк назначен
Был лейтенант Петров.
Деев сидел над картой
При двух чадящих свечах.
Вошёл высокий военный,

Косая сажень в плечах.
В первые две минуты
Майор его не узнал.
Лишь басок лейтенанта
О чём-то напоминал.
– А ну, повернитесь к свету, —
И свечку к нему поднёс.
Все те же детские губы,
Тот же курносый нос.
А что усы – так ведь это
Сбрить! – и весь разговор.

– Лёнька! – Так точно, Лёнька,
Он самый, товарищ майор!
– Значит, окончил школу,
Будем вместе служить.
Жаль, до такого счастья
Отцу не пришлось дожить. —
У Лёньки в глазах блеснула
Непрошеная слеза.

Он, скрипнув зубами, молча
Отёр рукавом глаза.
И снова пришлось майору,
Как в детстве, ему сказать:
– Держись, мой мальчик: на свете
Два раза не умирать.
Ничто нас в жизни не может
Вышибить из седла! —
Такая уж поговорка
У майора была.

А через две недели
Шёл в скалах тяжёлый бой;
Чтоб выручить всех, обязан
Кто-то рискнуть собой.
Майор к себе вызвал Лёньку,
Взглянул на него в упор.
– По вашему приказанью
Явился, товарищ майор.

– Ну что ж, хорошо, что явился.
Оставь документы мне.
Пойдёшь один, без радиста,

Рация на спине.
И через фронт, по скалам,
Ночью в немецкий тыл
Пройдёшь по такой тропинке,
Где никто не ходил.
Будешь оттуда по радио
Вести огонь батарей.
Ясно? – Так точно, ясно.
– Ну, так иди скорей.
Нет, погоди немножко. —
Майор на секунду встал,
Как в детстве, двумя руками
Лёньку к себе прижал.

– Идёшь на такое дело,
Что трудно прийти назад.
Как командир, тебя я
Туда посылать не рад.
Но как отец… Ответь мне:
Отец я тебе иль нет?
– Отец, – сказал ему Лёнька
И обнял его в ответ.

– Так вот, как отец, раз вышло
На жизнь и смерть воевать,
Отцовский мой долг и право
Сыном своим рисковать.
Раньше других я должен
Сына вперёд послать.
Держись, мой мальчик: на свете
Два раза не умирать.
Ничто нас в жизни не может
Вышибить из седла! —
Такая уж поговорка
У майора была.
– Понял меня? – Всё понял.
Разрешите идти? – Иди! —

Майор остался в землянке,
Снаряды рвались впереди.
Где-то гремело и ухало.
Майор следил по часам.
В сто раз ему было б легче,
Если бы шёл он сам.

Двенадцать… Сейчас, наверное,
Прошёл он через посты.
Час… Сейчас он добрался
К подножию высоты.
Два… Он теперь, должно быть,
Ползёт на самый хребет.
Три… Поскорей бы, чтобы
Его не застал рассвет.
Деев вышел на воздух —
Как ярко светит луна,
Не могла подождать до завтра,
Про́клята будь она!

Всю ночь, шагая как маятник,
Глаз майор не смыкал,
Пока по радио утром
Донёсся первый сигнал:
– Всё в порядке, добрался.
Немцы левей меня,
Координаты три, десять,
Скорее давайте огня! —
Орудия зарядили,
Майор рассчитал всё сам,
И с рёвом первые залпы
Ударили по горам.
И снова сигнал по радио:
– Немцы правей меня,
Координаты пять, десять,
Скорее ещё огня!

Летели земля и скалы,
Столбом поднимался дым,
Казалось, теперь оттуда
Никто не уйдёт живым.
Третий сигнал по радио:
– Немцы вокруг меня,
Бейте четыре, десять,
Не жалейте огня!

Майор побледнел, услышав:
Четыре, десять – как раз
То место, где его Лёнька
Должен сидеть сейчас.
Но, не подавши виду,

Забыв, что он был отцом,
Майор продолжал командовать
Со спокойным лицом:
«Огонь!» – летели снаряды.
«Огонь!» – заряжай скорей!
По квадрату четыре, десять
Било шесть батарей.
Радио час молчало,
Потом донёсся сигнал:
– Молчал: оглушило взрывом,
Бейте, как я сказал.
Я верю, свои снаряды
Не могут тронуть меня.
Немцы бегут, нажмите,
Дайте море огня!

И на командном пункте,
Приняв последний сигнал,
Майор в оглохшее радио,
Не выдержав, закричал:
– Ты слышишь меня, я верю:
Смертью таких не взять.
Держись, мой мальчик: на свете
Два раза не умирать.
Ничто нас в жизни не может
Вышибить из седла! —
Такая уж поговорка
У майора была.

В атаку пошла пехота —
К полудню была чиста
От убегавших немцев
Скалистая высота.
Всюду валялись трупы,
Раненый, но живой
Был найден в ущелье Лёнька
С обвязанной головой.
Когда размотали повязку,
Что наспех он завязал,
Майор поглядел на Лёньку
И вдруг его не узнал:
Был он как будто прежний,
Спокойный и молодой,
Всё те же глаза мальчишки,

Но только… совсем седой.

Он обнял майора, прежде
Чем в госпиталь уезжать:
– Держись, отец: на свете
Два раза не умирать.
Ничто нас в жизни не может
Вышибить из седла! —
Такая уж поговорка
Теперь у Лёньки была…

Вот какая история
Про славные эти дела
На полуострове Среднем
Рассказана мне была.
А вверху, над горами,
Всё так же плыла луна,
Близко грохали взрывы,
Продолжалась война.
Трещал телефон, и, волнуясь,
Командир по землянке ходил,
И кто-то так же, как Лёнька,
Шёл к немцам сегодня в тыл.

Вопросы и задания

1. Почему поэт не только описал подвиг лейтенанта Петрова, но и рассказал о детстве Леньки, его дружбе с майором Деевым?

2. Почему именно Лёньку посылает майор на такое ответственное и опасное задание?

3. Перечитайте то место, где описывается состояние Деева после ухода Леньки («Майор остался в землянке…»). Постарайтесь в своём чтении передать переживания, тревогу майора.

1. Прочитайте вслух выдержку из военной корреспонденции К. Симонова: «На гребне покрытых снегом скал, куда нам добрых два часа пришлось добираться чуть не ползком, бессменно, денно и нощно, сидит на своём наблюдательном пункте командир Скробов.

Это место похоже на орлиное гнездо, и на больших белых птиц похожи наблюдатели Скробова, неподвижно припавшие в своих широких белых халатах к гребню скалы.

Постоянный, непрерывный, бешеный, режущий ветер. Здесь, на вершине, он дует минуту, час, день, неделю, месяц, год. Он дует всегда. У наблюдателей – потрескавшиеся от ветра губы и красные, воспалённые глаза. Но зато отсюда, с этой открытой всем четырём ветрам скалы, видны все дороги и тропки…

Провода идут вперёд, на второй наблюдательный пункт, – он всего в пятистах метрах от немцев. Впрочем, однажды, когда это было нужно, он был не в пятистах метрах от немцев, а в пятистах метрах за немцами. Артиллерист лейтенант Лоскутов с радиопередатчиком прополз в тыл к немцам и трое суток корректировал огонь оттуда».

Как вы представляете себе процесс создания стихотворения из этой военной корреспонденции?

2. Какие ещё стихотворения о Великой Отечественной войне вы помните наизусть?

Песни о Великой Отечественной войне. Недалеко от Москвы, на двадцать третьем километре Ленинградского шоссе, установлен памятник – противотанковые ежи. Воздвигнут он на том месте, где был остановлен враг. На постаменте отчеканены слова:

И врагу никогда не добиться,
Чтоб склонилась твоя голова…

Это строки из песни «Моя Москва», одной из самых проникновенных песен о столице.

Песне уже много лет. Она была написана в очень трудное и суровое время – осенью 1941 года. Авторы песни – поэт М. Лисянский и композитор И. Дунаевский.

Вначале появилось стихотворение, которое начиналось строкой «Я по свету немало хаживал…». Младший лейтенант Лисянский принёс его в редакцию журнала «Новый мир», оказавшись в Москве проездом из Ярославля на фронт. А в ближайшем номере стихотворение было опубликовано. А вскоре поэт, неожиданно для себя, услышал песню о Москве. Музыку прямо на полях того номера журнала написал замечательный композитор И. О. Дунаевский.

Песня о Москве в то время была особенно нужна людям, и она сразу полюбилась. Всё, о чём говорилось в ней, было близко и дорого каждому человеку. Песня поднимала веру в то, что Москва никогда не будет сдана врагу, что Россия непобедима.

Это была одна из первых песен военных лет. А сколько их родилось в годы Великой Отечественной войны!

В первые же дни войны появилась и стала необходимой народу песня «Священная война» (стихи В. Лебедева-Кумача, музыка А. Александрова). С песней М. Исаковского и М. Блантера «До свиданья, города и хаты…» воины уходили в бой. Сурово звучала в трудном 1941 году «Песня о Днепре» (стихи Е. Долматовского, музыка М. Фрадкина). Широко распространилась в годы войны песня «Огонёк» (стихи М. Исаковского, музыка М. Блантера). Вошла в историю военных лет тихая, проникновенная песня поэта А. Суркова и композитора К. Листова «В землянке». В партизанских отрядах звучала песня «Шумел сурово Брянский лес…» (стихи А. Софронова, музыка С. Каца). Защитникам Севастополя была посвящена песня «Заветный камень» (стихи А. Жарова, музыка Б. Мокроусова). Любимой песней осаждённого Ленинграда стала песня А. Чуркина и В. Соловьева-Седого «Вечер на рейде».

По-новому зажили и песни, созданные за несколько лет до начала войны: «Если завтра война…» (стихи В. Лебедева-Кумача, музыка Д. Покрасса), «Катюша» М. Исаковского и М. Блантера, «Три танкиста» Б. Ласкина и Н. Богословского и многие другие.

Моя Москва (*Стихи М. Лисянского. Музыка И. Дунаевского*)

Я по свету немало хаживал,
Жил в землянках, в окопах, в тайге,
Похоронен был дважды заживо,
Знал разлуку, любил в тоске.
Но Москвою привык я гордиться
И везде повторяю слова:
Дорогая моя столица,
Золотая моя Москва!

Я люблю подмосковные рощи
И мосты над твоею рекой.
Я люблю твою Красную площадь
И кремлёвских курантов бой.
В городах и далёких станицах
О тебе не умолкнет молва,
Дорогая моя столица,
Золотая моя Москва!

Мы запомним суровую осень,
Скрежет танков и отблеск штыков,
И в сердцах будут жить двадцать восемь
Самых храбрых твоих сынов.
И врагу никогда не добиться,
Чтоб склонилась твоя голова,
Дорогая моя столица!
Золотая моя Москва!

Вопросы и задания

1. Сравните «Бородино» Лермонтова и текст песни «Моя Москва». Определите общую тему и то, как она выражена в каждом произведении.

2. Вспомните, какие песни Великой Отечественной войны вы изучали на уроках музыки. Какая вам особенно запомнилась и почему?

3. Назовите песни о войне, написанные в послевоенное

время, в наши дни.

Герой художественного произведения и автор

Как мы, читатели, узнаём об отношении автора к своим героям? Понимание его приходит со страниц художественного текста: его рождает характер описания событий, поступки и взгляды героя, иногда – прямые оценки автора. Так, А. С. Пушкин сказал, что любит свою героиню – Татьяну.

Читая произведение, мы часто не задумываемся о том, как автор относится к своим героям. Но часто это отношение нам ясно – характер изображения героя помогает его понять. Так, мы не сомневаемся в том, что Пушкин с доверием и симпатией относится к Руслану и с ласковой усмешкой к милой Людмиле с её капризами. Но он явно без симпатии относится не только к Черномору, но и к Фарлафу. Нам ясно, что автор с нежностью относится ко всем пятерым мальчикам у костра на Бежином лугу, но ясно и то, что наибольшее уважение вызывает у него самый смелый и рассудительный Павел. Рассказы автобиографических произведений часто рисуют героя с любовью и доброй усмешкой.

Наверное, нет автора, прочитав произведение которого, вы не могли бы сказать о его отношении к своим героям и его поступкам. Даже в произведениях фольклора, в которых нет конкретного автора, а есть череда безымянных создателей каждого произведения, мы можем определить, как эти

многочисленные и безымянные авторы относятся к Илье Муромцу, а как к «нахвальщику».

Вопросы и задания

▸**1.** Назовите героев, которых, по вашему мнению, любит автор, написавший книгу, которую вы только что прочитали.

2. Есть ли у авторов книг герои, которые вызывают у них чувство неприязни и раздражения, даже вражды? Назовите их.

3. Как В. Набоков относится к Ане, попавшей в Страну чудес?

4. Как Е. Замятин относится к своим юным героям, наблюдающим за Марсом?

▸▸**1.** Почему рассказы о приключениях барона Мюнхгаузена насыщены парадоксами? Как эти парадоксы помогают понять отношение автора к своему герою?

2. Как авторы приключенческих произведений относятся к своим героям?

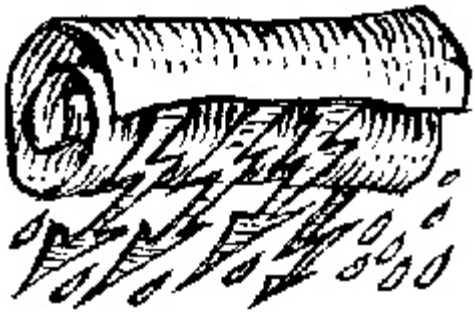
3. Встречали ли вы приключенческое произведение без отрицательных героев? Нет? Почему?

▸▸▸**1.** Когда и почему вы размышляете об отношении автора к своим героям? В каких случаях такие наблюдения помогают уточнить собственное отношение?

2. Всегда ли совпадает ваше отношение с отношением автора к своим героям?

3. Бывают ли случаи, когда вы не согласны с отношением автора к своим героям?

Природа и человек



В наше время природа оказалась под угрозой: стремительное развитие техники подавляет её, и человек осознал необходимость не только покорять природу, но и заботиться о ней.

Современный датский писатель Бенни Андерсен горячо любит свою страну и её природу и очень хочет, чтобы эта природа досталась по наследству его читателям – детям всех стран мира.

Бенни Андерсен по радио обратился к ребятам всей Дании и предложил им сочинить книгу о защите родной природы. Он получил много писем. Затем скрепил ребячьи выдумки своей фантазией. И получилась коллективная книжка в защиту родной природы. Прочитайте отрывок из этой книги и придумайте продолжение описываемых событий.

«Простите, где здесь природа?»

Ребята, о которых рассказывается в этой истории, живут в Дании. В той самой стране, где когда-то жил знаменитый сказочник Андерсен. Только Андерсен жил в далёком прошлом, а Иван и Ю – так зовут ребят – в 2000 году. Между прочим, Иван – одно из самых обыкновенных имён для датских мальчишек.

Не очень-то уютно это будущее время. Все города страны превратились в один большой город, а леса и поля исчезли. Может быть, поэтому многие люди стали сердитыми и раздражительными, как Агнес – мама девочки Ю. Она работает бухгалтером на космической станции и очень часто приходит домой усталая. Такая усталая, что Ю уж и не помнит, когда её мама улыбалась.

Ивану тоже семь лет; он учится с Ю в одном классе и дружит с нею. Его отец – Нильс – механик атомной электростанции. Они живут вдвоём. Мама Ивана умерла, когда он был совсем

маленьким, а без мамы дома не слишком-то весело. Так они и жили, пока не началась эта история. А началась она за день до летних каникул.

Атомный школьный автобус вёз ребят домой. Хотя детям было всего семь-восемь лет, они ходили уже в пятый класс, так как в первый класс поступают трёхлетки, и из школы уходят, когда кончают двадцать пятый класс.

– Это потому, что в современном обществе нужно изучать столько наук, – говорили взрослые.

Иван и Ю не любили ходить в школу и очень радовались летним каникулам.

Они сидели в автобусе и говорили о том, как было бы здорово, если бы живая природа, о которой рассказывала учительница естествознания, существовала всегда. Огромные леса с высокими деревьями, дикими животными – оленями, лисицами, белками – и множеством птиц с удивительными названиями – синицы, пёстрые дятлы, сарычи! Иногда детям показывали кинофильм про всех этих животных и птиц, вымерших много лет тому назад. Птицы с красивым опереньем, с чудесными крыльями, олени с удивительными рогами были необычайно красивы.

Когда они отъехали немного от школы, Ю спросила:

– Куда собираешься летом?

Иван, посмотрев прямо перед собой, сказал:

– Как всегда, в дешёвое путешествие на Луну. Отец говорит, что на другие развлечения у нас денег не хватит. А ты?

– Сначала прошвырнёмся в Японию и навестим тётю, а оттуда – прекрасное сообщение с Сатурном, мы пробудем там несколько недель. Мама совершенно помешалась на этом Сатурне, ведь там можно купить дешёвые космические платья и костюмы. Но у меня совсем другие планы на летние каникулы, я вовсе не собираюсь на Сатурн.

– А куда? – удивился Иван.

– Не твоё дело! – ответила Ю. – Это – тайна!

– Ты всегда делаешь вид, будто у тебя какая-то тайна, а на самом деле просто дразнишься!

– Вовсе это не так! – ответила Ю. – Это как раз – тайна, очень большая тайна…

Итак, продолжите рассказ девочки Ю и Ивана.

Подведём итоги

1. Каких героев книг, прочитанных в этом году, вы запомнили?

2. Как вы объясните то внимание, которое авторы уделяют детству и юности в автобиографических произведениях?

3. Что в рассказе о герое кажется вам самым важным: имя, портрет, суждения, поступки, отношение к окружающим?

4. Что сильнее влияет на наше отношение к герою:

а) поступки героя;
б) суждения героя о жизни и людях;
в) оценки героя окружающими;
г) то, как героя изобразил автор;
д) собственные наблюдения и ваши суждения как читателя?

5. Кто из героев прочитанных книг – ваших ровесников – умел быть настоящим другом?

6. С кем из героев вам было бы интересно поспорить? О чём?

7. Попробуйте порассуждать о том, как сюжет связан с героем или как поступок героя связан с его характером и взглядами.

8. Какой герой прочитанных произведений кажется вам таким ярким и интересным человеком, что вызывает желание подражать его поведению, взглядам и поступкам? Какой герой мог бы стать вашим закадычным другом?

9. Подумайте и ответьте, изменились ли вы как читатели к концу учебного года.

10. Когда вы произносите слово «книга», то вспоминаете разные слова, определяющие это понятие. Перед вами результаты интересного исследования: в таком порядке самые разные люди оценивали для себя слово «книга»: интересная, хорошая, учебник, читать, моя, любимая, журнал, большая, толстая, художественная. А каковы будут результаты опроса в вашем классе?

Рекомендуемые интернет-ресурсы

Вам не всегда удаётся выпонить то или иное задание под руководством учителя. Иногда при подготовке к урокам у вас возникают вопросы, а дома не оказывается нужной книги, нет никого, кто бы мог вам помочь. Теперь у вас есть помощник. Это **интернет**. Именно в интернете за несколько минут можно найти необходимую информацию о писателе и его творчестве, о книге. Можно даже прочитать само художественное произведение, найти нужный эпизод, посмотреть иллюстрации художников.

Предлагаем адреса нескольких сайтов.

1. *http://school-collection.edu.ru* – Образовательные интернет-ресурсы: Единая коллекция цифровых образовательных ресурсов.

Коллекция включает в себя цифровые образовательные ресурсы по каждому предмету и в каждой параллели обучения, в том числе по литературе и русскому языку, а также тематические коллекции. Предназначена для поддержки учебной деятельности школьников.

2. *http://feb-web.ru*

Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор» (ФЭБ) – полнотекстовая информационная система по произведениям русской словесности, библиографии, научным исследованиям и историко-биографическим работам. Основное содержание ФЭБ представляется в электронных научных изданиях (ЭНИ), каждое из которых посвящено отдельному автору (Пушкин, Лермонтов…), жанру (былины, песни…) или произведению («Слово о полку Игореве»…).

Фундаментальная электронная библиотека содержит ссылки на другие электронные библиотеки русской литературы и на сетевые проекты, посвящённые русской филологии и фольклору, включая ссылки на информационные ресурсы ФЭБ.

3. *http://lib.ru* – *Lib.Ru*

На сайте вы познакомитесь с интернет-библиотекой Максима Мошкова. Это одна из самых полных и поэтому самых известных интернет-библиотек. Она открывает доступ к произведениям художественной литературы, к книгам по исторической, научно-познавательной и другим темам.

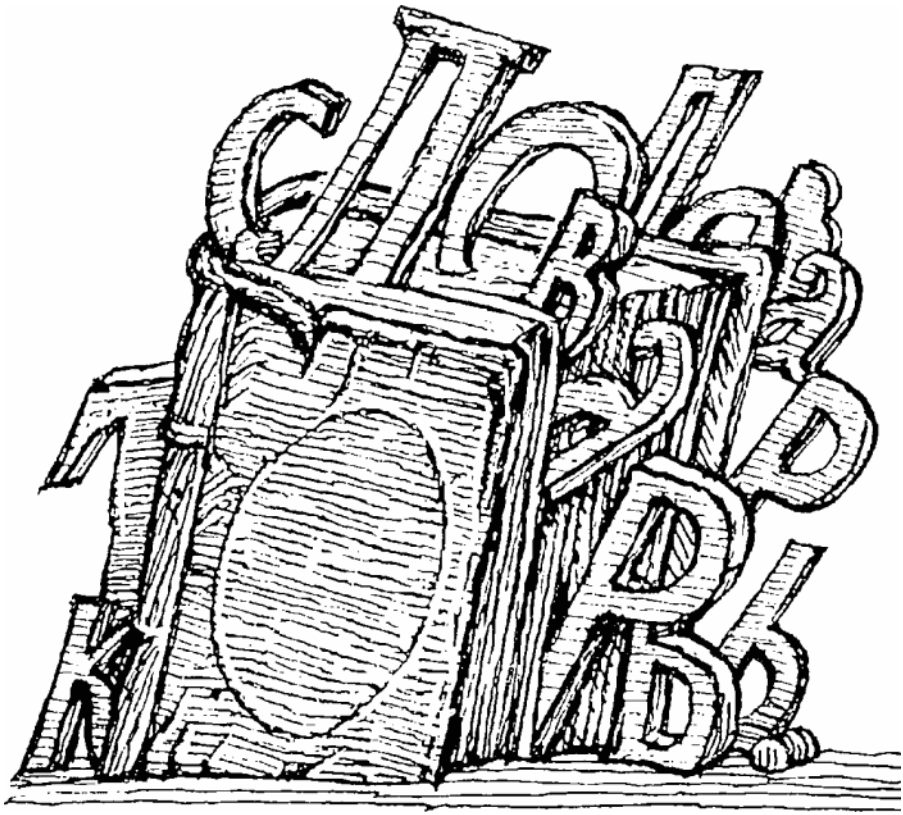
4. *http://rvb.ru*

На сайте представлена русская вирутальная библиотека. В этой интернет-библиотеке размещены классические и современные произведения русской литературы. Пользователи получают доступ к научно выверенным текстам, снабжённым профессионально подготовленным справочным аппаратом и комментарием.

5. *http://www.gramota.ru/* — Русский язык для всех. Портал Грамота. ру.

Справочно-информационный портал: словари, учебные материалы для поддержки грамотности, научно-популярные статьи о русском языке и культуре речи.

Краткий словарь литературоведческих терминов



Автобиогра́фия (от греческих – я, жизнь и пишу) – описание своей жизни.

А́втор – создатель литературного произведения.

Аллего́рия (от греческих – иной и говорю) – троп, иносказание. Иносказательное изображение отвлечённого понятия при помощи конкретного явления действительности.

Аллитера́ция (от латинского – «при букве», собуквие) – повтор согласных звуков, используемый в стихах для усиления выразительности речи.

Амфибра́хий (от греческого – с двух сторон краткий) – трёхсложная стопа в русском стихосложении, в которой ударение падает на второй слог – ударный между двумя безударными (◡́◡).

Ана́пест (от греческого – отражённый назад) – трёхсложная стопа в русском стихосложении, в которой ударение падает на

третий, последний слог (◡ ◡ ◡́).

Анекдо́т (от греческого – неизданный) – эпический жанр, короткий устный рассказ с остроумной концовкой.

Анто́нимы (от греческого – против и имя) – сочетание слов, имеющих противоположное значение.

Архаи́зм (от греческого – древний) – устарелые, вышедшие из употребления слова.

Афори́зм (от греческого – краткое изречение) – глубокая, законченная мысль, выраженная в сжатой форме. Афоризм отличается от пословиц и поговорок тем, что имеет автора.

Балла́да (от провансальского – плясать) – лироэпический жанр, небольшое стихотворение с сюжетом, который может иметь историческое или героическое содержание.

Ба́сня – жанр эпоса, небольшое произведение в стихах, реже в прозе, нравоучительного или сатирического содержания. Часто события и герои в басне изображаются иносказательно. Поступки и отношения людей заменяются поступками зверей, животных или неодушевлённых предметов, вещей. Понять, что хотел сказать автор своей басней, часто помогает *мораль* – вывод, к которому автор подводит читателя. Мораль обычно даётся в конце басни. Юмористическое или сатирическое содержание, а также наличие морали – отличительные черты басни.

Были́чка – жанр фольклора, устный рассказ о событии, которое произошло с рассказчиком и его близкими, что придаёт повествованию достоверность.

Вы́мысел худо́жественный – одна из важнейших особенностей художественного творчества, связанная со способностью вообразить то, что могло бы быть в действительности.

Геро́й – любой участник событий в художественном произведении, персонаж, действующее лицо.

Гимн – жанр лирики, торжественная песнь в честь богов, героев, победителей или в честь какого-нибудь важного события.

Гипе́рбола – троп, художественное преувеличение.

Да́ктиль (от греческого – палец) – трёхсложная стопа в русском стихосложении, в которой ударение падает на первый из трёх слогов (◡́ ◡ ◡).

Де́йствие (акт, сцена) – законченная часть драматического произведения или спектакля. В более широком смысле действием называют весь круг событий, развивающихся в произведении.

Диало́г (от греческого – беседа) – разговор между двумя или несколькими лицами. В литературном произведении в диалоге раскрываются характеры, изображаются действия героев, описываются происходящие события.

Дра́ма (от греческого – действие) – род литературы. Драмой, драматическим произведением называют литературное произведение, написанное в форме разговора действующих лиц. Авторская речь представлена в драме в виде *ремарок*. Автор драмы показывает чувства и переживания человека через его поступки и речь. Драматические произведения предназначены для представления в театре.

Жанр (от французского – род, вид) – вид литературного произведения. Жанры бывают эпические, лирические, лироэпические и драматические.

Эпические жанры: эпопея, былина, сказка, повесть, рассказ, роман, басня.

Лирические жанры: песня, стихотворение.

Лироэпические жанры: баллада, поэма.

Драматические жанры: драма, комедия, трагедия.

Завя́зка – элемент сюжета, событие, с которого начинается действие в художественном произведении.

За́мысел – начало творческого процесса, самый первый этап в создании будущего произведения.

Зву́копись – использование звукового состава слова, его звучания для усиления выразительности речи.

Звукоподража́ние – один из видов звукописи в поэтической речи: использование слов, звучание которых напоминает звук изображаемых явлений: пение птиц, топот копыт, шум леса и пр.

Иде́я произведе́ния – главная мысль произведения.

Инсцениро́вка (от латинского – на сцене) – переработка литературного произведения для сцены.

Интерье́р (от французского – внутренний) – внутреннее убранство комнаты, прихожей (вообще, любого помещения), хранящее приметы времени.

Интона́ция (от латинского – произношу громко) – манера говорить, характер произнесения слов, в которых выражается отношение говорящего к тому, что он говорит. Она придаёт слову то конкретное значение, которое хочет выразить говорящий. Интонация бывает вопросительная, восклицательная, повествовательная, ироническая и пр.

Ирони́я (от греческого – притворство) – один из видов юмора, стилистический оборот, содержащий затаённую насмешку.

Кла́ссика (от латинского – образцовый) – литературные произведения писателей, признанные лучшими в мировой литературе.

Коме́дия (от греческого – весёлая толпа и песнь) – жанр драмы, изображающий такие события и характеры, которые

вызывают смех.

Коми́ческое (от греческого – смешное) – то, что вызывает смех.

Коммента́рий (от латинского – объяснение) – толкование, разъяснение смысла какого-либо произведения, отдельных фраз и слов.

Компози́ция (от латинского – составление, соединение) – построение художественного произведения, порядок изложения событий.

Конфли́кт (от латинского – столкновение) – столкновение людей, их противоборство, которое лежит в основе сюжета литературного произведения.

Концо́вка – заключительная часть художественного произведения: в стихотворении это заключительная строчка, в басне – мораль, назидание.

Кульмина́ция (от латинского – вершина) – элемент сюжета, момент наибольшего напряжения в развитии действия в художественном произведении; решающее событие.

Лакони́зм (от греческого – краткость) – сжатое, немногословное выражение мысли.

Ле́ксика (от греческого – словесный) – словарный состав произведений какого-либо автора или совокупность слов, употребляющихся в какой-то сфере деятельности.

Ли́рика (от греческого – лира) – 1) музыкальный инструмент, под звуки которого исполнялись стихи, песни; 2) род литературы; лирика отражает переживания, чувства, мысли автора литературного произведения в связи с жизненными впечатлениями, обстоятельствами; в лирическом произведении раскрывается внутренний мир человека; характерной особенностью лирики является стихотворная форма.

Литерату́ра худо́жественная (от латинского – буква, письменность) – вид искусства, отличительной чертой которого является отображение жизни при помощи слова. Основные роды литературы: *эпос, лирика, лироэпика, драма*.

Лито́та (от греческого – простота) – образное выражение, состоящее в преуменьшении величины, силы, значения.

Мета́фора (от греческого – перенос) – троп, переносное значение слова, когда подмечается сходство одного явления с другим, скрытое сравнение.

Метони́мия (от греческого – переименование) – троп, способ переноса значения – замена целого частью.

Моноло́г (от греческого – один и слово) – речь действующего лица в произведении, обращённая к собеседнику или к самому себе.

Омо́нимы (от греческого – одинаковый и имя) – слова, одинаковые по звучанию, но разные по значению.

Олицетворе́ние – один из художественных приёмов, когда свойства человека переносятся на неодушевлённые предметы.

Пейза́ж (от французского – местность, страна) – картина природы в художественном произведении. Описание природы помогает лучше понять героев и их поступки, представить место действия.

Персона́ж (от латинского – персона, лицо) – действующее лицо в художественном произведении.

По́весть – жанр эпоса. Повесть ближе к рассказу, чем к роману, в ней изображается ряд событий, освещающих целый период жизни персонажей или одного лица – главного героя.

Поговóрка – меткое народное выражение, вошедшее в нашу речь.

Портре́т (от французского – изображение) – описание внешности персонажа литературного произведения.

Посла́ние – жанр лирики, произведение, написанное в форме письма или обращения к какому-нибудь лицу (лицам).

Послóвица – жанр фольклора, сжатое, образное, грамматически завершённое изречение с поучительным смыслом.

Преда́ние – жанр фольклора, устный рассказ о действительно произошедшем событии, историческом лице, который передаётся из поколения в поколение.

Прибау́тка – острое словцо, забавное сочетание слов.

Приключе́нческая литерату́ра – произведения с быстро развивающимся сюжетом, за которым читатель следит с неослабевающим интересом. К приключенческой литературе можно отнести авантюрные романы, детективы, фантастику.

Псевдони́м (от греческих – вымысел, имя) – вымышленное имя или фамилия, которыми подписывают свои произведения некоторые писатели.

Пье́са – общее название драматических произведений различных видов: комедии, драмы и пр.

Разви́зка – элемент сюжета, заключительный момент в развитии действия художественного произведения.

Разме́р стиха́ – заданная схема строения стихотворной строки. Стихотворные размеры в русском стихосложении: *ямб, хорей* – двусложные, *дактиль, анапест, амфибрахий* – трёхсложные.

Расска́з – жанр эпоса, малая форма прозы. Соотносится с повестью как более развёрнутой формой повествования.

Рема́рка (от французского – примечание) – авторское пояснение в драматическом произведении, в котором

описываются внешность, поведение, возраст, чувства действующих лиц, обстановка на сцене.

Ре́плика (от латинского – возражаю) – краткий ответ действующего лица в произведении, ответная фраза в диалоге, возникшая как отклик на слова партнёра.

Реце́нзия (от латинского – рассмотрение) – отзыв о произведении, его письменная оценка.

Ритм стихотво́рный (от греческого – соразмерный) – повторяемость в стихотворной речи сходных между собой единиц речи, например чередование ударных и безударных слогов. Такое чередование придаёт стихотворению особое звучание. Ритм – основа стиха.

Рито́рика (от греческого – оратор) – наука о красноречии, ораторском искусстве.

Риторический вопро́с – утверждение в виде вопроса, один из стилистических приёмов художественной речи.

Ри́фма (от греческого – соразмерность) – совпадающие, созвучные окончания двух или нескольких стихотворных строк.

Рома́н – жанр эпоса, раскрывающий историю многих человеческих судеб на протяжении длительного времени.

Сати́ра (от греческого – сатир, насмешливый полубог древних греков) – вид комического, наиболее беспощадно осмеивающий человеческие пороки.

Сино́нимы (от греческого – одноименный) – слова, различные по написанию, но близкие по значению.

Ска́зка – жанр эпоса, произведение фантастического, приключенческого или бытового характера. Бывают народные и литературные сказки.

Сравне́ние – троп, определение одного предмета при помощи его сопоставления с другим.

Стих (от греческого – ряд) – 1) так часто называют стихотворную речь; обязательным в стихе является ритм; 2) стихотворная строка.

Стихотворе́ние – небольшое лирическое произведение, написанное в стихотворной форме.

Строфа́ (от греческого – кружение, поворот) – часть стихотворения, объединённая в единое целое ритмом, рифмой, содержанием.

Сце́на (от латинского – сцена, от греческих – шатёр, палатка) – 1) площадка, на которой происходит представление; 2) часть действия в пьесе; 3) маленькая пьеса.

Сюже́т (от французского – предмет) – основные события в художественном произведении, в которых раскрываются характеры действующих лиц, отношение к ним писателя.

Основные элементы сюжета – *завязка, развитие действия, кульминация* и *развязка*.

Те́ма – круг жизненных явлений, которые отобрал и изобразил писатель в своём произведении.

Траге́дия – жанр драмы, пьеса, в которой происходит резкое столкновение личности с другими людьми и обстоятельствами, ведущее к гибели (физической или нравственной) героя.

Трило́гия – три литературных произведения, объединённых в одно целое единым замыслом, сюжетом, главными героями.

Троп (от греческого – оборот) – употребление слова в переносном смысле. К тропам относятся: *метафора, эпитет, сравнение, ирония, аллегория, гипербола* и пр.

Фанта́стика (от греческого – воображение) – мир причудливых образов, рождённых воображением автора на основе фактов реальной жизни.

Фатали́зм (от латинского – судьба, рок) – вера в то, что всё в мире предопределено таинственной силой, роком. Фаталистический – характеризующийся фатализмом.

Фолькло́р (от английского – народная мудрость) – устное народное творчество.

Хоре́й (от греческого – хор) – стихотворный размер, в основе которого двусложная стопа с ударением на первом слоге (‿ ‿).

Худо́жественные сре́дства – приёмы, которые делают речь ярче и выразительней (см. *Троп*).

Цита́та (от латинского – призывать в свидетели) – дословная выдержка из какого-либо произведения или речи.

Эзо́пов язы́к – язык, нарочито маскирующий подлинные мысли автора. По имени древнегреческого раба и поэта Эзопа, который нашёл способ иносказательно выражать свои мысли в баснях.

Экраниза́ция – кино– или телефильм, созданный на основе литературного произведения.

Экспро́мт (от латинского – скорый) – быстро, без подготовки созданное стихотворение, чаще всего шуточного характера.

Эпигра́мма (от греческого – надпись) – жанр лирики, короткое сатирическое произведение.

Эпи́тет (от греческого – приложение) – троп, слово, определяющее предмет или явление и подчёркивающее его качества, свойства, особенности.

Э́пос (от греческого – слово) – род литературы, в котором повествуется о событиях и героях.

Эссе́ (от французского – *попытка, проба, очерк*) – литературное произведение небольшого объёма и свободной композиции, передающее личное отношение автора к предмету

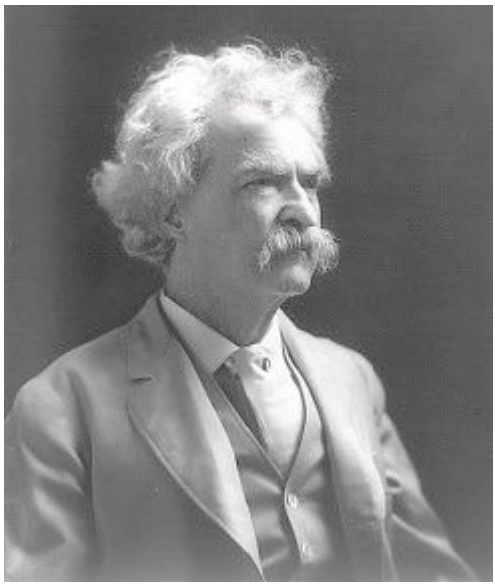
описания.

Этике́т (от греческого – обычай, характер) – установленный, принятый порядок поведения.

Ю́мор – вид комического, добрая форма насмешки.

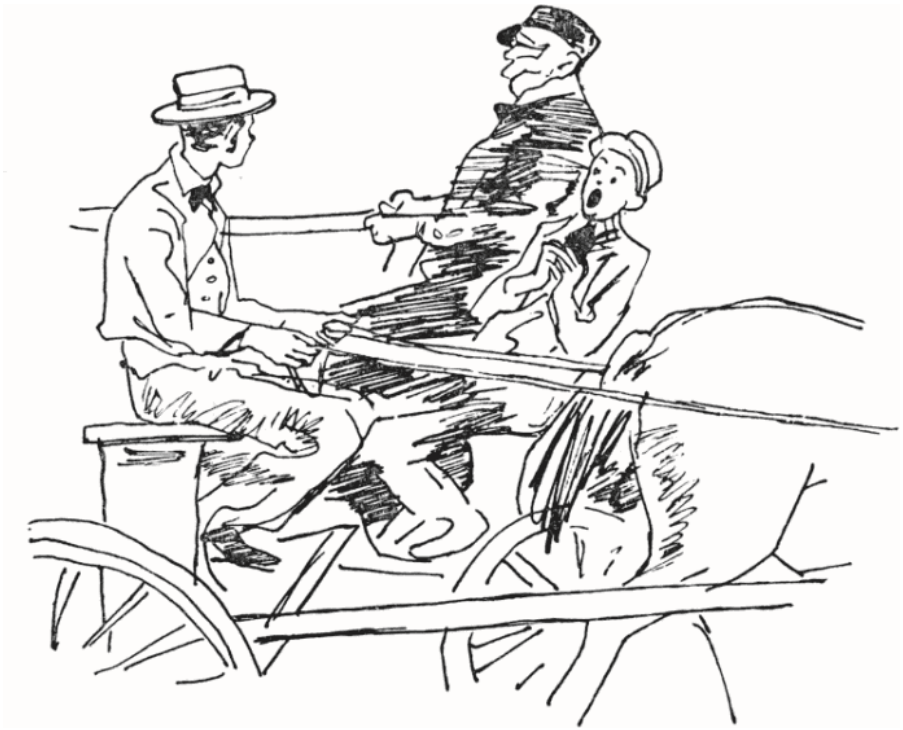
Ямб – стихотворный размер, в основе которого двусложная стопа с ударением на втором слоге (ب ـَ).

Иллюстрации



Марк Твен

«Приключения Гекльберри Финна». Художник В. Горяев



«Приключения Гекльберри Финна». Художник В. Горяев

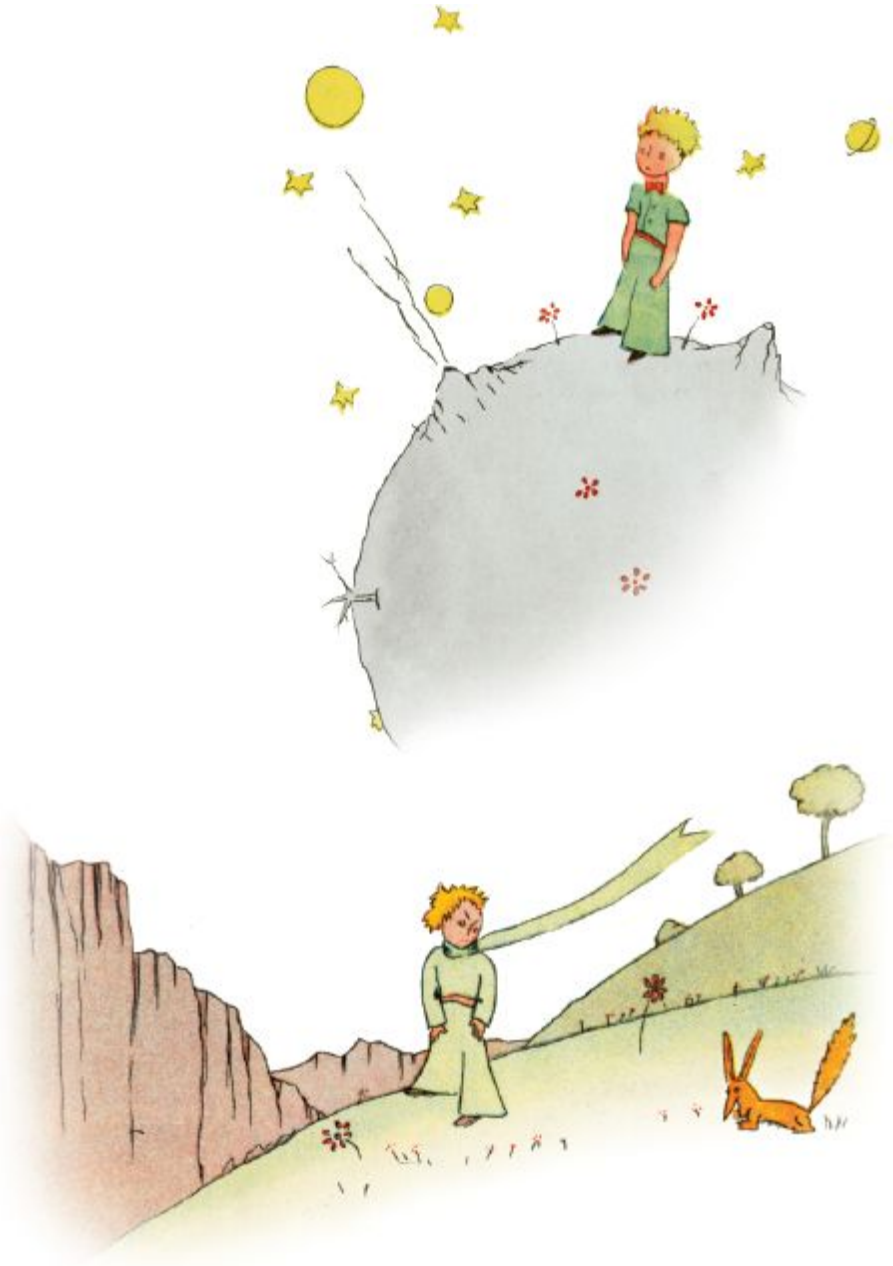
Жюль Верн

«Таинственный остров». Художник П. Луганский

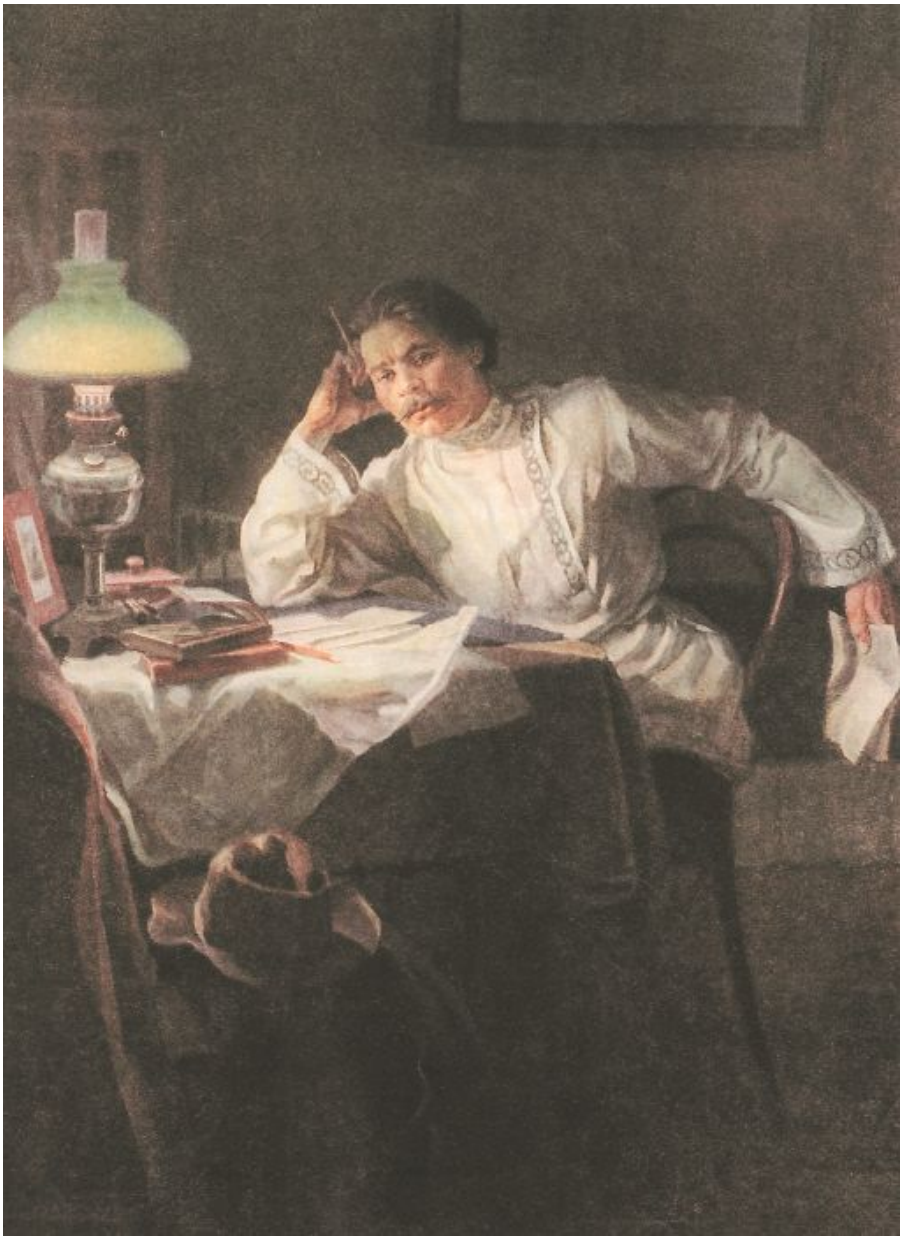
«Таинственный остров». Художник П. Луганский

«Таинственный остров». Художник П. Луганский

Антуан де Сент-Экзюпери



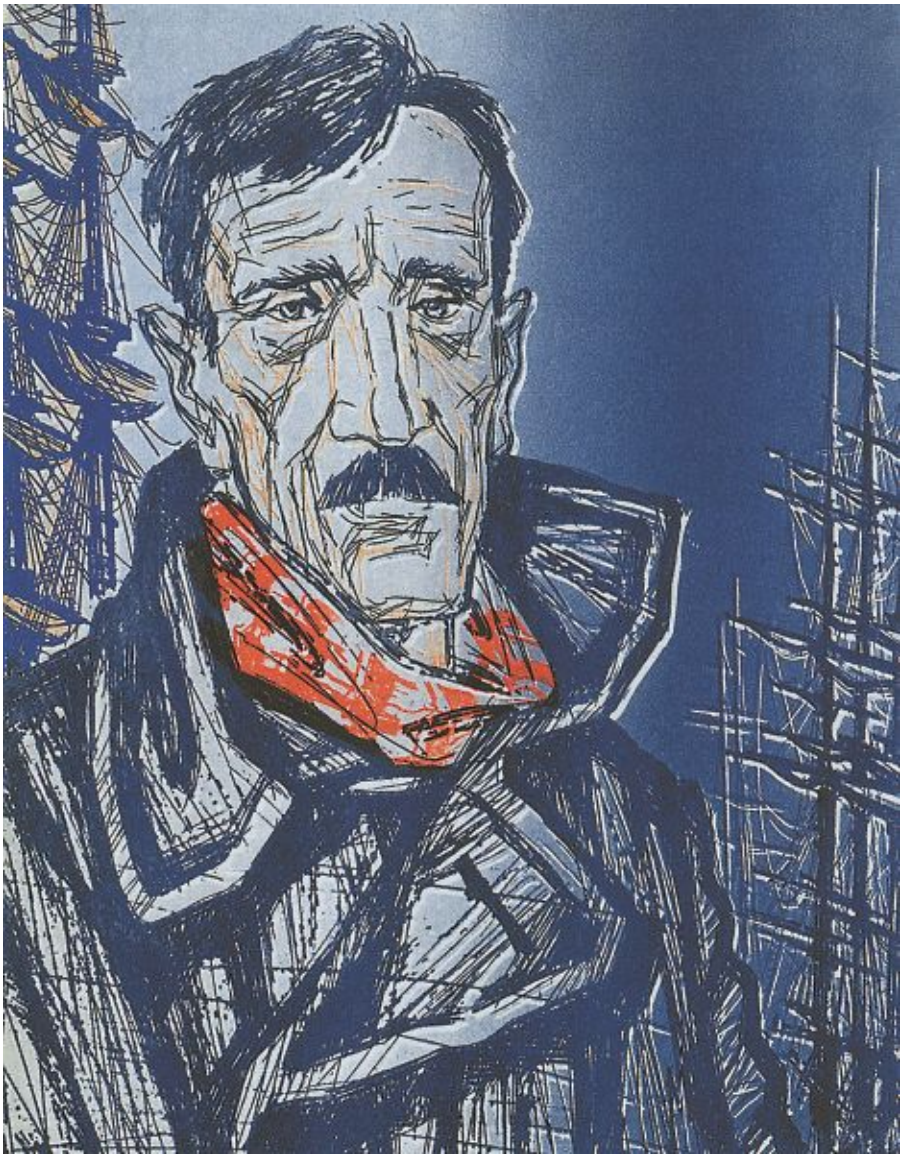
Антуан де Сент-Экзюпери. «Маленький принц»



М. Горький в Самаре. Художник И. Борисов

Бурлаки на Волге. Художник И. Репин

«Детство». Художник Б. Дехтерев



А. С. Грин. Художник А. Харшак

Дом-музей А. С. Грина в Феодосии. Интерьер

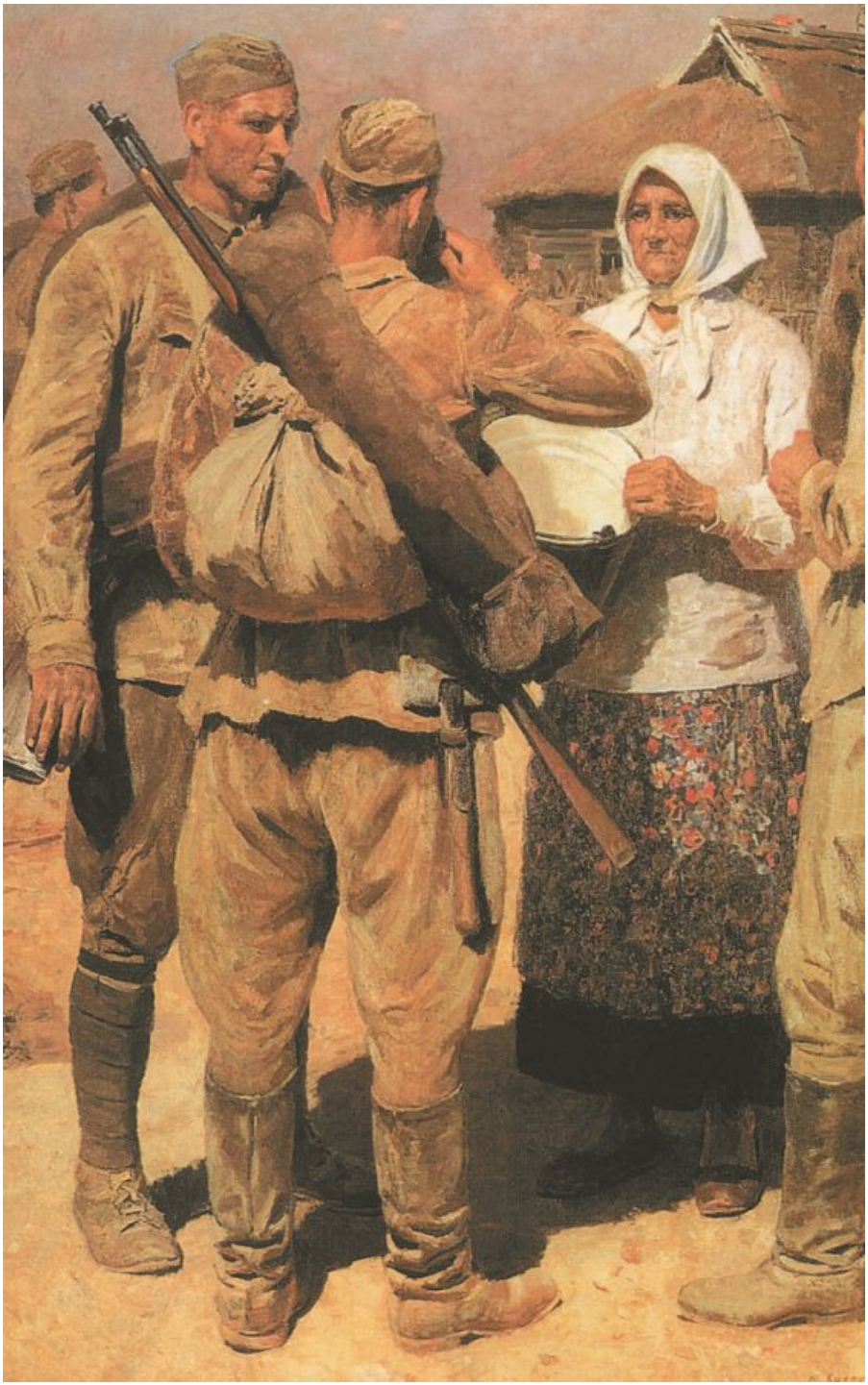
К. Г. Паустовский в Тарусе

Кузьминки. Серая дача. Художник В. Малофеев (Литературный музей-центр К. Г. Паустовского)

Фазиль Искандер

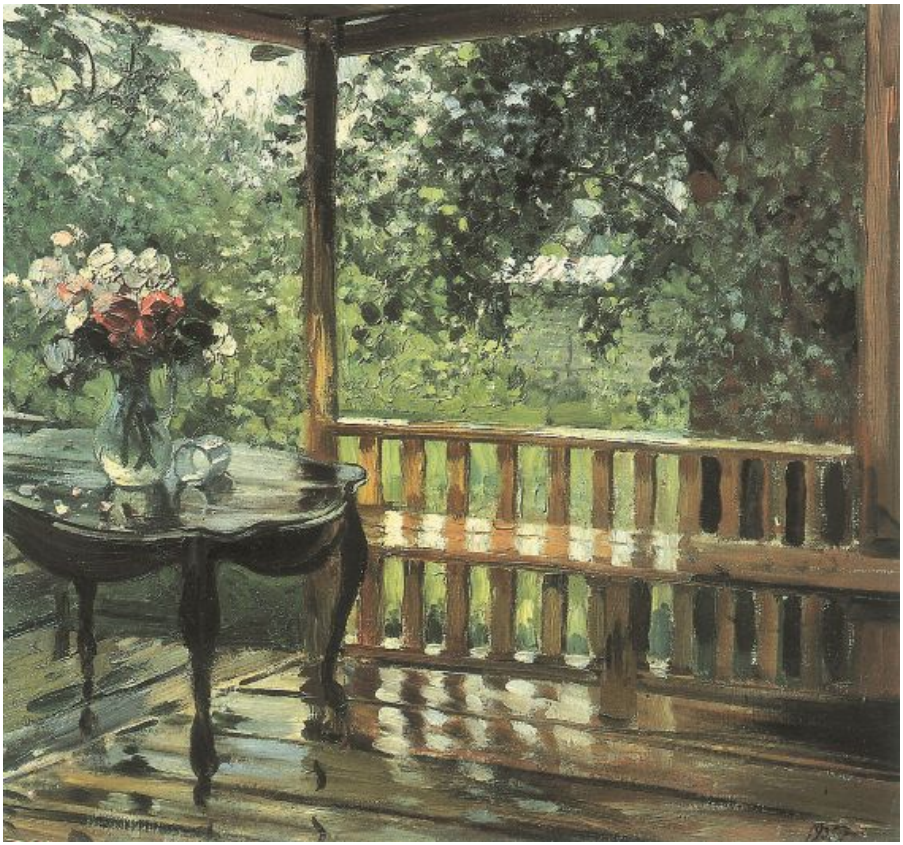
«Детство Чика». Художник В. Чижиков

«Детство Чика». Художник В. Чижиков



Летом 1941-го (Наши солдаты). Художник Ю. Кугач

Победа. Художник Е. Моисеенко



После дождя. Художник А. Герасимов

Луг с белыми цветами. Художник О. Светличная

Сумерки. Луна. Художник И. Левитан

Вечер на Волге. Художник И. Левитан

notes

Примечания

1

Тетрало́гия – произведение из четырёх книг, четырёх частей.

2

Мэ́лори То́мас (ок. 1417–1471) – английский писатель, автор романа «Смерть Артура», в основу которого легли легенды о рыцарях Круглого стола.

3

Морио́н – минерал, чёрная разновидность кристаллов кварца.

4

Конфирма́ция – у католиков и протестантов обряд или процедура приобщения подростков к церкви.

5

Соломо́н – древнееврейский царь, которому приписывается необыкновенная мудрость.

6

Дофи́н – титул наследника королевского престола во Франции.

7

Ми́ля (морская) – единица длины, равная 1853,2 метра.

8

Ярд – мера длины, равная 0,914 метра.

9

Людовик XVI правил Францией в 1774–1792 годах. Был свергнут и казнён в 1793 году. Его сын, наследный принц Шарль (Людовик XVII, 1785–1795) не царствовал. Он был арестован якобинцами и умер от болезни в тюрьме. После Реставрации (1815) его останки безуспешно искали. Людовик XVIII – король из династии Бурбонов – правил Францией в 1814–1815 и в 1815–1824 годах. Занял престол после падения Наполеона.

10

Я́лик – небольшая шлюпка.

11

То есть 46 метров в секунду, или 166 километров в час (около сорока двух лье, считая в одном лье 4 километра). (Примечание автора.)

12

Сепарати́сты – стремящиеся к отделению, обособлению.

13

Пано́птикум – собрание уникальных предметов, редкостей.

14

53-я За́падная у́лица – близкий к центру Нью-Йорка район, где живёт состоятельная часть населения города; в Нью-Йорке улицы, обозначенные номерами, идут параллельно с юго-востока на северо-запад; перпендикулярно к ним, с юго-запада на северо-восток, расположены авеню, большинство которых также имеет номера: центр города находится в районе сороковых улиц.

15

Гарде́ния – декоративное растение с душистыми цветками.

16

Намёк на звёздно-полосатый американский флаг.

17

Догмати́зм – от слова «до́гма» – нечто бесспорное, непреложная и непререкаемая истина.

18

Спири́ты – от слова «спиритизм» – вера в возможность общения с душами умерших.

19

Шантекле́р – имя петуха в «Романе о Ренаре», крупнейшем памятнике средневекового эпоса; здесь используется как возвышенное обозначение петуха и его крика, возвещающего приближение зари.

20

Аркебу́за – фитильное ружьё, заряжавшееся с дула.

вторым браком (франц.).

22

Но́вая А́нглия – историческое название первых колонизированных северо-восточных штатов Америки, население которых состояло в основном из переселенцев-пуритан, покинувших Англию из-за религиозных преследований; пуритане проповедовали строгость нравов, неукоснительное соблюдение религиозных канонов.

23

Ригори́зм – суровое, непреклонное соблюдение каких-либо принципов, правил.

24

Бры́жи – в мужской сорочке: складки на воротнике и на груди.

25

Перевод Р. Померанцевой.

26

Грум – слуга, верхом сопровождающий всадника или экипаж.

27

Зако́н о «мёртвой руке́» – правило наследования, согласно которому наследник может владеть собственностью (чаще недвижимостью) только без права передачи её кому бы то ни было.

28

Майора́т – форма наследования имущества (прежде всего земельной собственности), при которой оно безраздельно переходит к старшему из наследников.

29

Скетч (от английского слова sketch – набросок, эскиз) – небольшая одноактная комедия. Известны такие произведения у Чехова: «Медведь» и другие. Слово теперь употребляется редко. Чаще говорят комедия-шутка, водевиль.

30

Пионе́р – человек, который один из первых проник и поселился в новой неисследованной стране.

31

Кошени́ль – насекомое, дающее красящее ярко-красное вещество, а также само это вещество.

32

Пли́цы – лопасти пароходного колеса.

33

Всéнощная – вечерняя служба в церкви.

Здесь: читая монотонно.

35

Кио́т – специальный шкафчик со стеклянными дверцами для икон.

36

Бе́ринг Иван Ива́нович (1681–1741) – мореплаватель, капитан-командор русского флота. Руководил Камчатскими экспедициями. Открыл ряд островов Алеутской гряды. Его именем названо море, остров и пролив, соединяющий Северный Ледовитый и Тихий океаны.

37

Канотье́ – вид головного убора.

38

Ва́нты – гибкая часть оснастки парусного судна.

39

Реквизи́т – вещи, необходимые актёрам по ходу действия спектакля или во время киносъёмки.